

**ДРУГИЕ
МИРЫ**

Ольга Гусейнова

ПЕПЕЛ НА ВЕТРУ

Annotation

Солнце встает над горизонтом, освещая землю, которая пять тысяч лет назад пережила глобальную катастрофу. С тех пор многое изменилось. Скоро мир опять перевернется, и обретенное исчезнет в огне безумия и страха. Будет уничтожено все, что привычно и любимо, потому что кто-то захотел больше, чем имеет сейчас... Потому что кто-то ценит власть больше чужих жизней. И ты... совсем одна среди руин прежней жизни, а вокруг... лишь пепел на ветру.

- [Содержание](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Эпилог](#)
-

Содержание

Ольга Гусейнова
Пепел на ветру

Часть первая

10 декабря 5013 год с начала исчисления Черного столетия

Заложив руки за спину, стояла и смотрела в огромное, во всю стену окно в своем кабинете нового офиса компании. В душе росла странная, непонятная тревога, которая заставляла внутренности неприятно сжиматься, а руки – дрожать. Все личные кабинеты управляющего персонала нашей компании, занимающейся производством продуктов питания и владеющей аграрно-животноводческим комплексом, располагались на десятом этаже. В не столь крупном как столица городе Тюбрине – это самое высокое здание. Хотя меня и такая высота угнетала, словно во мне не четверть звериной крови, а все сто процентов.

Яркий солнечный свет заставлял слегка щурить глаза. Тяжело вздохнула, медленно скользя взглядом по разноцветным крышам домов, расположенных внизу. Даже в провинциальном Тюбрине разделение по расовому признаку соблюдалось, подпитывая и подчеркивая различия жителей Земли. Маги старались селиться в своих кварталах и крыши красили в зеленый цвет, а оборотни и хавшики – в своих, окрашивая крыши в коричневые и синие тона.

Из курса геополитической теории развития Земли, который нам преподавали в университете города Гавра, где я семь лет назад училась на экономическом, следует, что такое разделение было не всегда. Ученые доказали, что несколько тысячелетий назад строение поверхности Земли было другое. Было не два, а три огромных континента, которые населяли три различные расы, идущие собственными путями развития, обусловленными природными и погодными условиями на них, но с одним базовым набором генов, хотя имеющие некоторые различия.

Помню, лектор нам тогда говорил:

– «Запомните, на холодном, но с богатой флорой и фауной Евро развитие разумных пошло по двойственному пути, создав полиморфов. Так их называли наши ученые, а в народе просто говорят – оборотни. Потому что эта раса имеет два лица: человеческое и звериное. Полиморфы или оборотни в своем социуме делятся на разные уровни, и такая градация обусловлена видами животных, в которые эти существа оборачивались и перенимали в связи с этим часть их характеристик.»

Хвала силе, таких видов немного, но ошибаться с их определением

наш педагог уже по ОБЖ настойчиво не советовал. Одно дело кого-нибудь из кошачьих обидеть и совсем другое – задеть волка или, не дай бог, – сура. Последние, на счастье, попадались слишком редко.

Полиморфы обладают силой и умом, но магия не поддается им или не используется, наверное, потому что внутри них самих. Зато эта самая магия способствует более длительному жизненному циклу, чем у остальных.

– «Полиморфы в большинстве своем доживают до трехсот лет и лишь с приближением к последнему рубежу старости начинают стареть, знакомясь с такими понятиями как седина, больные суставы и маразм», – с улыбкой рассказывал преподаватель. И мне вспоминается, в его голосе в тот момент, звучала зависть.

На втором континенте, Амеросе, который был слишком жарким из-за расположения на экваторе, обретали хавшики. Их можно было бы назвать полноценными людьми, если бы не чешуйчатая кожа, которая защищала от жгучего солнца, и низкая температура тела. Более того, все хавшики – гермафродиты, хотя именно этот факт способствовал развитию на их континенте вполне гармоничного социального общества...

Города хавшиков располагались под землей. Они не имеют второй сущности как полиморфы, не владеют магией, но власть любят безмерно. Стремление лишь к внешней гармонии позволяет им плести интриги и вести многоходовые игры, чтобы урвать крупницы власти у соседей или сородичей. Такой своеобразный культ изначально формирует сознание любого малолетнего хавшика всегда и во всем быть первым и наверху. Но отрицательное отношение к физическому насилию сглаживало все острые вопросы в их обществе и социальные обострения.

Хавшики, так же как и полиморфы, доживают до трехсот лет, но их старение сопровождается не поседением, а шелушением чешуи, которая со временем становится белесой словно седина у людей и практически бесцветной.

Третий континент – Азес стал прародителем магов. Слишком изменчивый климат заставлял искать пути управления погодой, буйная растительность – работать с землей, богатая фауна – защищаться и выживать. На Азозе человечество пошло по пути расширения своих внутренних возможностей и развития способностей воздействовать на энергетические потоки.

Лекции по магам у нас проводились очень подробные, и на них лектор старался предоставить как можно больше информации

Маги тоже различаются на два вида: люди, которые способны лишь

чувствовать магию, но не управлять потоками. И истинные маги, сильные или слабые, но имеющие как способности, так и возможности управлять энергией Земли. Обычные люди к их вящему неудовольствию и зависти к остальным доживали лишь до ста пятидесяти лет, слабые маги могли дожить и до двухсот. Средний уровень добавлял еще пятьдесят, и только сильный маг радовался жизни и отодвигал свою старость до трехсот лет.

Долгое время представители трех ветвей землян лишь в силу необходимости сталкивались друг с другом, изучая словно врагов, осуществляя внешнеполитическую и торгово-экономическую деятельность и никогда не смешиваясь, скрыто презирая друг к друга и, в тоже время опасаясь. Полиморфы – самые сильные и умные, хавшики – слабыми, но коварные и хитрые, маги физически слабее полиморфов, но сильнее благодаря своей магии, что поспособствовало некоторому возвышению их над другими двумя расами. И рождению внутренних и внешних конфликтов на почве зависти и гордыни.

Пять тысяч лет назад катастрофа планетарного масштаба изменила лицо Земли и весь уклад жизни трех рас. Комета Адос, упавшая на Амерос, спровоцировала тектонический сдвиг и волну мощных землетрясений, вследствие чего часть материка ушла под воду, оставив лишь половину континента на поверхности, и заодно уничтожила большую часть населения хавшиков.

В тоже время Евро и Азес соединились, правда, часть их территорий и тысячи жизней тоже поглотил океан. Спустя столетие, которое назвали Черным, во времена которого Земля восстанавливалась от потрясений и глобальной катастрофы, а разумные выживали и принарабливалось к новым условиям жизни, так же создавались новые связи и образ жизни. Полиморфы объединялись с магами, но жить дружно так и не научились, хоть и образовывали общие государства со смешанным управлением.

Уже третье тысячелетие идет незримая война за первенство в управлении, власти и расовое превосходство. Браки между этими расами случались крайне редко и скорее по инициативе полиморфов, чем по желанию магов. Маги боятся силы оборотней, а те не могут спокойно переносить преимущество магов, которое заключается лишь во владении магией.

Хавшики, которые с огромным трудом перенесли ту трагедию, очень медленно возвращались из забвения. Их неистребимая любовь к власти и первенству во всем толкала на самые опасные авантюры и вовлекала в глобальные геополитические игры с магами и полиморфами. Вот так и получилось, что к концу пятого тысячелетия с начала исчисления Черного

столетия пока обычный народ большей частью жил своими насущными проблемами, верхушка помимо всего прочего строила козни и играла в страшные игры. Теперь простой народ лишь из новостей мог догадываться, что происходит на самом деле, читая между строк, и кто в этот раз ведет счет. Уже довольно долго выигрывали маги и полиморфы, загоня хавшиков в угол и обыгрывая их на всех незримых и не афишируемых фронтах, но ведь так долго продолжаться не будет.

Я вынырнула из своих мыслей, услышав осторожный стук в дверь моего кабинета. Повернулась в пол-оборота и взглянула на симпатичную девушку из полиморфов – мою секретаршу Валю.

– Кира Юрьевна, у вас совещание через пять минут. Савелий Павлович собирает весь руководящий состав.

– Спасибо, Валя, я уже иду. – коротко кивнула девушке, проследив, как она скрылась за дверью, а потом еще раз устало вздохнула.

Внутри все по-прежнему дрожало от ощущения надвигающейся беды. А меня предчувствия никогда не обманывали, более того, к ним прислушивались. Сил на полноценное ясновидение у меня не хватает, но хорошо чувствовать события еще не состоявшегося будущего я могу. Спасибо родителям.

От папы мне досталась магия земли чуть ниже среднего уровня, а от мамы – бытовая магия выше среднего уровня и это самое предчувствие. Моя бабушка с маминой стороны была ясновидящей, но она погибла при странных обстоятельствах вместе со своим мужем и моим дедушкой-полиморфом. Как сообщила полиция, на них напали грабители, но как потом долго говорила мама папе по ночам, когда они думали, что их никто не слышал, это заказное убийство. Потому что мой дед был известным политиком в Гавре, и многих магов не устраивало, что полиморф женился на магиане, да еще занял столь высокий пост.

Вместе с тревожными мыслями пришло стойкое желание позвонить родителям. Они сейчас отдыхали, путешествуя на огромном лайнере по Тихому океану. Мысленно встряхнулась и, поправив тяжелый узел волос на затылке, пошла на совещание.

В нашей компании «Агропицтех» работали практически поголовно маги, полиморфов не больше десяти процентов, и все они женщины самых слабых видов. Вон и моя секретарша – оборотень-лиса.

Женщины-полиморфы очень сексуальны, поэтому пользуются большим успехом у магов мужчин, к обоюдному удовольствию и личной пользе. А вот мужчины-оборотни отличаются мрачными, нелюдимыми характерами, они весьма подозрительны и тщательно отбирают близкое

окружение. И чем сильнее вид полиморфа, тем более замкнутый, настороженный и злой нрав.

Как-то я слышала мнение одной журналистки о реалиях нашего мира:

– «Нужно отметить, что в нашем обществе компании, принадлежащие оборотням, построены по принципу доминирования и крайне редко в них присутствуют маги, но без предрассудков принимают на работу женщин-магов. Мужчин-полиморфов притягивает их физическая слабость, которая рождает в них внутренний инстинкт защитника или охотника. А вот это смотря кому из магиан как повезет. Если уж случилось обратиться на себя внимание оборотня, то тут два варианта развития событий. Встретила защитника – можешь вздохнуть спокойно, а охотника... лучше сразу обратиться в полицию для защиты и позаботиться о судебном постановлении о неприкосновенности и запрете сексуальных домогательств.»

Примерно через неделю после этого репортажа именно последнее она и сделала.

Мои каблуки-шпильки глухо стучали по паркету коридора, пока я направлялась на совещание начальников отделов. Мягкий свет играл на полированных деревянных панелях стен, в которых размытым пятном отражалась моя фигура.

Среднего роста стройная шатенка с мягкими округлыми формами, с тяжелой массой волос, скрепленных в узел на затылке. В белоснежной блузке, с голубым шарфиком на шее, черной юбке-карандаш, светлых ажурных колготках и лакированных черных туфлях-лодочках. Я всегда и во всем придерживалась классического стиля, впрочем, как и в поведении. Меня так воспитали – примерной маминкой и папиной девочкой. Вырастив меня, уже вон двадцать восемь лет исполнилось, и университет закончила, и давно проживаю самостоятельно, но вложенные стереотипы и правила поведения изжить не смогла. Хотя это и нравилось всем моим близким, но мне доставляло некоторые неудобства.

В кабинете владельца и руководителя нашей компании Савелия Павловича Нелюбина (для своих Сава) уже сидели восемь начальников различных отделов и похоже ждали только меня – начфина. Предполагаю, каждый работник в нашей компании в курсе, что я к тому же являюсь невестой хозяина. Правда, никто не догадывается, почему в этом статусе я пребываю уже два с половиной года, но слухи по-прежнему ходили. Самые разные. И многие верны, хотя я в этом никогда не признаюсь никому.

Сава встал и помог мне сесть на стул, ближайший от его собственного кресла, при этом мимолетно погладив меня по предплечью. Невысокий

блондин, всего на три сантиметра выше меня, когда я на каблуках, стройный, очень умный и вполне красивый маг. Я в который раз несколько отстраненно посмотрела на него с искренним восхищением и уважением, но не любовью.

Три года назад он взял меня измором и обаянием, а потом так опутал собой, что я уже не смогла вырваться из его сетей. Он приручил моих родителей, которых я обожала, подружился с моими немногочисленными друзьями, которые теперь ели у него с рук. Предоставил любимую работу и выполнял все прихоти, которые мне приходили в голову. Но вместе с тем это довольно жесткий и хладнокровный мужчина, который знает, чего хочет именно он и ему не важно, что при этом думают или чувствуют остальные.

Он знал, что я не люблю его, и сие ему не нравилось и печалило, но... Он любит меня слишком сильно и эгоистично, чтобы позволить уйти от него или потерять, и соответственно своим желаниям планировал мою жизнь и судьбу.

Чего только мое назначение начальником финотдела стоит через полгода после прихода в компанию. Нет, я конечно в профессиональном плане далеко не глупая, но надо думать, что до этой должности мне бы не одно десятилетие вкалывать, а тут все почти сразу и две старые толковые работницы в придачу, чтобы помогать. И попробуй откажись, лично я не смогла. Вот так, стараясь при этом не задевать мое самолюбие или гордость и, тщательно обходя острые углы в наших отношениях, чтобы исключить любой повод разорвать наши отношения, ему все удалось. Остался лишь маленький нюанс – наша свадьба, но как раз с ней я и тянула до последнего. Привыкла плыть с ним по течению, он заставил меня считать себя обязанной ему во всем, и именно из-за этих не совсем подходящих к личным отношениям чувств, я не сделала твердого шага к свободе. И разрывать наши отношения тоже пока не хотела, Савелий меня устраивал как друг, начальник и любовник, и его ко мне отношение тоже вполне устраивало.

Где-то глубоко внутри меня тлел уголек раздражения и желания изменить сложившуюся ситуацию, разорвать этот порочный круг, который затягивает меня словно в болото. Но родители, которые уже любили Саву, друзья, которым он нравился, и весь мой быт, в который он идеально вписался, способствовали откладыванию решения этого вопроса, я продолжала плыть по течению.

Сава отдернул полы дорогого италианского костюма, сверкнув при этом массивным перстнем с бриллиантом, поправил галстук и сел за стол,

бросив на меня внимательный теплый взгляд, а я с удивлением отметила работающий телевизор, висевший на стене сбоку от него. Обычно Сава раздражался от любого отвлекающего от него внимание фактора.

– Ну что ж, все в сборе, давайте займемся нашими делами. Нам поступил большой правительственный заказ на поставку продовольствия длительного хранения. Как мне намекнули, для обновления резервного фонда, в связи с тем, что сроки годности вышли...

– Насколько я знаю, государственный заказ всегда выполняют только крупные монополисты, почему на этот раз выбрали нас? Да и справимся ли мы с такими объемами?

Начальник экономического отдела старая магиана Вера Борисовна говорила ворчливо и с легким недоумением в голосе. Поправила короткие волосы, в которых, несмотря на ухищрения и магов-парикмахеров, уже виднелись седые волосы и в большом количестве, лицо еще моложавое, но с ее низким уровнем магических способностей она старела быстрее, нежели хотела, и, дожив до среднего прожиточного возраста магов в двести лет, будет выглядеть, скорее всего, дряхлой старухой.

Еще один источник зависти магов к полиморфам. Те не старели, лишь матерели или в случае с женщинами приобретали все большую женственность и сексуальность, а потом буквально за десяток лет до естественной смерти знакомились со старостью.

Вере ответил сам Савелий, при этом бросив внимательный взгляд карих глаз на всех остальных сидящих за столом.

– Так было всегда, но в этот раз они сами вышли на меня... Я не знаю причин, но могу догадываться исходя из некоторой информации и слухов...

– Если мы будем основывать наш бизнес на слухах, то... – Вера Борисовна замолчала, стоило Саве прервать ее резким голосом.

– В этот раз все серьезно. Из разных источников я выяснил, что правительство делает закупки в подобных нашей фирмах и не только продовольствие... Они не афишируют своих действий и объема заказов, но слухи ползут. Грядет что-то тревожное. И цены начали расти на все...

В этот момент началась новостная заставка, и Савелий быстро включил звук, жестом призвав нас помолчать. Комнату наполнил сильный, хорошо поставленный голос диктора с трагическими нотками:

– Новые столкновения в парламенте между советниками президента Верховина произошли на почве разногласий по поводу такой острой проблемы как равенство рас. Ничего нового наш корреспондент Малкин не услышал, а парламентарии как и всегда неохотно дают интервью или делятся информацией. Но нашему каналу удалось добыть информацию,

что все напряжение, которое сейчас царит в парламенте, вызвано странным заявлением хавшиков на саммите большой восьмерки в Альбукерке, где обсуждались основные вопросы геополитики. Пока данное заявление не раскрывается, но судя по растущему напряжению на общих границах объединенного ЕвроАзеса, что-то явно намечается. И военные ведомства всех двадцати восьми государств ЕвроАзес начали подтягивать к своим границам регулярные войска. Коалиция СМИ ведущей восьмерки уже подала протест в Верховный суд Гааги с требованием снять гриф секретности с подобных заседаний и обнародовать всю информацию. СМИ других стран и различные организации по правам человека полностью их поддержали. Планируются массовые пикеты и митинги.

Я пришла в шок от таких новостей, а диктор между тем продолжил:

– А теперь поговорим о других новостях. Как сообщили проверенные источники, на островах Сургата, расположенных в нейтральных водах между Амеросом и ЕвроАзес, два дня назад зафиксирована странная световая вспышка и волновое излучение. Все говорит о том, что там произошел взрыв пока не известного происхождения. На данный момент пока ни одно из правительств и террористических организаций не взяли на себя ответственность за это происшествие. Как нам сообщили в пресс-службе ФРС по данному факту начато расследование. Хотя, как мы все знаем, вряд ли это ведомство потом обнародует данные этого самого расследования...

Савелий выключил звук и с хмурым выражением лица повернулся, окидывая нас взглядом, в котором так и читалось: «Ну, я же говорил!»

Все одновременно загальдели, а я отстранилась от этого шума, предчувствие во мне уже не дрожало – билось в истерику. И желание позвонить папе с мамой неуклонно росло. Я даже не заметила, как закончилось совещание, и едва услышала, что наша компания приняла государственный заказ и усиленно начнет его выполнять.

С наших основных складов в Тюбрине уже на следующей неделе начнут отправлять продукцию большими партиями в нашу столицу Москану. И в Гавре, крупном региональном центре, который находится в четырех часах езды от Тюбрина, тоже есть пара наших производств, и они так же будут выполнять государственный заказ.

Мы с Савой вышли из здания и направились к машине, водитель которой услужливо распахнул двери в ее теплое кожаное нутро. Я куталась в воротник теплого кашемирового пальто, укрываясь от промозглого декабрьского ветра, но холод все равно проникал под одежду. Услышала трель и, благодарно кивнув Саве, помогающему мне сесть в салон,

порывшись, достала из сумочки телефон. Я еще не успела нажать кнопку приема, как почувствовала, что холод резко выстудил все внутри меня. В плохом предчувствии. Мягко хлопнула дверь машины, я же, отстраненно наблюдая за быстро обходящим машину Савой, чтобы сесть в нее самому, приняла вызов.

– Кира Юрьевна Нехорошева?

– Да! А с кем я разговариваю?

– Кира Юрьевна, у нас для вас печальные новости... Ваши родители Юрий Алексеевич Нехорошев и Амина Руслановна Нехорошева погибли... Они подхватили вирус на Сармате, и тяжело говорить об этом, но вам надлежит приехать в Москану и забрать их тела для захоронения. Единственное, вам сначала надо опознать их, а потом...

Спасительная темнота накрыла меня, спасая от истерики и заставляя умолкнуть мой крик смертельно раненного животного. Темнота оказалась столь милостива, что забрала не только мое сознание, но и невыносимую боль от потери самых близких и родных людей.

* * *

12 декабря

Серые тяжелые облака медленно плыли по небу, скрывая солнце и давя на сознание, усугубляя и так полуобморочное состояние. Я больше ничего не чувствовала, внутри все заledenело, даже душевная боль словно звенела сосулькой. Слезы закончились, и глаза жгло, поэтому я боялась их даже прикрыть, чтобы вновь не увидеть жуткую вчерашнюю картину.

Множество тел в здании военного морга Москаны, который поражал своими размерами и гулкой тишиной. Там, среди мертвых тел, лежащих на низких кушетках, ходили поникшие, потерянные живые, такие как мы с Нелюбиным. Хотя Сава ходил с гордой прямой осанкой и лишь морщился от жуткого запаха, от которого не спасала даже магия.

Здесь лежали триста восемьдесят бывших пассажиров кругосветного лайнера «Орион», который под охраной транспортировали от острова Сармат, где обнаружили этот большой красивый корабль. Он был заполнен мертвыми людьми, впрочем, как и сам остров, на который заходил этот круизный лайнер.

Пропавших не было, все на борту и все скончались от неведомой болезни. Весь остров Сармат, как шептались по углам служебных

помещений морга другие родственники погибших туристов с «Ориона», выжгли дотла вместе с погибшими. И только лайнер с его жутким грузом доставили к границам нашей родины Россины. Для исследования и расследования причин случившегося.

Пока не было точных и достоверных данных происхождения этого вируса, возник ли он на острове и был перенесен на корабль, или наоборот, был занесен на остров пассажирами корабля.

Когда я взглянула на своих маму и папу, поразила увиденному. Их кожа свисала лохмотьями... Жуткими сухими лохмотьями, а их некогда еще молодые и здоровые тела пугали невероятной худобой и бесцветностью, с ярко выделяющимися синюшными пятнами. Но то что это мои родители – сомнению не подлежит. Прикасаться к ним запретили, и каждое тело защищал магический прозрачный купол для предупреждения распространения инфекции.

Я благодарила бога и энергию за то, что Сава оказался в этот момент со мной. Случившееся сломало меня и заморозило все эмоции и чувства. Мне повезло, что мой жених взял все проблемы на себя, организовав оформление и кремацию. По требованию АНБ похороны были на местном кладбище, потому что даже прах запретили вывозить, и он водил меня все это время за руку.

Стук замерзших комьев земли по крышкам металлических урн с прахом, которые закапывали одновременно, вызывал ощущение, словно меня бьют, каждый ком – сильный удар под дых.

Я вздрагивала от этих жутких бум-бум-бум, но лишь пара слезинок, сползла по щекам мокрыми дорожками. Теплые объятия Савелия укрыли от промозглого ветра, от хмурых лиц людей со слабым даром магов, которые явно не от хорошей жизни трудились на военном кладбище гробовщиками, от тягостного вида огромного поля с невысокими каменными безликими табличками, на которых часто кроме личного кода даже инициалов нет. Невдалеке от нас с Савелием и представителем коронерской службы, который обязан был зафиксировать факт захоронения опасного содержимого урны, стояли родственники других погибших с «Ориона».

Их было много, таких же как мы: кто-то стenal, стоя на коленях на холодной земле, кто-то просто замерзшими статуями, как и я, стоял и смотрел в небо, кто-то с равнодушной миной на лице, вынужденный тут стоять, ждал, когда уже можно уйти – все воспринимали эту трагедию по-своему.

Я же ничего не чувствовала, все внутри меня словно замерзло на

стылом декабрьском ветру, который медленно гнал серые тяжелые тучи по такому же безрадостному небу.

В аэропорт мы ехали в полном молчании. Водитель, предварительно тихо спросив разрешения у Савы, включил новостной канал на радио. И салон автомобиля заполнил резкий голос диктора:

– ...по последним данным из наших источников, стало известно, что все, кто находился на этом корабле, погибли. Причиной гибели пассажиров и экипажа туристического лайнера «Орион» стал новый, неизвестный ученым вирус. Как нам стало известно из надежных источников, весь остров Сармат был подвергнут обработке огнем. Лекарств или вакцины от данного вируса пока не существует, и как нам сообщили, ведется следствие. Но наши аналитики смогли провести параллель между взрывом на Сургатских островах и массовой гибелью возле Сармата, который, как вам всем известно, находятся довольно близко к островам, и здесь явно имеется связь.

Водитель бросил тревожный взгляд на меня в зеркало заднего вида и переключил канал.

– Министр иностранных дел Иван Лавкин в срочном порядке вылетел в Бинидос на совещание межправительственной комиссии по факту взрыва на Сургатских островах вблизи границ ЕвроАзеса. В высших кругах власти предполагали, что данное событие явно не прошло без участия хавшиков. Снова встает вопрос, что за заявление сделали эти чешуйчатые на саммите большой восьмерки, что его тут же засекретили. Мы требуем от властей...

Тишина воцарилась в салоне, а водитель смущенно старался не смотреть в зеркало и наблюдал за дорогой, крепко сжимая руль магмобиля.

Самое смешное, что оборотни предпочитали ездить именно на магмашинах, которые работали от аккумулятора, который требовал лишь магической подзарядки или просто периодической смены стандартного энергетического накопителя. Они сквозь пальцы смотрели на факт использования магии в своих машинах, их даже зависимость от магов не смущала. Это разработка полиморфов, а вот сами маги пошли по пути технического прогресса, используя бензиновые двигатели для автомобилей, что увеличивало их мощность и скоростные характеристики. Им не важно, что выхлопные газы наносят вред окружающей среде и жителям планеты – в первую очередь, уже не говоря об истощении природных ресурсов.

Но в связи с тем, что многие силовые ведомства возглавлялись полиморфами, то и машины закупались соответственно их желаниям и

потребностям. Вот и сейчас мы ехали на маг-мобиле, а водитель – оборотень, скорее всего кто-то из кошачьих.

Нас привезли в аэропорт и помогли быстро пройти регистрацию. Весь полет я сидела с закрытыми глазами и была рада, что темнота под веками была лишь темнотой.

Тюбрин встретил морозом и снегопадом, снежинки кружились, оседали на любых поверхностях, образуя пышные сугробы или расписные белые узоры на окнах. Мое сердце уже сроднилось с болью, а внутри царило безразличие ко всему.

Я отказалась переехать к Саве, который под предлогом заботы обо мне попытался полностью наложить на меня руки. И хотя чувствовала себя полнейшей эгоисткой, но и отказаться сейчас полностью от него не могу – не выдержу полного одиночества. Сейчас Савелий та ниточка, которая все еще связывает меня с родителями, ведь они его по-своему любили.

Три дня я бродила по родительской квартире, словно сомнамбула, не в состоянии спать, есть и даже думать. Все убрала, а потом просто лежала, тупо глядя в потолок. Слез уже не было. Но моя жизнь продолжается и придется научиться жить без любимых людей, а они один за другим почему-то покидают меня, уходя в другой, я надеюсь, более радостный мир.

* * *

30 декабря

Двигатель «кешара» работал с приглушенным урчанием, создавая уют в теплом салоне маг-мобиля. Еще два года назад я купила его в кредит и очень люблю свой небольшой, но удобный мобиль. И хотя Сава настойчиво предлагал мне в подарок более дорогую машину на бензиновом двигателе, но я любила своего Кешу и наотрез отказалась. Я ехала в Васино, где меня уже ждал Савелий. С момента нашего возвращения прошла пара недель, и я потихоньку оттаивала.

Три года назад Сава купил себе участок земли в Васино. В очень красивом месте на берегу реки Васинки. А после того как мы перешли на более личные отношения, он уговорил и меня купить участок по соседству с ним, приведя очень веский аргумент:

– Когда ты выйдешь за меня замуж, то на этом участке в доме, который мы построим, будут жить твои родители. Ведь им на старости лет будет

гораздо приятнее и комфортнее проживать на природе, а не в городе с его спертым воздухом от выхлопных газов.

Я же в тот момент рассчитала экономическую выгоду от этой покупки, поэтому и согласилась.

Две недели назад, вернувшись домой в Тюбрин, Сава начал усиленно заниматься кучей дел, при этом не забывая и обо мне. Он жестко контролировал ход выполнения госзаказа, зачем-то нагнал рабочих в Васино и принялся в ускоренном темпе заканчивать строительство наших домов. При этом еще и переделкой уже выполненных работ зачем-то занялся, и сейчас хотел мне показать, что сделал.

Мы с Кешей буквально летели по асфальтированной дороге, ведущей от Тюбрина в сторону Васино; несколько километров, отделяющие это красивое место от города, дарили приятное уединение и покой, но в тоже время позволяли быстро оказаться среди городской суеты.

Свернула на гравийку и поехала по дороге, петляющей между деревянными домами. В Васино постоянно

жили только маги и в основном либо те, кто обладал слабым магическим даром, либо те, кто лишь чувствовал ее. Все они работали на фермах, принадлежащих компании «Агропищтех», либо сами являлись фермерами.

И только пять лет назад, когда здесь организовали одноименный жилищный кооператив, эта деревушка превратилась в элитный поселок, правда с жестко ограниченным количеством участников застройки. Многие богатые деятели нашего города хотели уединенности, покоя и защищенности. Именно по этой причине местечко не афишировали, а участки продавались только с согласия всех членов кооператива.

Дома остались позади, а я ехала между снежными сугробами, в искрящейся белизне которых отражались солнечные лучи, заставляя щуриться.

Вот и территория кооператива. Это череда разграниченных участков с высокими заборами. Хотя пока из тридцати предполагаемых домов построены лишь десять и три из них еще в конечной стадии строительства. Так что пока только семь домов радовали взгляд добротностью и дымком из труб над крышами, а вокруг только снежная гладь и умиротворяющая тишина.

Заехав в ворота собственного дома, отправилась на поиски жениха, попутно здороваясь с отделочниками и электриками. Еще позавчера Сава осторожно рассказал, что намерен переделать в наших домах. Во-первых, он установил котел на дровах для обогрева дома. На вопрос «зачем эту

грязь разводить» мне туманно пояснили, что всякое в жизни может случиться, и нужно быть готовым к тому, что отключат электричество.

Еще большее удивление вызвало появление во дворе индивидуального водозабора. А еще год назад он сам лично отмахнулся от этого простого варианта, предложенного прорабом, мотивируя это архаичностью и трудоемкостью. Еще он вырыл погреба размером с один из наших небольших складов, поморщившись, коротко предположил, что это для возможных развлечений. Отметив мой скептический взгляд, больше ничего не добавил. Сава всегда отличался вдумчивым подходом к любому делу, но плюсом к этому часто шла мнительность и излишнее паникерство. А вдруг, а если... Вот как сейчас это происходит.

Пока шла по своему большому участку в сторону калитки в заборе, отделяющем наши участки, в шоке наблюдала, как строители надстраивают кирпичные заборы по внешнему периметру, превращая участки двух домов в неприступную крепость. Более того, этот паникер зачем-то еще и лестницу пристроил и площадку, чтобы можно было, не выходя за ворота, посмотреть, что наружи происходит.

Прошла по дорожке из плиток до одной из новеньких, правда, непонятного назначения каменной хозяйственной постройки, увидела внутри Саву с двумя мужиками. А уже через минуту вообще в шоке застыла, потому что слабый менталист Савелий сейчас вполне не слабо стирал информацию из памяти строителей. Он отвлекся всего на мгновение, увидев меня, но закончил с мужчинами и коротко приказал все еще находящимся под действием заклинания ждать его в доме.

Я напряглась, уставившись на него как кролик на удава. Савелий же, проводив взглядом рабочих, наконец, обратил взгляд карих глаз на меня. Сделав пару шагов, сократил расстояние между нами и хрипловато прошептал, выдыхая облачка пара на морозе.

– Прости детка, что тебе пришлось это видеть, но я не хочу, чтобы по городу ходили слухи обо мне и моем доме. А главное, о его содержимом...

Он попытался привлечь меня к своей груди, но я уперлась ладонью в мягкое кашемировое пальто и слегка оттолкнула его. После того как я вернулась из Москаны, больше не могла без содрогания переносить его прикосновения. Сава смерил меня прищуренным взглядом, но отпустил. И мне очень не понравилось холодный, недовольный, расчетливый огонек, который вспыхнул в его глазах.

– Прости, я пока не могу... это не из-за тебя... Это просто стресс и...

Он расслабился, мягко улыбнулся, но тот огонек, который зажегся в его глазах, не потух, и это меня встревожило. Савелий относится к тем

магам-мужчинам, которые ради достижения своей цели и исполнения желаний готовы пойти на многое, и вполне возможно – на все. Тревожный звоночек предчувствия начал подтренькивать, заставляя подумать о дальнейших наших отношениях.

Я неожиданно подумала, что вполне возможно лучше прекратить их сейчас, чем когда будет совсем поздно. Но мужчина уже отвернулся и, подхватив меня под локоток, потащил внутрь помещения. К моему удивлению, он отодвинул пластиковую панель, выглядывшую как обычная каменная стена, за которой обнаружился кодовый замок. Набрав шифр, тут же неосознанно отложившийся в памяти, активировал открытие. Большая часть стены медленно отъехала в сторону, продемонстрировав содержимое странного сейфа. Здесь хранится оружие, причем в большом количестве!

И хотя Сава числился коллекционером различного оружия, состоящего на учете в полиции, но тут его гораздо больше, чем официально зарегистрировано, без сомнения. Прочистила горло и прошептала:

– Ты маленькую войну затеять хочешь?

Он довольно хмыкнул, потом под моим немигающим взглядом погладил меня по щеке, и выдал:

– Кир, слухи ходят разные... Но от таких людей, что не верить им, это заранее обрекать себя на проигрыш... жизни. Не только наше, но и соседние государства делают закупки продуктов питания длительного хранения. Вопрос зачем им всем это. Далее закупают оружие, промышленные товары, проводят рекогносцировку армейских частей, причем как внешних так и внутренних войск. О чем это может говорить, как думаешь? Мне сказали, ходит слух, если его можно так назвать, что хавшики намерены начать полномасштабную войну за передел сфер влияния и территорий. И заявление в Альбукерке, которое они сделали, гласит именно об этом... Три дня назад мне позвонил двоюродный брат, который живет в Бинидосе. Так вот, там начались волнения, потому что в прессу просочились некоторые сведения, которые обсуждались на комиссии по межрасовым отношениям. Оказывается, началась грызня между нашими магами и полиморфами за сферы влияния и все из-за хавшиков. А теперь, я знаю, как тебе будет больно, но на «Орионе», где отдыхали твои родители, была конференция магов и все они погибли... За сутки, Кир, понимаешь? А вот из полиморфов-военных, которые обследовали корабль, не заболел ни один, теперь ты понимаешь, куда я клоню?

Я побелела и хрипло спросила:

– Ты считаешь, что возможна война? – Потом помотала головой и

сама же жестко ответила: – Ты параноик, Савелий! Вполне возможно это все домыслы и цепь трагических случайностей. Маги слабее полиморфов, и тебе это известно. Я лишь на четверть полиморф и то крайне редко болела, а на них все быстро заживает и ко многим нашим болезням они не восприимчивы. Хотя им и своих вполне хватает. И поэтому не заразились... там. Тем более уверена, что и военные вполне возможно могли скрыть свои потери, чтобы еще больше не нагнетать жути и страха... или паники как ты сейчас. И главное, моя мама полукровка, но она лежит там вместе с папой. Значит, ты ошибаешься.

– Ну да, детка! – презрительно скривившись, ответил Сава, активируя закрытие хранилища с оружием и задвигая стенку обратно, скрывая тайник.

– Ты можешь успокаивать себя как хочешь, а мне надо о семье заботиться...

– О какой семье? – я разозлилась и меня понесло.

Сава же медленно повернулся в мою сторону и пристально посмотрел мне в глаза:

– О тебе и будущих детях! наших с тобой детях!

Я отшатнулась от него, заметив с какой злостью он уставился на меня. Мои магия предчувствия и недоразвитое ясновидение полностью исключали возможность ментального воздействия, и судя по всему, Савелия это бесило. Я не сомневалась, что если бы он мог, воспользовался бы внушением мне глубоких чувств к своей персоне.

– Прости, Сав, но на семью и детей я пока не готова. Я вообще сомневаюсь, что наши отношения нужны мне в том виде, как ты их предполагаешь. Я не люблю тебя, и ты об этом прекрасно знаешь...

– Замолчи, Кира! Я люблю тебя, и мне этого достаточно. Я хочу, чтобы ты была моей и только моей. Остальное придет со временем...

– Нет! Со временем любовь не придет. Ты для меня больше друг, чем любимый мужчина. Я уважаю и ценю тебя, но мне... я... Я больше не могу скрывать и от тебя, и от себя, что больше даже не хочу тебя. После того, что случилось, во мне что-то изменилось, и на полумеры я больше не согласна. Нам нужно...

Он схватил меня за грудки рукой, притянул к себе и начал бить по лицу другой. Его перекосило от злости и отчаяния. Бил, потом тряс словно грушу, а потом притянул к себе мое окровавленное лицо, впиваясь в разбитые губы жестким поцелуем собственника. Я двинула ему между ног коленом, заставляя сложиться пополам. А потом, пуская кровавые пузыри прошипела:

– Не смей ко мне больше прикасаться! Нас больше ничего не связывает, я прощу тебе ЭТО только по одной причине. Ты стоял тогда, там со мной, и я благодарна тебе за это.

Резко развернулась, пошатнувшись от того что закружилась голова, даже узел волос рассыпался волной по спине, и двинула к выходу. Хриплый резкий окрик Савелий заставил притормозить:

– Прости, прости меня, Кир! Я люблю тебя, я не хотел, ты вынудила меня... пости.

Грустно хмыкнула скорее над собой, чем над ним и холодно ответила, сплевывая кровь на бетонный пол:

– Завтра мое заявление об уходе будет у тебя на столе! И запомни Савелий, когда любят, по морде не бьют...

– Кир, я не приму твоего заявления. Я понимаю твое состояние из-за трагедии. И я погорячился. Хочешь взять передышку в отношениях – хорошо, я согласен. Но давай не будем все делать сгоряча. Как финансист ты меня вполне устраиваешь, давай пока останемся хотя бы друзьями?

Внимательно посмотрела в его расстроенное и печальное лицо с тонкими чертами, затем согласно кивнула. Но перед тем как уйти, добавила:

– Савелий, подумай до понедельника о моем заявлении об уходе. Потому что я тебе могу точно сказать, что больше НАС нет и, никогда не будет. Ни один мужчина, поднявший на меня руку, не будет МОИМ мужчиной. Так что думай!

В спину мне донесся печальный смешок и последняя фраза Савы:

– Я уже подумал! Жизнь все расставит по своим местам...

Пока шла к машине, стараясь как можно быстрее уйти отсюда, неожиданно столкнулась с Михалычем. Это его так все уважительно называют, а на самом деле у старого хавшика, как и у представителей всей его расы, нет отчества.

Внешность Михаила Саппера типичная для всех хавшиков: сероватая, неровная от старости и морщин чешуевидная кожа, глубоко посаженные, всегда влажные, словно слезящиеся карие глаза, и сам он невысокий и жилистый. Хоть магией и силой полиморфов не обладает, да и представителей его расы его не любят, но Михалыча уважают все. К его мнению прислушиваются, советуются и животных он любит как родных и те платят ему тем же.

Раньше Михалыч работал техником на животноводческой ферме, а три года назад Сава назначил его руководителем основной в «Агропищтех» фермы, но хавшик по старой привычке и среди техников подвизался, обучая

молодых специалистов и присматривая за процессом.

Ферма как и основные здания агрокомплекса нашей компании, располагалась через поле от Васиной, и по этой причине еще три года назад я познакомилась с Михалычем и мы подружились.

Отметив мое кошмарное состояние – лицо в крови, разбитые губы и нос – потемнел лицом и нахмурился. Затем выдал, заметив появившегося в дверях Савелия в растрепанных чувствах:

– Похоже, ты решила расставить все точки по местам?! Я, конечно, подозревал о его нелегком характере, но чтобы такое...

Махнула рукой и прогундосила:

– Сама виновата! Надо было не заходить так далеко, а я все не решалась... – резко замолчала, осознав, что и кому говорю. А главное, все это неправильно, некрасиво и... больно. Не только сердцу, но и разбитому носу. – Простите, мне надо домой.

Платком прикрыла нос и быстрее рванула к машине. Не хочу и не могу с кем-либо сейчас общаться, да и видеть тоже никого не хочется. И противно так, аж до самой печенки. Я никогда не думала, что со мной может произойти подобное. Чтобы мужчина, с которым делила постель и часть своей жизни, смог поднять на меня руку... как будто меня сейчас не пбили, а в помоях искупали, настолько противно и обидно.

* * *

5 февраля

По дороге из аэропорта я устало наблюдала, как мимо проносятся дома и люди. В салоне внушительного автомобиля представительского класса уютно и просторно, а главное, вся суэта огромного мегаполиса оставалась снаружи. Откинувшись на спинку сиденья, рассеянно следила за происходящим на улицах Москаны, по которым мы проносились, стремясь быстрее попасть в отель, где будет проходить конференция пиццевиков со всей Россины, где для нас были забронированы два номера.

С того дня перед новым годом, когда Савелий избил меня, наши отношения перешли на другой уровень. Я старалась избегать любого личного общения с ним, а он всеми силами пытался изменить мое отношение к нему и добиться расположения. Все это выглядело как танцы над пропастью, сделаешь неосторожный шаг и сорвешься вниз.

Вот и сейчас он осторожно положил свою ладонь, на мою руку,

лежащую на сиденье автомобиля, а я резко ее отдернула, заставив его тяжело вздохнуть.

Придя на работу сразу после новогодних выходных, которые я впервые в жизни проводила в одиночестве, отказавшись от предложений двух своих друзей праздновать с ними, сразу пошла к нему в кабинет.

За прошедшие дни я не ответила ни на один его звонок и двери тоже не открывала, и сейчас настроилась уволиться как никогда. Но Савелий рассыпался в извинениях и заверил, что он не хочет терять сразу и любимую женщину, и первоклассного специалиста по финансам. Чувства отдельно, как говорится, и бизнес отдельно. В этом я как раз не сомневалась, для Савы деньги и его бизнес играют первоочередную роль, а работа в компании меня устраивает и, честно говоря, страшновато лишиться еще и ее в ситуации, когда нет родителей, а теперь и жениха. Именно по этой причине я согласилась остаться в «Агропищтехе», но напомнила бывшему жениху, что никаких нас больше нет и, никогда не будет. Хотя про себя отметила, что в этом он сомневается и намерен попробовать все наладить.

Сколько такое положение дел продлится – не знаю, все и так происходит очень стремительно для такой благополучной девушки как я и, наверное, подсознательно хотела притормозить столь крупные перемены в своей жизни в надежде отсрочить очередные неприятности, а я их приближение, увы, чувствовала.

Мой резкий жест заставил Саву злым голосом попросить водителя включить новостной канал. В итоге, уже через мгновение раздался приятный женский голос, который, к сожалению, сообщал не слишком приятные новости.

– ...гибель большинства приматов на островах Сургата стала очередной серией необъяснимых смертей в той части Тихого океана. Но до нас начали доходить сведения, что странный вирус, который косит приматов, перекинулся на полуостров Тонго, связанный Перминовским перешейком с ЕвроАзесом. Там зафиксированы первые смертельные случаи среди людей. В Бинидосе вновь собралась большая межгосударственная комиссия по вопросу предотвращения распространения неизвестного пока ученым заболевания. Так же сообщают, что государство Арабекс, куда входят зараженные территории Тонго, запросило помощи у ВООР. В Арабекс уже начала поступать гуманитарная помощь, лекарства и стягиваться объединенные войска для предотвращения мародерства и волнений...

Теперь перейдем к другим новостям. Созданная коалиция из

представителей правительств ЕвроАзеса выразила правительству хавшиков и всему Амеросу протест. Уже вторую неделю в правительстве идут закрытые для СМИ дебаты о заявлении хавшиков, сделанном еще в декабре, и пока решение по нему и вообще какие-либо разъяснения не были сделаны...

– Выключи! – раздраженный голос Сава выдернул меня из очередной волны дурного предчувствия.

Водитель тут же выполнил его приказ, бросив в зеркало заднего вида настороженный недоуменный взгляд. Еще бы, сейчас все слушают новости и напряженно следят за обстановкой не только в Россине, но и во всех двадцати восьми государствах ЕвроАзеса, как и за более мелкими островными государствами в Тихом и Атлантическом океанах.

Нам поступил уже второй государственный заказ, после чего Сава, не сильно это афишируя, на одном из наших складов, сделал запасы и для нашей компании. Мне пока были непонятны его тревоги, а он больше не распространялся по поводу своих панических версий. Но буквально заставил меня потратить деньги на оборудование и покупку запасных солнечных батарей для автономности наших домов от общих электросетей.

Единственное, что он пояснил:

– Это со временем окупится.

Отделка и все мелкие доработки были уже закончены, и Сава планировал скорый переезд в свой дом.

Убеждал и меня, но я пока была не готова оставить квартиру своих родителей, в которой выросла, пропитанной теплыми воспоминаниями. Да и свой дом я решила продать, лишь бы не жить рядом с Савелием. Хоть мне и нравятся и сам дом, и его местоположение. И люди, с которыми за три года я успела подружиться.

С тем же Михалычем мы часто болтали, и я изредка помогала ему своей магией земли высаживать молоденькие деревца. Для меня полезно расходовать часть скопившейся энергии и тренировать свое тело и способности, а для него и фермеров удобно иметь собственного сильного мага земли, который поможет защитить посевы от ветра естественными преградами из деревьев и кустов. Плюс улучшить качество полей, подготовленных для заготовки сена.

Хотя мою дружбу с селянами Савелий не одобрял, считал себя выше их и не желал опускаться до слабых магов со своей вершины или тем более до всего лишь чувствующих магию. Вообще, за последнее время мое уважение и восхищение бывшим женихом значительно увяли и поблекли, хотя у него много и положительных качеств, но сейчас на поверхность вылезают те,

которые раньше либо я не замечала, либо он тщательно прятал и не демонстрировал.

Третий день конференции проходил в штатном, но чересчур напряженном режиме. Многие в перерывах выступлений собирались небольшими группками и ожесточенно что-то обсуждали. Слухи и сплетни стремительно разносились среди элиты производителей продуктов. И все они сводились к одному – грядет что-то плохое.

Организаторы, видя подобное, решили устроить перерыв и помочь развеяться участникам. Предложение совершить прогулку по Москане-реке и отобедать на комфортабельном речном корабле было встречено хоть и без горячего энтузиазма, но одобрительно.

Восемьдесят три члена этой конференции, двадцать семь их сопровождающих, а так же тридцать семь лиц обслуживающего персонала и четыре устроителя оказались внушительной группой на хоть и большом, но, как оказалось, тесноватом для такого количества лайнера.

Все продолжали общаться группами и компаниями по интересам, Савелий, извинившись, отошел в сторону одной из них, я же, все еще держа в руках бокал с коктейлем, рассматривала народ, который тусовался на верхней застекленной палубе корабля. За бортом уже привычно для Москаны царила мерзкая погода, «радуя» мокрым снегом, а здесь играет живая музыка, оживленная обстановка, хотя душновато, но я не спешила снимать свое кашемировое пальто. Дурное предчувствие угнетало неимоверно, вызывая уже тошнотворные спазмы в желудке.

Взглядом наткнулась на мужчину, который, пошатываясь, поднимался по лестнице с нижней палубы. Мне показалось, что он не понимает, где находится, а судя по бледному лицу с красными скулами, ему еще и нездоровится. Возможно от качки, а может ему так же дурно как и мне от духоты. Развернувшись, я поставила свой недопитый бокал на поднос проходящего мимо официанта и вышла на открытую палубу.

Холодный влажный ветер ударил в лицо, остудив щеки и заставив непроизвольно сделать глубокий вдох. Прошла на корму и, не заостря внимания на деталях, бездумно смотрела по сторонам. Серые каменные берега набережной, фонари уже горели, разгоняя ранние зимние сумерки, небо заволокли низкие серые дождевые тучи, усугубляя и так не радужное настроение. Протянула ладони и, взглянув на свои дрожащие пальцы, спрятала их в карманы. Иметь хорошо развитое предчувствие – это, конечно, здорово, особенно в бизнесе, но вот мучиться от тревоги третий месяц подряд плохо. Начинаешь чувствовать себя неврастеничной. Может у меня какие настройки сбились?

После смерти родителей, я месяц прожила на успокоительных, но быть от них зависимой не хочу, поэтому уже давно перестала их принимать и даже из своего дома выбросила. Сейчас же гадала, о чем хочет предупредить меня собственный дар на этот раз...

Пролетевший слишком близко от нашего кораблика прогулочный катер, заставил его резко качнуться на волнах. Не успев во время вытащить руки из карманов, чтобы схватиться за поручень, я полетела на палубу. Но пола так и не достигла, оказавшись в руках крупного мужчины.

Квадратное чисто выбритое лицо, тонкие губы и большие прозрачные серые глаза с тонким черным ободком по всей радужке тут же подсказали, что от падения меня спас полиморф. Причем по габаритам он явно не из кошачьих. Скорее волк... наверное. Тонкие губы раздвинулись в хищной усмешке, обнажив две пары приличных клыков, а затем раздался его приглушенный рыкающий голос:

– Вы не постррадали, красивая?

А мне вдруг полегчало, и я благодарно улыбнулась ему в ответ, качнув головой. Попыталась оторваться от него, как только меня поставили на пол, но этот оборотень скользнул по моей спине ладонью, как бы успокаивая, без сексуального подтекста, но встревожив этим жестом. Затем глубоко вдохнул, почти незаметно скользнув по моей щеке носом.

– М-м-м, какой приятный аромат. Магиана и полиморф – незабываемое сочетание сладости и пряности.

Я резко отстранилась, испуганно взглянув на мужчину. Не хватало еще на охотника нарваться для полноты ощущений. В большинстве своем полиморфы индифферентны к окружающим и даже женщинам, но если заинтересуются или, не приведи сила, западут на объект своего внимания, то лучше сразу бежать в полицию. И только там выяснять с кем тебя судьба столкнула: с охотником или с защитником. Инциденты происходили довольно часто, уже давно именно для таких случаев применяли психологическое воздействие на полиморфов, снимая их ненормальную (в понимании магов, конечно) «охотничью» зависимость, но не всем и всегда это помогало. Иногда просто не успевали...

Мужчина заметив, а может и почувствовав мой страх, мягко усмехнулся и показал свою руку, на которой поблескивало брачное кольцо, причем с двойным ободком. Кольцо с таким ободком носил и мой дед после брачной церемонии с бабушкой, и это говорит о многом.

Двойной ободок означает полную и окончательную привязку полиморфа к своей суженной. Другие женщины его не интересуют вообще. Я облегченно выдохнула, а мужчина заметив это, довольно ощерился и

представился:

– Артур Конев! Простите, что заставил поволноваться, но ваш запах чудесен. Этакая смесь магии и животной ауры. Я так понимаю, вы лишь на четверть полиморф, раз в вас СТОЛЬКО магии?

– Кира Нехорошева! Приятно познакомиться. Благодарю, что спасли меня от ушибов, а может и еще чего похуже. И да, вы правы... мой дед Руслан Когтев – волк-полиморф. Думаю, как и вы?

Он как-то по-звериному склонил голову, рассматривая меня и продолжая улыбаться. Затем ответил:

– Вы правы, Кира! Я заметил вас в обществе Савелия Нелюбина, вы его супруга?

Неосознанно поморщилась, но тут же нарисовала бесстрастную маску, стоило блондинистым бровям оборотня насмешливо выгнуться, показывая, что моя реакция на заданный им вопрос вызвала веселое удивление. Поэтому я поспешила ответить:

– Нет... уже нет. Просто мы больше подходим друг другу как друзья, нежели как возможные супруги...

В этот момент серые глаза потемнели, выражая настороженность, а я спиной почувствовала знакомую магическую ауру и вся напряглась.

– Милая, что ты тут делаешь в одиночестве?

Конев даже хрюкнул от смеха, впрочем как и я. Сложно не заметить оборотня, но видимо Савелий очень старался... Полиморф с любопытством уставился на Саву, который хотел было обнять меня, но на полпути передумал, зная, что я буду против.

– Савелий, позволь тебе представить Артура Конева. Наш коллега по цеху, так сказать, а еще господин Конев был столь любезен, не дав мне свалившись на палубу.

– А зачем, позволь поинтересоваться, ты вообще вышла без меня на палубу, одна?

Я в показном недоумении выгнула брови, заставив экс-жениха потемнеть лицом и гневно прищурить глаза. В этот момент раздался голос Артура, который, судя по всему, решил в очередной раз прийти мне на помощь.

– Я слышан о вашей компании, господин Нелюбин, как о сильной и крепко стоящей на ногах. Моя жена из Гавра, но довольно часто ей приходилось бывать в Тюбрине, и ей очень нравится ваш старый спокойный город. В отличие от той же Москаны, где всегда шумно и суета царит вокруг.

Сава быстро взял себя в руки и выдавил улыбку, особенно после того

как услышал о жене полиморфа и заметил кольцо с двойным ободком на руке, которую Артур держал на предплечье сложив руки крест на крест на груди.

– Благодарю, господин Конев, о вашей компании, я так же наслышан и...

В этот момент из стеклянных дверей закрытого от холода помещения вывалился мужчина, которого я видела недавно в очень болезненном состоянии. Сейчас бедолага побледнел до голубоватого оттенка, его магическая аура воспринималась рваным лоскутным одеялом, а еще мне показалось, что его кожа чем-то испачкана...

Сава взял меня за локоток, полиморф напрягся, а странный мужчина начал рвать на себе рубашку и срывать галстук, будто он его душит. Он покачиваясь шел на подгибающихся ногах, глаза мутные и невидящие. Судорожно сделав несколько шагов, он добрался до поручня, а потом под визг нескольких женщин и взволнованный вскрик мужчин перевалился за борт, упав в воду. Артур прыгнул в воду не раздумывая, в итоге, через несколько минут, благодаря спущенной на воду шлюпке, оба мужчины были подняты наверх.

Вся эта суэта происходила в двух шагах от наших ног, и Сава не смог остаться в стороне, принялся помогать раздевать мужчину, чтобы подоспевший медработник начал делать искусственное дыхание пострадавшему и не дышащему мужчине. Артур стоял, широко расставив ноги, с него потоками стекала вода, а великолепный дорогой костюм походил на жалкую мокрую тряпку. Я коснулась его руки и воспользовалась своей бытовой магией, высушив полностью одежду оборотня. Тот вежливо и благодарно кивнул мне в ответ, но продолжил напряженно следить за развивающимися событиями.

Через полминуты влажная рубашка на груди спасенного была расстегнута, и врач уже хотела приступить к своим обязанностям. Я только успела задуматься над тем, что вид бледной, покрытой влажными белесыми струпьями кожи, мне до ужаса что-то напоминает, как Савелий судорожно отдернул от пострадавшего свои руки и буквально отпрыгнул от него в сторону, при этом оттолкнув и докторшу. Она с раздраженным недоумением воззрилась на него и выдохнула:

– Послушайте...

Сава мотнул головой, потом быстро протараторил:

– Вызывайте АНБ. Это заразно, так что не прикасайтесь к нему...

– Но я врач, я обязана спасти...

– Этому вы уже ничем не поможете... вероятнее всего.

Молодая женщина-врач – явно оборотень из семейства кошачьих – нахмурилась. Ее рука дрогнула, но коснулась запястья мужчины в попытке нащупать пульс. Судя по ее печальному и еще более хмурому лицу, пульса она не нашла.

Все присутствующие на палубе единой волной отшатнулись от места происшествия. Мне стало жутко, причем по двум причинам. Первая – погибший где-то подхватил тот же вирус, который убил моих родителей. Вторая – на лицах всех присутствующих не было сожаления или печали при виде смерти несчастного молодого мага, у которого вполне возможно есть семья, дети. Нет, сейчас лица окружающих выражали страх и омерзение при виде смерти и столь жутких проявлений болезни. Каждый из них теперь боялся за свою жизнь, ведь слухи, сплетни и постоянные новости за последние дни сделали свое черное дело, спровоцировав тревогу, напряжение и даже панику в обществе.

Корабль немедленно развернулся и на всех парах пошел к ближайшей пристани, где судя по коротким разговорам персонала, нас уже ждали представители АНБ и эпидемиологи инфекционного центра. Весь путь пассажиры проделали на открытом воздухе с мрачными выражениями на лицах, не решаясь оставаться в зараженном помещении. Сава же стоял рядом со мной, не прикасаясь. Вздрыгнул, а потом неожиданно заявил:

– Я же тебе тогда говорил, Кира. А ты мне не верила, паникером обозвала... А я элементарно сопоставил факты. Вот увидишь, это еще не конец, это только начало еще более страшного...

– Не думаю, что вашей спутнице требуется дополнительная доза волнений. – Артур произнес это с нажимом, глядя на Нелюбина, я же обняла себя руками.

Савелий после слов полиморфа вскинулся и ответил ему резким немного противным голосом, от которого, тем не менее, у меня зашевелились волосы в предчувствии.

– А мне плевать, что вы думаете, Конев. Вы же тоже получили госзаказ на продовольствие длительного хранения?! – Заметив потемневший взгляд оборотня, подсказавший нам с Нелюбиным, что он прав, продолжил:

– Советую не торопиться с исполнением. А еще лучше позаботьтесь, чтобы и у вас были такие же запасы... на черный день. Если правительство уже даже не заботится о сохранении секретности, то это о чем-то говорит... В Бинидосе тоже самое и... везде тоже самое, а эти политики раскроют все карты только когда будет уже поздно метаться...

– Послушайте, Нелюбин, о вас говорят как о хитром и умном дельце,

но сейчас мне кажется, что вы истерите, на вас чересчур повлияла эта смерть...

– Да мне плевать, Конев, что вы обо мне думаете. – Быстро повернулся ко мне и спросил, сверля бешеными глазами, – Кир, скажи ему – прав я или нет. Ведь не зря же у тебя уже постоянно руки трясутся от плохого предчувствия.

Он заметил, как я побледнела, но дрожь этого самого злосчастного предчувствия подсказала, что он прав. Дар ясновидения проявляется среди магов слишком редко, один человек на миллион, предчувствие – чуть чаще, и его нельзя проигнорировать. Хотя оно вот такое практически бесполезное, ведь нельзя сказать точно: «Что было? Что будет? Чем сердце успокоится?» Но моего побледневшего лица для Нелюбина оказалось достаточно, впрочем, как и Конева, превратившегося в мраморную мрачную статую.

– Я так полагаю, что вы уже сталкивались с подобными симптомами болезни? – тихо спросил он.

По моим щекам потекли непрошеные слезы, а Савелий устало ответил:

– В начале декабря погибли родители Киры, и у них были слишком похожие симптомы. Дай то бог, чтобы я ошибался... – весь его гнев и злость потухли. Как мне показалось, осталось лишь смирение перед судьбой.

Неожиданный толчок, и мы все трое понимаем, что корабль стоит у пристани. Нас встретило слишком много народу, причем официального, общения с которым хотелось бы избежать любыми путями.

* * *

Всех, кого сняли с того злополучного корабля, разместили по палатам в военном госпитале под патронатом АНБ, причем каждого в отдельном застекленном боксе.

Врачи, защищенные магическими коконами, записали данные о каждом предполагаемом больном, взяли кучу анализов, а потом, извинившись, сообщили, что придется подождать ровно сутки. Как нам сообщили, несколько подобных очагов заражения зафиксировано в разных районах Москаны, причем за последние несколько суток. И пока АНБ и центр по контролю за инфекционными заболеваниями не может определить конкретный источник. Вот всех и свозят сюда, но самое

интересное и тревожным является тот факт, что пока заболевают исключительно маги, особенно слабые или с ничтожным даром и крайне редко полукровки.

Все это навевало мрачные мысли и подозрения, я думала о словах Савы, которые могут оказаться верными. Тряхнула гривой каштановых волос, пытаясь вернуть себе уверенность, но пока ничего не помогало.

– Детка, как ты там? – за бежевыми пластиковыми непрозрачными шторками раздался взволнованный голос Нелюбина.

Отодвинув их в сторону, уставилась на Саву, который прилип к стеклу, разделяющему наши боксы и уперся в него двумя ладонями. Немного вытянутое худое лицо чистокровного мага осунулось, а сероватая кожа покрылась бисеринками пота.

Дотронулась своей ладонью в том месте, где он касался стекла только со своей стороны. Тихо прошептала, но так, чтобы он услышал меня:

– Прости, что не поверила. Ты как всегда лучше меня разбираешься в моих предчувствиях.

Так мы простояли пару минут, упираясь в стекло, разделяющее нас лбами и ладонями. Странное

чувство единения сейчас охватило меня, ведь мы никогда не были так близко друг от друга как сейчас, не в физическом, а в духовном плане.

– Прости, что поднял на тебя руку, детка! Я до сих пор не могу понять, что тогда мною двигало. Какая-то бессмысленная злоба, страх... Страх потерять тебя навсегда...

Чуть отстранилась от стекла и заглянула в лихорадочно горящие карие глаза, к которым так привыкла за эти три года, что мы были вместе. Поэтому, не думая о последствиях, пообещала:

– Я прощаю, слышишь, я прощаю тебя. И ты не потеряешь меня, Нелюбин. Мы всегда будем вместе... Видишь, даже в такой момент мы все равно вместе.

Карие глаза напротив, вспыхнули счастьем, затем он убрал руку, словно размыкая наше рукопожатие, и обрисовал по стеклу черты моего лица.

– Это сильнейшая мотивация для меня, чтобы выжить...

Я нахмурилась, ощущая, как предчувствие вновь острыми ледяными осколками врезается в сердце. Наверное, поэтому еще сильнее прижалась к стеклу, от чего кое-где оно запотело от моего учащенного дыхания, но настойчиво и нервно заговорила:

– Все будет хорошо, Нелюбин! С нами все будет хорошо, не смей даже думать о плохом. Не будь паникером и не трать силы на смирение. Направь

их на борьбу...

– Девочка моя, когда я впервые тебя увидел сидящей в открытом кафе на улице, показалось, что меня кто-то ударил под дых. Вся такая сияющая от счастья, сама весна с тобой заигрывала, теребя пряди волос... Столько невинности в твоих карих глазах, столько тепла, что я не смог пройти мимо. Больше не мог думать ни о чем. Я просто стоял и смотрел, любовался твоими плавными изящными движениями, твоими маленькими ручками, которые держали салфетку... Клянусь силой, я чуть не взорвался от наслаждения, наблюдая как ты облизываешь ложку с шоколадным мороженым.

Он сглотнул, глядя на меня сейчас теми же голодными глазами, которые преследовали меня в начале нашего знакомства и даже пугали. Потом продолжил говорить, а мне показалось, что он уже не видит меня, а погружен в свои воспоминания:

– А потом ты встала, и оказалось, что в тебе сочетается не сочетаемое. Невинность и греховная сексуальность, которая сквозила в каждом твоём жесте, движении тела, изгибе округлых бедер, высокой груди, хоть и не такой большой, как я люблю, но у меня снесло крышу – так захотелось ее коснуться... Вроде и ноги не от ушей, но сильные икры и изящные ступни в серебристых босоножках на шпильке... Разрез на юбке, а там, о боги, там мелькнула полоска от чулок... Я впервые не мог думать, анализировать, меня просто чудовищной силой тянуло к тебе. Даже когда я увидел кайму на радужке, свидетельствующую, что в тебе течет часть крови полиморфов, ничего не смог поделать. Меня, чистокровного мага-менталиста, ничего не могло остановить, да я и не пытался. А дальше, постепенно узнавая тебя ближе, я понял, что такое сокровище должно быть только моим... Твоя невинность неизбежно досталась мне, и я все делал, чтобы привязать тебя к себе, приручить словно животное... владеть безраздельно, забрать волю и убить даже мысли о других... Моя...

Я отшатнулась от стекла, в ужасе уставившись на Савелия, который сейчас не видел меня, забылся в себе и своих мыслях, его речь становилась все более бессвязной, отрывистой и навязчивой идеей мучила его сознание. Лицо перекосило от бессильной ярости, не понятно почему сейчас испытываемой им.

Резким, каким-то рваным движением потер лицо, а я заткнула рот кулаком, чтобы не закричать от отчаянья. Кожі словно силиконовые ошметки повисла на его щеках и лбу. Сава отнял руки от лица и уже невидящим мутным взглядом обвел свой бокс, шторы опустились на его стороне, отрезая от меня. Я рванула к дверям и нажала на кнопку вызова

персонала. Уже через пару секунд быстро подошла молодая медсестра из магов, а я лишь тыкала рукой в сторону соседнего бокса. Видимо по моему лицу она поняла все, что я не смогла выразить словами, чувствуя, как спазмом перехватывает дыхание.

Сползла по прозрачной стене и, усевшись на полу и обняв колени руками, замерла в отчаянии. Слезы катились ручьями, а я невидящим взглядом уперлась в пространство. Несмотря на все недостатки Савы, он был последним близким мне человеком, и потерять его я была не готова, но это произойдет очень скоро. Ведь не зря же нас сразу предупредили, что после заражения этим страшным вирусом все проходит слишком быстро, всего сутки от начала до конца. И пока выживших нет, ни одного.

* * *

10 февраля

Я вновь стояла на холодном зимнем ветру и вздрагивала каждый раз, когда очередной кусок промерзшей земли падал на металлическую крышку урны. Как и два месяца назад я с трудом переносила это обреченное бум-бум-бум, понимая, что больше нас с Савелием действительно не будет. И его не будет и моих родителей не будет и, вообще, кажется, уже ничего не будет.

Кутаясь в воротник своего кашемирового пальто, тупо смотрела на два маленьких земляных холмика и две простенькие таблички с именами моих родителей и моего первого мужчины. Мужчины, который меня любил, но которого я не смогла полюбить.

Кладбищенские работники уже давно ушли, а я продолжала стоять, чувствуя как развиваются на ветру полы моего черного пальто, и стынет душа. Такая же промерзшая, как и эта земля под толстым слоем серого грязного снега.

Наконец, я словно живой мертвец направилась к выходу с кладбища, где стоял ожидающий меня автомобиль, любезно предоставленный Агентством национальной безопасности. Наверное, кто-то там решил, что за вторичное посещение этого скорбного места мне полагаются преференции.

Мои вещи уже лежали в машине. Всех участников конференции проверили на возможность заражения и здоровых сразу отпустили. Самое страшное, что таковых оказалось немного. Все полиморфы и лишь десяток

магов. Пока я ожидала своей участи в госпитале и кончины Савелия, чтобы хоть чуть-чуть отвлечься смотрела телевизор. В стране начинались тяжелые времена.

Началась открытая конфронтация магов с полиморфами в парламенте. Маги прямо обвиняли полиморфов в сговоре с хавшиками и начале тотального уничтожения своих извечных конкурентов магов. Начались массовые столкновения с полицией и внутренними войсками, стянутыми в Москану, потому что большая часть этого контингента полиморфы.

После первых проявлений вируса на улицах столицы началась паника среди населения. Напряжение росло как на дрожжах, грозя вылиться в нечто жуткое. Те же самые события происходят во всех двадцати государствах ЕвроАзеса. Соседние с Арабексом страны наглухо закрыли границы, но вирус границ не признает. Скорость распространения эпидемии оказалась невероятной. К сегодняшнему дню аэропорты переполнены, все пытаются вернуться домой или просто убраться из столицы подальше, в надежде, что беда минует их стороной.

Машина катила по пустынным улицам. Люди либо отсиживались дома, либо шли с палками и бутылками с горючей смесью, готовясь к новым стычкам, выплескивая таким образом свой гнев и страх перед будущим и своей беззащитностью перед невидимым врагом.

Водитель – в этот раз это молодой парнишка-маг – напряженно следил за дорогой и старался следовать только по хорошо освещенным улицам. Несколько раз я с ужасом замечала людей, которые с горящими лихорадкой пустыми глазами шатаясь брели по улицам, падали на землю или лавки. Столько зараженных, которым никто и ничто уже не поможет...

Живые вопили о бездействии властей, о тупости ученых, которые не могут справиться с вирусом, но уже все в курсе, что спасти ситуацию может только вакцина, а для ее разработки должен быть хоть один выживший.

Мы обогнали труповозку Азес машину черного цвета с белыми крестами по бокам – которая собирала зараженных и трупы на улицах города. Но кладбища пустовали, потому что в соответствии с указом президента всех умерших должны сжигать, чтобы предотвратить дальнейшее распространение эпидемии.

На территорию аэропорта мы смогли пройти только потому, что мой водитель на заградительных постах демонстрировал пропуск сотрудника АНБ. Сотни мрачных жестких лиц военных провожали нас взглядами, заставляя остальных поворачивать назад, потому что рейсов нет, потому что все места на самолетах заняты. Мне все страшнее делалось от мысли,

что будет дальше. Билеты у меня имелись, причем как это не жутко на двоих, ведь со мной сейчас должен был лететь Сава. Но в такое время наличие билета отнюдь не гарантирует попадание на борт самолета. А что мне делать в Москане на грани гражданской войны, я даже не представляла.

Аэропорт, как много, оказывается, означает это слово: надежду вернуться домой, облегчение, что смог сюда добраться, даже свет многочисленных огней, заливающих парковку, и вход в него дарит странную уверенность, что все теперь будет хорошо.

– Мест нет! – резкий голос уставшей замученной женщины-мага добил меня окончательно.

Сотни людей, толпившихся в здании аэропорта, мешали думать, сосредоточиться на решении проблемы как улететь домой. Не давали найти правильные слова и вообще силы потребовать, чтобы меня посадили на борт самолета, ведь у меня на руках целых два билета, вместо одного. Меня толкали, отодвигали все дальше от стойки регистрации, от чего я все глубже погружалась в панику и полную безнадегу.

Я даже не поняла, как оказалась возле одной из информационных колон с зажатými в руках, бесполезными теперь билетами и бездумно смотрела на всю эту суету. В мозгу билась в истерике мысль: «Что делать?».

– Здравствуйте, Кира Юрьевна! Я рад, что с вами не случилось ничего плохого. Хотя я слышал, что с вашим другом...

Участливый мужской голос с рычащими нотками заставил чуть повернуться и поднять голову. Передо мной стоял Артур Конев и мягко улыбался с сочувствием и печалью в глазах.

– Почему вы стоите здесь, Кира?

Я неосознанно пожала плечами, все еще находясь в прострации, а потом, очнувшись, ответила:

– У меня два билета до Гавра, но я не могу улететь, хотя вылет уже через час. Мне сказали, что мест нет, и не пускают в зону досмотра. Не могу пройти регистрацию... а ведь у меня два билета.

Конев осторожно вытащил из моего сжатого кулака билеты, прочел все внимательно, а потом глубоко вздохнул, на миг задумавшись. А я тихо спросила:

– Как там ваша семья поживает, Артур? Они в безопасности?

Он нахмурился и тяжело ответил:

– Мой старший сын Эдик сейчас присматривает за всеми, но мне необходимо срочно вернуться домой... Тогда они будут под моей защитой в

полной безопасности... – он бросил внимательный изучающий взгляд на пропускной пункт, снова на билеты в своей руке, а потом тихо добавил, но похоже, скорее для себя, чем для меня: – До Челвинска из Гавра ближе и явно проще добраться, чем из Москаны... сейчас. Кира, вы готовы поделиться со мной одним билетом?

Я лишь кивнула головой, соглашаясь, оборотень ласково погладил меня по голове:

– Ты похожа на мою сестру, Кира! Это странно, но впервые магиана вызывает у меня чувство защитника...

– Я так слаба?

– Нет! Просто беззащитна, и это лично во мне рождает родственное чувство. Пойдем, девочка, выйдем нам места на твоём рейсе.

Уже не глядя на меня, одной рукой подхватил свой чемодан, а второй – мою руку, заставляя следовать за ним со своим саквояжем, катя его на колесиках по мраморному полу регистрационного зала.

Мы подошли к небольшой, но явно с трудом преодолимой баррикаде из стульев, которая мешала беспрепятственно пройти к пункту досмотра. В баррикаде был оставлен узкий проход, чтобы пассажиры могли пройти по одному, но с чемоданами. С внутренней стороны стояли военные с флегматичными бесстрастными лицами и взирали на мужчину, который что-то тихо, но настойчиво говорил. Так увлекся, что не заметил нашего приближения, и мы услышали, что он вещает охране аэропорта, показывая конфетную бумажку.

– Вы сейчас меня пропустите. Видите, у меня есть билет, поэтому вы сейчас медленно отойдете в сторону и пропустите меня внутрь. Я приказываю пропустить меня, вот мой билет...

Судя по глазам и внушительной комплекции, военные из полиморфов, они слушали, но не сделали ни одного движения, чтобы выполнить приказ мужчины-мага. Я же, не удержавшись от глупости этого человека, с сарказмом спросила:

– Скажите, уважаемый, вы плохо учились или с рождения такой? Ваша ментальная магия на полиморфов не действует, тем более такого низкого уровня. Они не поддаются магическому внушению, а вы им тут спектакль бесплатный устраиваете и всю нашу расу позорите... Конфетными бумажками перед носом у них трясете...

Первым порывом мужчины был жест, которым он пытался смять фантик и спрятать руку за спину. Затем его лицо перекосило от ярости, и он заголосил, кидаясь грудью на загораживающих проход оборотней.

– Вы обязаны меня пропустить. Я не могу остаться здесь, меня там

ждут. Я должен покинуть этот проклятый город. Я не могу тут остаться и заболеть...

Хмурый крупный мужчина окинул презрительным взглядом истеричного мага и спросил холодным голосом:

– Билеты есть? Не фантики?

Плечи неудачника-менталиста поникли, а полиморф развернул его спиной к себе и подтолкнул в сторону. Не сильно, но ощутимо, заставляя отойти в сторону. Тот уже обреченно отошел к колонне и сел на пол, закрыв лицо руками, вздрагивая всем телом. Похоже, плакал. Мне стало, совсем тошно и больно от этой сцены. Но мне не дал утонуть в жалости к себе и всему миру Конев. Он протянул два билета на самолет и, прищурившись, глянул на охрану. Главный просмотрел наши билеты и коротко ответил:

– Вы не прошли регистрацию...

– Да, потому что наши места пытаются украсть... У нас есть билеты, но кто-то прехитренный из работников аэропорта пытается вместо нас протиснуть своих и явно за деньги.

И мы, и охрана молчали, Конев с резкими металлическими нотками в голосе произнес:

– Вы из внутренних? – получив осторожный утвердительный знак охранника, продолжил, – Халилов с вами?

Я продолжала стоять, напряженно наблюдая за полиморфами, а между тем, происходили следующие события. Старший на этом посту связался по рации с кем-то, сообщил, что хотят услышать Халилова, потом с загадочным Халиловым поговорил по рации сам Конев, передал рацию охране, и нас с кривой усмешкой пропустили внутрь. Я нервно семенила за своим спасителем, волоча за собой саквояж и не глядя по сторонам.

В предпосадочном зале Конев усадил меня на одно из сидений, а сам подошел к мужчине в военной форме АНБ. Я краем уха слышала обрывки фраз. Затем решила сходить в туалет, я долго стояла на кладбище, долгая дорога в аэропорт и вообще...

Извинилась перед мужчинами, покраснев под внимательным взглядом интересного мужчины – скорее всего того самого Халилова – и сбежала в туалетную комнату. В зале была тьма народу, а здесь неожиданно никого не было.

Умылась и, промокнув руки и лицо салфетками, так и замерла, разглядывая себя в большом зеркале. Бледное осунувшееся лицо с большими карими глазами, радужку которых окаймляла бледная едва заметная темная кайма полиморфов. У чистокровных она ярко черная.

Сейчас эти совсем недавно лучившиеся светом глаза стали тусклыми и усталыми. Даже я видела, как в них плещутся боль и ужас от происходящего. Овальной формы лицо обрамляли каштановые блестящие локоны, густой волной спускающиеся до лопаток. Немного тонкие, но четко очерченные губы скорбно поджаты и потрескались от того, что я постоянно кусала их в последнее время. Не худая, но стройная шатенка с округлыми сексуальными формами, хоть я и похудела от нервотрепки за последние месяцы. Молочная, с эффектом прозрачности кожа... Я похолодела, заметив на скуле ошметок кожи и легкое покраснение под ним. Неужели тоже заражена?

Трясущейся рукой дотронулась до жуткого по своему смыслу кусочка на лице, а потом с диким, невероятным облегчением выдохнула, поняв, что это всего лишь кусочек влажной салфетки. Нервно усмехнулась, а потом, поправив одежду, бросила последний взгляд в зеркало и вернулась в зал к Коневу.

Благодаря влиятельному Халилову все недоразумения были выяснены, и нас пропустили на борт и помогли занять места согласно купленным билетам. Документы проверять не стали, к моему великому облегчению, проблем мне не хотелось, а совесть молчала. Оба места мои и куплены нами с Савой, так что мы имеем полное право лететь в этом самолете... домой.

После приземления в Гавре мы пожали друг другу руки, я даже чмокнула Коневу в щеку, еще раз поблагодарив его за помощь. А потом мы расстались... навсегда.

Часть вторая

10 марта

«...созданная вакцина позволила прекратить рост эпидемии среди магов и метисов, сейчас ведутся работы в направлении создания вакцины для полиморфов и хавшиков. Так же, как сообщает пресс-служба МВД Россины, волнения удалось прекратить, мародерство и грабежи пресекаются жестко и немедленно – это уже не вызывает прежний ажиотаж и возмущение. Потому что спокойствие наших граждан, а так же их безопасность важнее гуманности в отношении бандитов. Количество заболевших практически равно нулю, и это говорит о том, что с вирусом нам все же удалось справиться. По последним данным, численность населения планеты сократилась на двадцать процентов, но благодаря всеобщим усилиям правительств всех стран и их граждан нам удалось избежать новой глобальной катастрофы...»

Слушая голос диктора, я маленькими глоточками пила горячий чай и смотрела в окно, отрешенно наблюдая за восходом солнца. Теперь все слушали новости как жизненно важную информацию.

Из Гавра месяц назад я добралась на машине, мне повезло встретить в аэропорту старых знакомых – друзей моих родителей. Затем я как на каторгу ходила на работу. После смерти Савы наша компания переживала не лучшие времена, но справлялась с трудностями под руководством его младшего партнера по бизнесу, которому отныне она принадлежала полностью. И это не смотря на эпидемию, которая разразилась и в Тюбрине. По требованиям городских властей в городе объявили карантин, впрочем, как и по всей стране. Закрыли все детские учреждения, развлекательные и спортивные центры. Закрыли все, кроме продуктовых магазинов и компаний их снабжающих, в том числе и нашу, а так же больниц и как это не страшно звучит – крематориев.

Крематории – единственное место, которое за последние две недели работало без перерывов и на грани того, чтобы захлебнуться в поступающих к ним трупах. Двадцать процентов населения, и это только по предварительным подсчетам. Многие потеряли своих близких и любимых, а часто погибали целыми семьями.

В первое время началась открытая конфронтация в правительстве и на улицах, маги против полиморфов. Все уже забыли, что ученые и военные

представили доказательства разработки вируса хавшиками, специально распылившими его на Сургатских островах для пробы. В самом начале вирус поражал только магов, из-за этого возникли подозрения и жаркие баталии среди правящих верхушек. Но три недели назад начались повальные заражения полиморфов, многие просто не ожидали, что полукровки магов и оборотней позволят вирусу мутировать, и теперь весь ЕвроАзес горел в лихорадке безумия, встав на колени перед болезнью.

Именно после этого ситуация в корне изменилась. Военная верхушка оборотней совершила переворот во властных структурах и заняла все ключевые посты. Страх, неуверенность и разкоординированность исчезли. Ввели комендантский час, черные дружины собирали зараженных по улицам и домам, часто действуя по наводкам соседей и прохожих. Вся властная вертикаль работала по четкой слаженной схеме. Затем произошло фактически чудо.

Нашли выживших людей, которые смогли справиться с болезнью, хотя двое из семи с последствиями. Один полностью потерял память, а второй сошел с ума, проявляя лишь животные инстинкты. Но производство вакцины в промышленных масштабах стало первостепенной задачей нового правительства.

Все мероприятия, предпринятые правительством снизили заболеваемость в рекордные сроки, расчистили улицы городов, наладили привычную жизнь, и впервые за этот месяц в умах людей зародилась надежда на счастливый исход.

– «Переходим к другим новостям: в Бинидосе состоялся саммит организации объединенных рас в связи с трагедией, которая затронула весь мир. ООР призывает назначить верховное правительство и объединить под его руководством все страны ЕвроАзеса. Как поделились с нами наши достоверные источники, все это происходит в связи со случаями заражения и среди хавшиков. Как сообщают другие источники, в ФРС поступили неопровержимые сведения, что на Амеросе в городах чешуйчатых объявлен пятый уровень тревоги. Похоже, чешуйчатые получили шах и мат, причем от того, что сами же и создали. Пока нет данных о количестве заболевших, но по данным спутников, над их городами стелется дым поминальных пожарищ. Тысяч пожарищ!»

Убрала звук радио, резко поставила стакан в мойку и уперлась в нее двумя руками.

– Куда катится наш мир? – мой голос жутким карканьем раздался в тишине собственной кухни. Депрессия навалилась и уже, который месяц не отпускает из своих цепких объятий. Я плохо сплю по ночам, мне снятся

кошмары, и во сне ко мне все время приходит Сава, укоризненно качает головой, а потом жутко кричит от ярости. Родительская квартира теперь угнетает, а не успокаивает детскими воспоминаниями.

Теперь я все чаще езжу в Васино в свой новый дом и именно там нахожу успокоение и спасение от ночных кошмаров. Магазины закрыты, но маг-сеть работает, поэтому я решила сегодня полазить по ней и заказать себе всю мебель разом. Жизнь так скоротечна, оказывается, и полна смертельных неожиданностей, что надо делать все сейчас и не откладывать на потом.

В итоге, целый выходной день я убила на перелопачивание кучи информации, заказ мебели и еще массы безделушек. А то у меня в Васино имеется лишь кухонный гарнитур с посудой и печка, сложенная в старинном антураже, а из оставшейся мебели – раскладушка. В течение недели обещали доставить и собрать, если заплачу наличными. Деньги у меня есть, поэтому согласилась. Очень уж хочется переехать из ставшей скорее тюрьмой воспоминаний квартиры.

* * *

1 мая

В открытое окно маг-мобиля врывался весенний ветер, превращая мою строгую прическу в нечто растрепанное, но мне-то все равно. Запах весны радует обоняние и заставляет сердце заходиться в радостном предвкушающем биении. Улыбка расползлась по лицу, а душа впервые за последние полгода горланила веселые песни. Даже предчувствие, видимо устав терзать меня плохими новостями, на время отпустило, то ли для передышки перед чем-то ужасным, то ли все действительно все налаживается и счастье ждет не за горами.

Грунтовка резко закончилась, стоило вынырнуть из-за поворота, за которым заканчивался небольшой лесной массив, где заканчивалась территория Васино, и я аккуратно вывела «кешара» на асфальтированную трассу, вливаясь в общий утренний транспортный поток, который устремился к Тюбрино. Началась рабочая неделя, и все стремились вовремя попасть на работу.

За два месяца произошло столько изменений не только на ЕвроАзесе, но и во всем мире, что народ уже не успевал отслеживать все изменения и вернулся к привычной размеренной жизни.

Полным ходом шла глобализация. Создали общее правительство, и пока в ускоренном режиме шло его формирование. Маги уже пришли в себя и теперь с пеной у рта отвоевывали свой кусок властного пирога. Хавшики, пережив страшную катастрофу, вслед за магами и полиморфами, выступили с просьбой о принятии их в общий союз. Слишком большие потери среди населения вынудили их просить о помощи и искать сотрудничества с бывшими врагами. Несмотря на их вину в случившемся, верхушка ЕвроАзеса решила, что таких союзников лучше держать на виду и под контролем, чем в очередной раз получить неожиданный подарочек в виде внеочередной глобальной катастрофы.

Вообще, случившееся всем позволило посмотреть на окружающий мир с новой точки зрения и задуматься о бренности нашей жизни. И хотя еще происходит много ошибок, споров и конфликтов, но зато все теперь осторожны и более лояльны друг к другу. Но это все равно не может изменить сложившиеся стереотипы. Представители каждой из рас держались своих анклавов и относились друг к другу с подозрением и предвзятостью.

Подъехав к зданию компании, где я все еще работала, припарковалась и быстрым шагом, цокая каблучками, направилась внутрь. Начинался дождь. Уже взявшись за ручку на двери своего кабинета, услышала голос Вали.

– Кира Юрьевна, вас вызывают к генеральному.

– А что случилось? Ты не в курсе Валечка?

Девушка, хитро блеснув лисьими глазами, подскочила ближе и радостно зашептала:

– Вас с Натаном Сергеевичем из отдела логистики вновь хотят послать на съезд пиццевиков. Я слышала он впервые в Гавре проходит, но учитывая, в каком сейчас состоянии Москана, после волнений двухмесячной давности, организаторы, наверное, не решились приглашать участников туда.

Нахмурившись, все еще не в силах забыть прошлый съезд, задумчиво спросила:

– Я не понимаю, зачем сейчас собирать подобные мероприятия? После всего случившегося?

Вера пожала плечиками и предположила:

– Лиза... ну новая секретарша генерального, сказала, что в связи с изменениями в мировой конъюнктуре рынка, с вступлением в союз хавшиков, и вообще, новые правила и таможенные пошлины обсудить...

– А мы-то тут причем с Натаном Сергеевичем?

– Ну как же, – Валя хихикнула и добродушно выдала, – все знают, что наш генеральный ни бум-бум в этом бизнесе, и пока только на вас и еще некоторых своих замах и выплывает...

– Валь, ты не должна поддерживать подобные слухи...

– Да это не слухи, Кира Юрьевна, он сам это сказал Натану Сергеевичу, Лизка сама слышала...

Я нахмурилась, уставившись на своего секретаря, а она, запнувшись на полуслове, скривила свою нагловато-хитрую, обаятельную лисью рожицу и затараторила:

– Нет, нет Кирочка Юрьевна, она не подслушивала, просто они так громко разговаривали, что было сложно не услышать. Лизка же из кошачьих...

Хмыкнув насмешливо, качнула головой и, вздохнув, поплелась к генеральному. Очень не хотелось куда-то ехать, но в нынешнем положении в стране искать новую работу сложновато. Тем более, все свои наличные деньги я истратила на приведение своего домика в жилой вид. Теперь он стал уютным внутри и несокрушимым снаружи. Как и хотел Сава, теперь даже если мир вернется в каменный век, наши два дома могут функционировать автономно. Как недавно заметил Михалыч – главный агроном и техник в Васино, теперь наши дома – это небольшая крепость. Осталось только подземные ходы прорыть, построить казематы и сходство будет полным.

В этом месяце я часто общалась с ним и помогала своей магией земли на полях. В этой работе я даже нашла какое-то умиротворение и спокойствие, которого мне так не хватало в жизни.

6 мая

Мы с Натаном Сергеевичем, а в народе Натусиком, в связи с его нетрадиционной ориентацией, зашли в большой концертный зал Гавра, где будет проходить общая конференция. Организаторы постарались на славу: в высоких канделябрах горели свечи, столы, расположенные буквой «П» убраны в белые с золотом скатерти, кругом цветы, судя по магическому фону, с заклинанием неувядания. И по залам этого старого, но еще весьма крепкого и внушительного здания ходят леди и джентльмены в смокингах и красивых платьях.

Я не ожидала подобного приема, надела классическое черное шелковое платье с жемчужной ниткой, обвивающей шею и завязанной узлом на груди. Ну а Натусик щеголял в серебристом смокинге, ничуть не

смущаясь немного шокированных взглядов остальных участников. Не знаю как насчет таможенных пошлин и новых правил торговли, но пропиаримся мы здесь однозначно. Единственное, что меня примиряло в Натусике с его вычурным видом на данном мероприятии это тот факт, что лучшего логиста еще поискать нужно, на него позарится любая компания и не только нашего профиля.

Рядом со мной раздался радостный писк, резко развернувшись, я увидела Лену Пивоварову. Леночка жила в доме, где раньше жили мои бабушка и дедушка. Мы с ней часто гуляли, а потом перезванивались. Недавно она вышла замуж за владельца подобной нашей компании, и сейчас я смогла лично познакомиться с ним.

– Кирочка, познакомься, это Леонид Крашевин – мой муж. Ленечка, про Киру Нехорошеву я тебе рассказывала.

Мы с улыбкой кивнули друг другу, рассматривая. Если сама Леночка довольно сильная магиня земли, работающая в ботаническом саду, обладает потрясающей фигурой с весьма аппетитными формами, очаровательным личиком, обрамленным золотыми кудряшками, то ее муж – полная противоположность. Худая жердина, на котором даже дорогуший смокинг висел как на вешалке. Лицом смахивает на ворона, но этот маг поражал силой ауры, горящими глазами и невероятной харизмой, почувствовав которую я непроизвольно расплылась в улыбке. Заметив как у Леонида насмешливо выгнулись брови, с подозрением оглянулась на Натусика и хмыкнула. Наш логист сейчас чуть не капал слюной на свой смокинг, сверля обожающим взглядом Леонида. Ленка нахмурилась и крепче прижалась к мужу, а мы с ним рассмеялись.

Тем не менее, мы вчетвером уже через пару минут стали лучшими друзьями и, прогуливаясь по залу, вели нескучные беседы. Чуть выдвинувшись вперед и оставив мужчин позади, болтали о жизни. Рассказав свои новости, я впервые почувствовала себя легче, а Лена, оказывается, переживала о возможном бесплодии. Истинная магия жизни встречалась реже, чем магия исцеления, с которой многие поступали в медицинские вузы и становились врачами. Вот так, тихо перешептываясь и делаясь наболевшим, мы присутствовали на конференции. Выступали в основном Леонид и Натусик, а мы выбрали роль подруг-болтушек. Но нам никто не мешал и не высказывал претензий.

Расставались мы неохотно, но конференция продлится три дня, так что еще не раз встретимся.

Приняв душ и поужинав, включила телевизор, намереваясь перед сном немного послушать новости, и застыла с пультом в руках.

«...новая волна заболеваний поражает всех без разбора. Исследования показали, что вирус мутировал и... вакцина не действует. Власти бессильны перед новой бедой, правительство Бинидоса бьет тревогу и закрывает все границы с Арабексом, в котором зафиксирована новая вспышка заболевания. Всех беженцев отпугивают от границ выстрелами. Мы на грани всеобщей паники и войны. Скоротечность вируса позволяет прогнозировать тотальное заражение. Как сообщают многие СМИ, очаги заражения уже появились во всех двадцати восьми государствах ЕвроАзеса. Островные государства так же закрыли полностью свои границы. Над городами хавшиков вновь зажгли тысячи поминальных костров. На улицы Москаны вышли сектанты, которые кричат, что пришел наш судный день. Триединый нас вновь покинул, как пять тысяч лет назад... Неужели еще через пять тысяч лет наши потомки будут вести новое летоисчисление от нового Черного столетия...»

Выключила телевизор, не в силах смотреть на кадры, в которых показывали поджоги, лица беженцев, бегущих от границ в панике от выстрелов. Мрачные сумасшедшие лица сектантов с горящим фанатизмом в глазах, на новую разруху и смерть.

– И что делать теперь? – хриплый испуганный голос нарушил тишину гостиничного номера. Я уже хотела позвонить Натану или Лене, но передумала. Утро вечера мудренее, с той скоростью как сейчас в мире развиваются события, за эту ночь многое может измениться. В крайнем случае, завтра вечером поеду домой. Я на машине, и четыре часа в пути для меня раз плюнуть.

Завтрак в ресторане отеля прошел в мрачной, гнетущей атмосфере. Теперь все прилетевшие из дальних регионов меняли по телефонам билеты и дату вылета, стремясь быстрее попасть домой. Но все же нас встретили и подтвердили, что конференция, не смотря на тревожные новости, продолжится. Лишь регламент изменился, и сегодня постараются обсудить ключевые моменты и разногласия, чтобы не задерживать участников в Гавре.

Ко мне подошла сияющая Леночка с харизматичным Леней.

– Привет! Как спалось? Я как услышала вчера эти новости – дурно стало. У нас вчера мама с папой вернулись из Москаны, они говорят, там снова бунты, грабежи и вообще, все, кажется, сошли с ума. В городе объявлен комендантский час. Ты представляешь, теперь в Москане всем управляет специальное подразделение ФОА – Федеральный отряд антитеррора, в столицу ввели весь его контингент. Папа сказал, что он сформирован только из полиморфов, причем самых сильных. Они с мамой

ехали в аэропорт и видели, как их везли на военных машинах. Мама сказала, что у них лица такие жуткие, будто они действительно звери...

– Не говори глупости, любимая. Они полиморфы, и этим все сказано, и бывают в таких ситуациях и местах, в таких переделках, от которых у человека волосы встанут дыбом. Естественно, что это откладывает отпечаток на их лица. А твоя мама научный сотрудник и привыкла видеть вокруг себя лишь свои любимые папоротники и кустики...

– Лень, вообще-то моя мама с деркусом ламинис привыкла работать, а он ядовит и плотоядный так что...

– Солнышко, я люблю тебя, и твоя мама – самая смелая женщина на свете...

Лена прилипла к мужу, обняв его с умиротворенной счастливой улыбкой. Я видела, что все происходящее их тревожит, но тот факт, что они вместе их примирял со всеми невзгодами.

– А где Натусик, Кир?

Нахмурившись, потерла виски, чувствуя, что сегодня здесь душно.

– Я позвонила ему утром, он сказал, что ему нехорошо из-за вчерашнего возлияния, и решил побыть в отеле до нашего отъезда.

– Я уверена, он смотрел новости и теперь боится высунуть нос из гостиницы...

Я хмыкнула, соглашаясь:

– Думаю, ты права, наш логистик чрезвычайно щепетильно относится к своему здоровью и внешности...

– А я думаю, что в данной ситуации он прав. – Мы с подругой посмотрела на Леню, а он сверлил взглядом свою жену. И в его глазах я заметила тревогу за нее и глубокую любовь, и нежность. Нахмурившись, он погладил ее по щеке и пробормотал: – Ты немного горячая, Лен. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Немного душно, а так все хорошо...

– Знаете, Леонид, мне тоже здесь душно. Может, пойдем выпьем чаю и плюшками побалуемся?

Решили, сделали, но уже через пару часов Лена почувствовала себя совсем плохо, и они с мужем уехали, пообещав позвонить вечером.

Отсидев положенное время, я отправилась в гостиницу. Натусика не оказалось в номере, и я все сильнее нервничала. Уехать без него не могла, потому что мы вместе приехали на моей машине, осталось только заночевать в Гавре.

К ночи я не выдержала и позвонила Лене, трубку неожиданно взяла ее старшая сестра Зоя:

– Я слушаю!

– Э-э-э, Зоя... а можно Лёну...

– Все кончено, Кир, все кончено... Мамы с папой уже нет, а Лёна... Она в больнице умирает. Леонид тоже с ней и тоже заражен, они там вместе как и всегда. Я тоже туда иду, Кир. Это снова началось... – я слышала, как Зоя рыдает, – мы все умрем, и уже ничего хорошего не будет...

Я похолодела, услышав новости, но когда в трубке послышались лишь короткие гудки, мне стало страшно и больно. Остервенело набирала номер, но Зоя больше не брала трубку. Несколько раз попыталась связаться с Натусиком, но и он молчал. Сходила к администратору и попросила вскрыть его номер, чтобы удостовериться, что с ним не приключилось ничего страшного. В номере Натусика не было, но скорее всего, он спешно покинул его, забыв некоторые мелочи. Меня отправил на конференцию, а сам сбежал домой, испугался.

Несмотря на его поведение, я успокоилась, убедившись, что он хотя бы жив и не валяется здесь мертвым.

Тем временем, я и сама ощутила ухудшение состояния, и когда я поняла, что у меня жар и знакомые красные пятна на лице, предвещающие скорое отслоение кожи, уже не сомневаясь и не тратя времени на сборы, отбыла в Тюбрин. И я знала, что еду туда умирать. Мне лишь хотелось, чтобы это произошло в доме моих родителей, может хоть таким образом я буду ближе к ним.

Последний час прошел на грани бреда. Температура поднялась до такого уровня, что в глазах стоял белесый туман, мешающий видеть. Слабость разливалась по телу, превращая мышцы в желе. Вела машину уже на автопилоте и все чаще замечала автомобили в кюветах или на дорогах, с раскрытыми дверями, а возле них лежали и сидели умирающие. Некоторые еще живые, но уже не в состоянии вести машину, кто-то держал на руках близких, которым уже ничем не помочь. Кошмар царил вокруг, а смерть снова собирала свой урожай, и судя по всему, он будет гораздо обильнее предыдущего.

Как я доехала – толком не помню. До кровати я добиралась, судорожно срывая с себя платье, так жарко было. Кожа болела невероятно, зверски ломило все тело. Стоная от жара и боли, я чувствовала каждую косточку, каждый сустав и, кажется, даже слышала, как они хрустят. Кожа зудела и, уже впадая в беспамятство, я заметила ее белесые ошметки на пальцах. Ну что ж, мое время подошло к концу.

Я не думала, погрузившись в состояние на грани реальности,

чувствовала всем телом, как плавлюсь в огне лихорадки. Меня мучили жуткие видения: Сава приходил и звал с собой, потом ругался, обвинял в чем-то, мама с папой, наоборот, ругались, что мне здесь не место, и я должна вернуться, Лена весело смеялась, прижимаясь к Леониду, Натан просил прощения за то, что сбежал, и горько плакал о своей гибели. Странные сны-видения не проходили, и в них все чаще приходили, сменяясь чередой, разные малознакомые люди, я привыкла к ним и в краткие моменты просветления сознания, когда меня хватало только на то, чтобы хлебнуть воды из бутылки, странным образом оказавшейся рядом на кровати, даже скучала без их компании.

Мне кажется, я с ними даже беседы или споры вела. Вот только о чем? А может о самом главном? Просто я ничего не помню, а с каждым мгновением, украденным у смерти, помнила все меньше. И от этого становилось еще страшнее. Не хочу жить как те несчастные, которые победили вирус, но потеряли в этой борьбе самое главное – свою личность. Снова стать чистым листом я не хотела, слишком много я потеряю, или точнее, слишком многих забуду. А моя бабушка часто повторяла: «Мы живы, пока нас помнят!»

* * *

Многоголосый шепот в ушах прекратился, а через некоторое время, насладившись тишиной и покоем, наконец, почувствовала себя. Ощутила себя в пространстве, услышала, именно услышала тишину в квартире и смогла разлепить веки. Все мои чувства обострились до предела, впрочем, дали знать о себе и неприятные последствия. Вся кожа ныла и зудела, словно меня покусали тысячи насекомых, а в целом, будто меня всю ночь били-били, и по каким-то обстоятельствам убить забыли, горло саднило от сухости.

Повернув голову набок, искала глазами бутылку, она точно была. Я помню! Вожделенная бутылка оказалось на месте... пустой, более того, на ней обнаружились многочисленные следы зубов – выходит это я драла пластик зубами.

Поднесла руку к лицу, с омерзением рассматривая свисающие лоскуты кожи, некоторые уже отвалились... Успокоило лишь то, что под этими жуткими последствиями болезни появилась новенькая, еще очень тонкая розоватая кожица. Чесалось нестерпимо, но как взрослый человек я понимаю, что если ее травмирую, то могут остаться шрамы.

Мое сознание все еще «плавало», не в состоянии зацепиться за главную мысль, лишь фрагменты всплывали на поверхность, мотивируя на действия. Сначала пить...

Медленно встала с кровати, приложив массу усилий, постояла, пока прошли головокружение и тошнота. Сколько же я так провалялась? Похоже, не меньше пары дней. Желудок с громким воплем потребовал пищи. Надо добраться до кухни, пока он сам себя есть не начал. До кухни шла, сильно пошатываясь, но ускорила, увидев бутылку с водой на столе.

В холодильнике обнаружились консервированная ветчина, сыр и еще пара полуфабрикатов. Я их даже разогревать не стала. Разодрав упаковку, голодной волчицей набросилась на еду, запивая водой, даже пот пробил от усердия. Быстро насытившись и чувствуя, что желудок только что не лопнет от переедания, решила полежать, но тут взглядом натолкнулась на часы. Вспышка воспоминаний, и я медленно опускаюсь на стул позади себя.

Я пролежала в бесспамятстве три дня, печально, но одновременно это означает, что я победила болезнь и приобрела иммунитет. Теперь мне ничего не страшно. Все еще не придя в себя от потрясения, добралась до дивана, прихватив плед, и, накрывшись с головой, тут же уснула, но уже без сновидений и кошмаров. На кровать, изгвазданную непонятно чем, лечь не отважилась.

Снова пробуждение, но уже более привычное и в полном сознании. Полежала несколько долгих минут, вспоминая обо всем, причем, очень тщательно, не упуская даже малейших деталей. Для меня это очень важно – помнить.

Дотянулась до журнального столика и, подхватив пульт от телевизора, включила. Все больше недоумевая, переключала каналы, но на экране лишь тишина и серая рябь, не предвещающие ничего хорошего. Наконец, столичный городской канал обрадовал голубым экраном и знакомым лицом диктора. Но уже через мгновение я поняла – это единственное, что меня может обрадовать.

Небритый усталый диктор в потрепанном костюме сидел за знакомой каждому телезрителю стойкой в расслабленной или скорее обреченной позе и сообщал страшные факты:

– «... Дорград, Цветауст, Радужный, Гавр и практически все города Россины пали ниц перед вирусом. Все еще поступают редкие сообщения от местных властей прямо нам в студию, но все твердят об одном: выживших не более двух процентов, и это в лучшем случае. Мы с оператором Корве будем вести эту передачу пока в состоянии стоять на

ногах. Граждане, сообщайте новости, возможно, кому-то в будущем это спасет жизнь. Москана умирает, запах смерти достигает даже десятого этажа, на котором расположена наша студия. Еще вчера нам сообщили, что Арабекса больше не существует, Бинидос, Анжун, Венар, Тбилан, Эстон тоже... Из Маракона вчера еще поступали редкие сообщения, в которых говорилось, что страна завалена погибшими, границы открыты, а редкие островки, изолированные от заболевших войсками, тоже постигла участь остального населения. Эпидемия настигла и их. Теперь Маракон молчит, впрочем, как и остальные...», – диктор устало потер лицо, прямо в эфире выпил из бутылки воды и с тревогой спросил, скорее всего оператора: – «Дим, ты как себя чувствуешь?» – ему ответил хриловатый бас. – «Пока терпимо, но чувствую – ненадолго...»

Я хлебнула воды, подавилась и заплакала. Значит и туда добрался вирус; ниточка, которая связывает меня с миром, скоро оборвется. Диктор потер лоб, а затем и все лицо обеими ладонями. Потом продолжил говорить, снова глядя на камеру:

– «Большая часть крупных городов Россины горит. Из-за не выключенных бытовых электроприборов загорелись жилые кварталы... целые заводы полыхают... Некому тушить, и огонь уничтожает все на своем пути. Из окна в раздевалке нашей студии видно, как горит столица, смог стоит страшный, но пока работают кондиционеры... Хотя я уверен, скоро отключится электричество, вода, и все блага цивилизации исчезнут. Граждане, сейчас нас спасет только понимание того, что мы все в одной лодке. Я прошу вас забыть о распрях, мы все вымираем, так давайте хоть сейчас позаботимся друг о друге...» – камера поехала куда-то в сторону, а потом я услышала встревоженный крик ведущего и грохот. Голос диктора за кадром: – «Корве? Корве, мать твою, не смей помирать, я тебя очень прошу...»

Через мгновение экран погас, и, казалось, серая рябь заполнила все пространство, рождая во мне жуткое ощущение нереальности происходящего. Как сомнамбула потыкала кнопки, листая плейлист, потом бездумно посидела еще немного, поела, с сожалением отметив, что еды осталось на один прием, не более, и подошла к окну.

Пустынная улица, брошенные с открытыми дверями машины и труповозка посреди дороги. Двое мужчин в серых спецовках и поблескивавшем магическом коконе защиты загружали человеческое тело в кузов закрытого грузовичка. Подобные машины, специально оборудованные для перевозки трупов, раньше мне встречались не часто и вызвали печаль и безотчетный страх, зато сейчас, увидев как мужчины

собирают погибших, стало странно легко и спокойно. Хоть кто-то жив и не бросает мертвых не погребенными...

Взгляд привлекли несколько черных столбов дыма в разных частях города. Три из них от печей крематориев, еще два, похоже, на кирпичном заводе, наверное, тамошние печи используются для этого жуткого дела...

Снова смотрю на мужчин, они с трудом, морщась, пытаются вытащить здорового толстого мужика из машины. Труп окоченел, и им не просто. Проверила свой резерв и, убедившись, что болезнь не навредила моей магии, послала силовой импульс, помогая мужчинам. Они отшатнулись, стоило труп самому покинуть машину и переместиться по воздуху в кузов. Мужчины пристально огляделись по сторонам. Заметив меня, прилипшую к окну, они коротко, благодарно кивнули. Но отпускать мой взгляд не спешили, приглашающе помахав руками и показывая в сторону моего дома. Кивнула.

Вышла на балкон и поняла, чего они от меня хотят. Стало плохо, жутко плохо, захотелось завывать и побиться головой об стенку. Я живу на третьем этаже, поэтому хорошо видно целую гору моих бывших соседей, мертвых, некоторых я знала в лицо.

– Помогите их погрузить в кузов... – просьба мужчины отвлекла от тоски и отчаяния. – Это поможет и им обрести покой, и нам... очистить совесть и город...

Я вскинула взгляд и лишь кивнула. Затем, спохватившись, прохрипела:

– Я рада, что еще остались такие, как вы... хоть кто-то остался... Благодарна вам от них и от себя.

Оба мужчины криво усмехнулись, и столько печали было в их глазах и лицах...

Вновь применила магию и осторожно погрузила всех в кузов. Пока один из них закрывал створки, второй, еще раз внимательно меня оглядев, предложил:

– Может, хоть пару дней с нами покатаетесь, с вашей магией мы бы лучше и быстрее справлялись, а то с каждым днем все хуже и хуже становится... – я кивнула, соглашаясь, мужчина представился.

– Доктор Травин, а это мой коллега доктор Пуш, мы оба патологоанатомы, но сейчас в нашей специальности нет смысла, так хоть по-другому поможем... Оба обладаем лишь магией исцеления, немногим выше среднего уровня, но сами понимаете, здесь как раз ваша бытовая и нужна, а то силы не безграничны. Мы подадим звуковой сигнал, как подъедем завтра...

Я вновь кивнула, забыв представиться, просто чувствовала, что дико

устала, поэтому, вяло махнув рукой, вернулась в комнату. Снова хотелось спать, и я не стала противиться.

Новое утро, ровно пять дней прошло с того момента, как я заразилась и второй день, как я очнулась, выжив. Я пока ощущала себя слабой как ребенок физически, но, обнаружив все еще идущую из крана воду в ванной, решила помыться, но как только взглянула на себя в зеркало, взвыла от страха и жалости к себе, ощутив непередаваемые ощущения.

В первый момент показалось, что это зомби глядит на меня из фильма ужасов: кожа с сухими лохмотьями, через которые проступает голубоватопрозрачная, новая, фиолетовые круги под глазами – отвратительные последствия пережитой лихорадки. Больные и тусклые светло-карие глаза и осиное гнездо на голове. Я попыталась расчесать волосы, но уже через минуту поняла, что это сделать не реально.

Работая ножницами, я не плакала, хоть и любила свои роскошные шоколадные волосы. Слишком многое, что я любила, исчезло или погибло, а вот волосы отрастут заново. Встряхнула головой, испытывая странное ощущение легкости и каждый шевельнувшийся волосок на голове. Собрала отстриженные грязные колтуны и выкинула без сожалений.

Сначала посидела в ванной, отмачивая кожу в теплой воде, а потом осторожно вымылась, чувствуя, как вместе со старой кожей моя прежняя жизнь смывается. Даже не заплакала, когда приняла решение, что любимых и близких людей никогда не забуду, но раз высшие силы помогли мне выжить, значит буду жить по полной, не оглядываясь на прошлое.

Я уже позавтракала и оделась в легкий джемпер и джинсы, когда услышала гудок на улице. Выглянула в окно, мне помахали руками Пуш и Травин. Вздохнув, набираясь смелости, я открыла входную дверь и шагнула в подъезд. Вздрыгнула, когда уловила запах тлена, поэтому тут же активировала защитную маску.

Мужчины встретили меня внимательными взглядами, не пропустив моей пятнистой шелушащейся кожи, стриженных рваными неровными прядями волос, обрамляющих голову в виде шоколадного цвета шапочки, и синяки под глазами, похоже, не укрылись от их внимания, но они с улыбкой кивнули, поздоровавшись. Я же запоздало представилась, залезая за ними в тесную кабину грузовичка.

Два дня я моталась с врачами по улицам, мы собирали трупы, складывая их в кузов грузовичка и развозя по крематориям. Но нам все реже попадались живые, пару раз мне повезло, что я была с мужчинами-магами. На нас нападали те, кто пережил болезнь, но либо потерял память и сейчас действовал согласно животным инстинктам, быстро скрываясь

только увидев нас, либо сумасшедшие, которым лихорадка повредила мозг. Эти как раз не прятались – нападали, и каждый из них действовал по-своему. Нарваться на таких страшнее всего. Но ко всему, оказывается, можно привыкнуть и приспособиться. А еще маги, оценив мое плачевное состояние, лечили меня, помогая восстанавливаться

* * *

Я шла по улочке вдоль трехэтажных миленьких домов с зелеными крышами. Мы добрались до квартала, в котором проживали исключительно полиморфы, а они многоэтажные здания не любили.

Внимание привлек настойчивый лай крупной собаки, судя по хрипловатому баску. Внимательно осмотрелась и с левой стороны на одном из балконов, забранном решеткой, заметила морду и передние лапы овчарки. Она лаяла, глядя на меня, и кидалась на прутья, но стало понятно, что собака старается привлечь внимание – такая в глазах тоска и мольба. Я не выдержала и подошла к балкону.

С обычными решетками, которыми пользовались исключительно полиморфы и хавшики, презирая магические, я не смогу справиться. Подтянулась за прутья повыше и заглянула в проем балконной двери, ведущей в гостиную. Сначала на меня пахло смрадом разложения, а потом прямо передо мной подпрыгнул пес, испугав меня. Шлепнувшись на попу, поморщилась, в этот момент пес тоскливо завыл, потеряв меня из виду. Осмотрев дом и прикинув расположение квартиры, с опаской пошла в подъезд. Мои спутники сейчас зачищали дом за углом, а я случайно зашла в этот переулок и сейчас настороже, мало ли что.

Остановившись перед нужной дверью, постучала, секундное молчание, а потом услышала громкий лай и скрежет лап пса, настойчиво стремящегося на свободу. Воспользовавшись бытовой магией, сняла дверь с петель и отставила в сторону, раньше за это можно было бы сразу в тюрьму угодить, а сейчас я спасаю жизнь собаке.

За дверью обнаружила ребенка – девочку, скрючившуюся на коврике. На труп не похожа, но по всем признакам больная. Запах тлена мешал разумно мыслить, и я вновь активировала маску, после посмотрела еще раз девочку и пса, который улегся рядом с ней, внимательно глядя на меня в ожидании, даже жалостно подвывал, явно взывая о помощи.

Тут же валяется большая распотрошенная пачка собачей еды и перевернутая миска. Я присела рядом и осторожно протянула руку в

попытке нащупать пульс на шее девочки. Не сразу почувствовала ровное, но слабое биение ее сердечка, но осознав, что она жива чуть снова не расплакалась, только уже от счастья. Малышка лежит в грязных трусиках и маечке, ей не больше семи-восьми лет, а может и меньше – полиморфы чуть медленнее взрослеют.

С тяжелым сердцем прошла внутрь квартиры, бросив извиняющийся взгляд на кобеля. В гостиной никого нет, немного пошарив по шкафчикам, нашла документы. Забрала с собой, засунув в задний карман джинсов, затем обошла всю квартиру, обнаружив в спальне мертвых родителей девочки. Едва мазнув по трупам взглядом, чтобы не запомнить их такими, активировала заклинание левитации и вернулась в прихожую. Там осторожно подняла девочку на руки и вышла на улицу. Жуткий груз плыл за мной до самого грузовичка, куда я его и направила. Кремация лучше, чем не упокоенные и вечно скитающиеся души, надо освобождать от их бременного тела.

Пуш и Травин встретили нас молчанием, но осмотрев девочку, заявили:

– Сильное обезвоживание и долгое голодание. Хотя полиморфы живучие, и возможно это поможет ей выжить.

– Ты оставишь ее себе?

Я же, заглянув в печальные глаза псины, мысленно пообещала ему, что она справится, а я помогу. А мужчинам ответила коротко:

– Она ребенок! И теперь мой.

Мне ответили понимающей улыбкой.

– За эту неделю все меньше и меньше живых встречаем, зато все больше трупов находим. – Травин говорил с горечью, страхом и печалью в голосе. – Боюсь, такими темпами в лучшем случае эта обещанная пара процентов и останется... Если уже не осталась?! Я рад, что ты нашла выжившую, а не... Вам дальнейшую жизнь налаживать нужно, а мы пока мертвым поможем. Сколько судьба отмерила...

Я с тревогой посмотрела на мужчин, отмечая воспаленные от недосыпа глаза, небритые осунувшиеся лица. Потом в отчаянии спросила:

– Вы не переболели?

Оба хмыкнув, отрицательно покачали головами:

– Если мы не приедем... как-нибудь, не жди...

– Но...

– Слишком маленькая вероятность.

– Но...

– Хорошо, три дня, как ты и сказала, потом я считаю, вам нужно будет

искать другое место для проживания. Погода еще холодная, но если резко потеплеет или начнется жара, то город превратится в рассадник заразы. Сама понимаешь: крысы, насекомые... запах разложения, голодные животные... и не только животные...

Я только кивнула головой, в ужасе все это представляя и уже страшась остаться одной, без этих мужчин.

– Эта наш долг, Кира, надо очистить город хоть немного, и пока у нас есть время...

Они сначала помогли девочке, потом мне – найти магазин с продуктами и запастись ими, а затем отвезли домой и только после этого уехали, пообещав утром навестить. Но мы решили, что завтра я посижу с девочкой, а не буду мотаться по городу и крематориям. Из-за их дыма над Тюбрином уже скапливался смог и темные клубы дыма, еще больше нагнетая уныние и превращая небо над городом в скорбный черный саван.

Остаток дня я поила девочку водой, потом сварила ей легкий суп-пюре и с трудом накормила, затем вымыла до блеска новой розовой кожицы и уложила рядом с собой. Она все еще была без сознания, а я гадала, какие для нее могут быть последствия перенесенного заболевания. Лохматого парня – пока без имени – тоже помыла, чтобы вытравить из его шерсти запах тлена, и накормила.

Сначала отключился свет, а потом я услышала глухой гул труб, в которых закончилась вода, и, наконец, шипение, которое наждаком прошло по нервам и сознанию. Ведь это означало исчезновение последних примет цивилизации и мало-мальской защищенности, так мне казалось...

А при свете луны, после бесплодных попыток заснуть, рассматривая девочку и пса, впервые за последние несколько месяцев ощутила себя спокойной и умиротворенной. Теперь у меня есть новая семья, и я не дам ее в обиду. Тихонько встала, стараясь не шуметь, и прошла в гостиную, где бросила свои штаны. Вытащив документы, просмотрела все страницы, запоминая имена и даты. А главное, выяснила, как зовут девочку.

Мою приемную дочь зовут Елизаветой Шишкиной, восьми лет, полиморф из семейства лисьих, я даже улыбнулась, сократив имя девочки до Лисаветы. Пару минут вглядывалась в лица ее родителей, представляя как она будет выглядеть повзрослев, на кого больше похожа, выходило – на отца все же больше. Наверное, была папина любимая доча, все их жилище завалено разными игрушками...

В гостиную прокрался пес и, неуверенно заглядывая в глаза, осторожно положил голову мне на колени. Потрепала его за ушами,

чувствуя как в душу закрадывается щемящая нежность к этому лохматому четвероногому другу. Ведь он не себя спасал, привлекая мое внимание, а свою маленькую хозяйку.

– Давай познакомимся, меня зовут Кира. – Пожала огромную лапу. – А как твое имя. Джек? – Молчание. – Пират?

Снова молчание, а я начала перебирать все клички собак, которые мне только в голову приходили, а пес подsunул голову под мою руку и преданно посмотрел на меня. Через час мы добрались до обычных мужских имен, и я наобум ляпнула:

– Ну не Федор же ты какой-нибудь?

– Гав-гав! – радостно согласился... Федор.

– Обалдеть! Вот это фантазия у народа?

– Р-р-р-р!

– Да ладно тебе, я же не обидно... только удивлена. Так значит ты Федор, Федя, Фед...

– Гав-гав!

– Ага, Фед тебя устраивает, ну ладно, хорошо хоть с именами разобрались. Пошли-ка спать, Фед, утро вечера мудренее.

* * *

Меня разбудило шевеление под боком, а потом хриплый робкий голос:
– Мама?

От этого вопроса меня даже подбросило. Распахнув глаза, села и уставилась на девочку, которая уселась рядом, недоуменно таращась испуганными глазенками, и спросила:

– Мама?

Я застыла, вымученно улыбаясь и гадая, что же сказать или сделать. Мне помог Фед, который прыгнул на кровать, ползком подобрался к Лисавете и положил ей на колени голову. Она инстинктивно обняла его, а потом вспомнила и прошептала:

– Фед! Мой друг Фед!

– Ты помнишь что-нибудь, родная?

Она качнула головой, наморщив лоб, силясь вспомнить что-нибудь, а потом ответила:

– Только Феда... но ты же моя мама? А папа...

– Папы нет, солнышко, он... с ангелочками на небе... и мама тоже там. Но я теперь твоя новая мама и никому не дам в обиду. Меня Кира

зовут, и я знаю, что тебя зовут Елизавета или Лиза. Ты не против, если я буду твоей мамой?

Не решилась соврать насчет того, что я ее родная мать, она вспомнила Феда, может вспомнить со временем, что у нее была другая семья. Именно по этой причине я пошла по другому пути. В ее глазах появились слезы, но так и не пролились, она только кивнула и неожиданно быстро после страшной болезни кинулась ко мне на руки и обняла, повиснув на шее.

Таким вот образом, мы провалялись еще часок, пока я гладила ее по спинке, успокаивая, но дела не ждали.

– Пойдем готовить кушать, тебе надо много есть и пить воду...

Конечно, на кухню я пошла с Лисой на руках, с трепетом и удовольствием ощущая доверчиво обнимающие меня детские ручки. Пушистые после помывки смешные золотистые кудряшки приятно щекотали мой нос, а ясные зеленые глазки бередили душу.

В этот день Пуш и Травин не приехали, спустя еще четыре дня я смирилась с их потерей и начала прорабатывать план нашей дальнейшей жизни.

20 мая

Проснулась рано, потому что сегодня у меня есть четкий план действий, и подсознательно я спешила его реализовать. Сперва надо проверить состояние моей машины и вообще выяснить, где я ее бросила в том полубредовом состоянии, в котором находилась, когда вернулась из Гавра.

Выйдя из подъезда, сильно удивилась – довольно теплым майским днем идет снег. Необычайно серый и пушистый. Тяжелые свинцовые тучи нависают слишком низко, но дует приятный ветер, шевеля мои все еще непривычно короткие волосы. А на голову падает странно нехолодный снег.

Вытерла лицо и глянула на свои пальцы, осознание, что это за «снег» заставило похолодеть все внутри. Я снова приподняла лицо, вглядываясь в даль. Страшные, жуткие осадки... Крематории все еще работают, выпуская в небо черные столбы дыма, а помимо них горят дома, а еще я заметила маслянистый столб черноты, уходящий в небо от нефтеперерабатывающего завода.

Слишком много горит и слишком многие...

А с неба, медленно кружась, падают пушистые хлопья пепла, покрывая этой жуткой тоскливой серостью все вокруг: крыши домов,

стирая цветовые различия, машины, стыдливо прикрывая вехи технического прогресса, улицы и деревья, укрывая от всеобщего запустения и недавнего хаоса, для них, возможно, будет польза. А так же меня, ну может быть кого-то еще, сумевшего выжить, но что ждет этих выживших дальше, не будут ли живые завидовать мертвым...

Еще минуту постояла на ветру, наблюдая, как вокруг лишь пепел кружится в погребальном танце по ушедшей цивилизации.

Мотнула головой, стряхивая с себя, возможно, чей-то прах, поспешила к своей машине и, проверив магический накопитель, порадовалась, что он заполнен наполовину. Подогнала ее к самому подъезду, и пока Лиза спала, перетаскала все самое необходимое на первое время из квартиры. Как правильно заметили Травин с Пушем, в городе нам оставаться больше нечего.

* * *

- Лис, будь осторожнее и все время держись рядом.
- Хорошо, но тут так страшно. А игрушки мы возьмем?
- Обязательно, лисичка, возьми маленькую тележку и набирай туда разные игрушки и книжки, да все что захочешь...
- А у нас много денег?
- Хм-м-м, знаешь, Лис, можно не экономить!
- Ура-а-а! – девочка, забыв о страхе, рванула к детской тележке и начала складывать туда коробки и игрушки, мечась по проходам.
- Фед, следи за Лизой, я за одеждой.

В «Детском мире» освещения не было, но дневной свет, проникающий в огромные окна, позволял все неплохо видеть. Необычное зрелище пустых и тихих проходов именно в этом магазине опять резануло по нервам, но делать нечего – следуя своему плану. Я начала методично складывать детские вещи в корзину, любые – все пригодится в будущем. Причем на вырост. Бросив внимательный взгляд на дочь с Федом, покатила переполненную тележку на выход к машине.

Утром, сверившись с планом, приступила к его реализации. В первую очередь грузу детские вещи и питание. Часть своих я уже перевезла в Васино еще до второй волны и практически жила за городом, а вот для Лизы там нет ничего.

Забив маг-мобиль под завязку одеждой на все сезоны, обувью и игрушками, позвала девочку и пса, и мы поехали в наш новый дом. По

дороге все же пришлось остановиться и поискать магазин, где еще оставались продукты и пополнить запасы.

«Кешар» плавно скользил по пустынным улицам, кое-где нам приходилось объезжать заставленные бесхозными машинами участки дорог, но пока мы лишь пару раз замечали одинокие фигуры людей. Почему-то все они стремились спрятаться, при появлении моей машины, и это настораживало.

Выскочив из города, понеслись по трассе в сторону Васино. Аккуратно свернув с главной дороги на второстепенную, рванули по грунтовке, но проехав часть лесного массива и вывернув к деревне, я в ужасе притормозила, а потом поехала медленно, чувствуя, как по щеке ползет одинокая слеза.

Всюду, куда хватало глаз, торчали почерневшие дома, обгоревшие заборы и кучи хлама. Деревни Васино больше не существует, ее сожгли дотла, видимо специально, возможно выжигая сразу таким способом.

Добрались до кладбищенского пригорка, и я вновь ужаснулась, столько небольших свежих холмиков появилось. Фед с Лизой сидели на заднем сидении и испуганно молчали, а я с трудом сдерживала слезы. За три года слишком многих здесь узнала лично.

Наконец, мы перевалили холм, засаженный картофелем, и я увидела знакомые заборы нашего кооператива.

Огромный дом на пригорке, где жил бывший Глава Совета Тюбрино, тоже сожгли. В итоге, шесть домов спрятались за своими заборами и моя крепость тоже. Мы заехали во двор и замерли все втроем.

– Дочь, это теперь наш новый дом, сейчас выберешь себе комнату, и она будет твоя. Фед, тебе мы организуем спальное место, у меня на примете есть потрепанная шкура медведя... – ой, может он из солидарности с тем зверем на ней спать не захочет. – Ты сам выберешь, где спать будешь... но это наш дом. Охранять!

Час мы разбирали вещи и переносили их из машины. Попав в эту, не стыдно сказать, маленькую крепость, я сразу почувствовала себя увереннее и спокойнее. Вспомнился Сава, причем очень добрыми словами. Но я отложила ностальгию, об этом я подумаю завтра...

Я ходила по двум участкам и делала пометки в блокноте, записывая все вопросы, которые надо будет решить до зимы, и вообще требовавшие пристального внимания. В первую очередь я вооружилась. Из того тайника, который организовал Сава.

Потом мы пообедали и решились съездить на ферму выяснить, остался ли там кто живой.

Нас встретили тоскливое мычание коров, блеянье и хрюканье, и квохтанье. Заехав в стальные ворота, с невероятным облегчением заметила Михалыча, который на погрузчике вез сено. Завидев нашу машину, резко остановился и, сорвавшись с места, поковылял к нам, все же солидный возраст сказывался на старом хавшике.

Мы тоже вышли из машины, я предупредила Феда, что Михалыч наш друг, а потом мы крепко обнялись с дедом.

– Девочка моя, как я рад тебя видеть! Благодарю Триединого за то, что он уберег тебя... И подарил... дочь?

Он пристально разглядывал Лизу, а она пряталась за мной и Федом, который прищурившись следил за незнакомцем. Я улыбнулась и кивнула, соглашаясь, знаю, как хавшик трепетно относится к детям. Ему самому еще лет двести назад сказали, что он детей никогда произвести на свет не сможет. Он старался не говорить на эту тему, но было видно, что его это печалит. Обычно хавшики жили своеобразными родами, где все друг другу были родственниками по одной линии.

Людям такой образ жизни чужд, не понимают и часто насмеваются над семьями хавшиков, говоря: «Собрались куча мужиков, которые детей рожают и живут вместе.» Менталитет и жизнеустройство хавшиков понять и принять могут не многие, но тем не менее, все уживались и со временем семьи хавшиков расселились по всему ЕвроАзесу, ассимилируясь и перенимая многие традиции и культуру магов и полиморфов.

Но Михалыч так и жил одиночкой.

– Ее зовут Елизавета, а нашего друга – Федором, но для друзей – Фед! – представила своих подопечных с веселой улыбкой, и Лиза осмелела, кивнув мужчине.

Из ворот основного здания вышел Семен Прыткин. В агрокомплексе не работал, был фермером и имел большую семью. Относится к тем, кто лишь чувствует магию, но при этом не считает себя хуже других. Хороший крепкий мужик сорока лет отроду. Его лицо осветилось радостью, стоило ему увидеть нас, но скорбные морщинки вокруг рта и тусклые глаза подсказали, что он пережил личную трагедию.

– Привет, Кира! Рад, что ты выжила. Лишние руки нам тут явно не помешают...

– Привет, Семен! Как семья??

Мужчина потемнел. Он женат на очень доброй, сердечной женщине, и у них уже трое детей. Их брак был ранним по общим стандартам, но учитывая, что люди без магии живут до ста пятидесяти, для них самое то.

– Моя Марта жива и наша дочь Людмила, а Васька и Тимоха... Марта

сейчас немного не в себе от горя, но хоть память не потеряла и разум... Как некоторые... Вон ваш сосед с пригорка, наш Глава бывший... Так он переболел и... перебил всю семью, мы его за каннибализмом застали... Сожгли мы их всех... Батюшка, пока сам не помер, ходил землю освещал... всюду. Его утречком похоронили, классный был мужик, даже не знаю как теперь без прихода и священника будем? Кто браки освещать будет, похороны проводить, наставления делать и душу очищать?

Мы все потускнели. Несмотря на разность культур, мышления и много чего, все верили в Триединого. Каждый надеялся попасть в его светлый дом под названием Рай. Все боялись попасть в немилость и остаться без его дарующей прощение и заботу длани, остаться наедине со своими грехами и чернотой Ада, так называли жуткое место, где царит пустота и безвременье отчаяния. Даже комету, которая чуть не погубила планету, тоже называли именем ада – Адос. Хотя среди рас имеют место и многие другие верования и высшие силы, и многие в них истинно верят, как я, например, в Силу, но в Триединого верили все без исключений и без оговорок.

– Священник – лишь проводник, а Триединый всегда с нами. – убежденно заметил Михалыч. – Так что найдем проводника нового... со временем. Храм-то вон стоит, надо только со временем прибраться там, да начать службы...

– На все Васино теперь девять душ, среди них три бабы... – перебил хавшика Семен. – Животина мучается, вон их сотни голодных, не доеных... Поля засеяны, а кто о них позаботится... Работать надобно, Михалыч, а службы зимой служить будем. Сейчас-то, что делать будем?

Хавшик пожевал губы и продолжил с печалью:

– Максимальное количество оставим, которое сможем обслужить, да и на будущее тоже. Остальных разгоним, убивать не стану, а так пусть хоть сами еду найдут, а дальше не знаю я... Можно забивать пока десятками, да в город людям возить, тем кто выжил, хотя так возить, чтобы они к нам дорогу не протоптали, а то привыкнут, потом хлопот не оберемся... С курами легче, но...

– Картоху надо будет собрать, зерно, овощи... – добавил Семен дельную мысль, – хранилища-то пустые, все подчистую вывезли с последним заказом-то. Если не позаботимся сами, помрем с голодухи, или цинга нам в зубы подберется...

Я вспомнила один значимый момент и вмешалась:

– Один склад Сава для нас оставил нетронутым в городе. Он забит продуктами длительного хранения, там и промтовары есть... Надо будет

все это вывезти.

– Ну, Людка за матерью приглядит, так что я с вами. Вон Димон со своим старшим сыном Ромкой, он хоть и малолетний, но шестнадцать годков есть, так что к работе привыкший... Жаль они свою Анюту потеряли, боюсь я за Димона... А Серега Серый, ну агроном младший, он всех потерял, но держится. Правда, к нему во сне семья умершая приходит, но вроде так с виду нормальный и мыслит разумно, и не кидается...

Я тяжело вздохнула:

– Нормальный он, ко мне тоже приходили... во сне. Все. Может выжить помогли. Жизнь покажет.

Мы еще полчаса простояли во дворе комплекса, потом Михалыч заставил выбрать меня ту живность, которую я домой заберу.

Ее загрузили в перевозчик крупного скота и отвезли ко мне. Теперь у каждого будет свое хозяйство, помимо коллективного. И работать придется за двоих.

Лиза с Федом с энтузиазмом встречали наших домашних животных и носились по двору, пока мы разгружали пару коров, не меньше пятнадцати кур и пару красивых петухов-забияк, пять свиней и одного кабанчика, и по мелочи: пару гусей, козу и одного запуганного кота. Его бывший хозяин – тот самый несчастный глава, который после того как переболел, каннибалом стал и видимо трагические события оставили отпечаток на психике кота. Но Семен спас его из огня, когда жгли дом.

Кличка кота Семен – вызвала у всех громкий залиvistый хохот. Представила его Федору, кот сперва насторожился, но с места не двинулся, а когда собака подошла поближе, выгнулся и поднял переднюю лапу. Фед улегся и равнодушно зевнул, как бы признавая личное пространство еще одного члена семьи. Вот так они с Федором друг друга приняли. Вынуждено, но без боя. В итоге, этот персикового окраса и внушительных размеров котяра, задрав хвост, потрусил в дом обживать новую территорию, а может, занимать спальное место... Лизка умчалась за ним, а вскоре и Фед, стрельнув по сторонам настороженным взглядом, поплелся следом.

Мужики ходили по моим складским помещениям, с уважением и вниманием все разглядывая.

– Да, Савелий Палыч постарался... умный мужик... был.

Семен смутился, а я успокаивающе похлопала его по плечу:

– Я с тобой полностью согласна, но судьба его такая... впрочем, еще не известно, кому повезло больше.

– Так, давайте не думать о плохом. Кира, тебе надо этот подземный

склад приспособить под овощехранилище. Ты прикинь, сколько на зиму заготовить надо будет для такого количества едоков... Вот и место надо под сыры подготовить, заготовки и соленья...

До вечера мы дружно определялись с нужными помещениями и вешали полки – невероятное количество, но им виднее. Пообедали побыстрому, и все вернулись на фермы, там работы слишком много, а мне учиться всему надо, раз свое хозяйство теперь поднимать.

* * *

– Да что б тебя... – не выдержал накала эмоций Семен, стоило нам заглянуть в с виду небольшой склад нашей компании.

Я тоже мысленно присвистнула. Он завален по самый потолок коробками, тюками и мешками с различной снедью, товарами и вещами. Я неуверенно бросила взгляд на пару трехтонок, на которых мы приехали сюда, и поняла, что ездить мы будет туда-сюда до-о-олго.

– Да, Савелий Палыч – очень хозяйственный и предусмотрительный мужик... – это уже Дмитрий Сколин пробормотал. Мы прикатили сюда всем мужским составом деревни Васино.

– Может еще машины поискать, чтобы разом все?

В итоге, Сколин ушел искать пустующий бесхозный грузовик, а мы приступили к погрузке. Я с погрузчиком разобралась быстро, после того как выдохлась, используя бытовую магию, но свой трехтонник забила основательно. Склад мы опорожняли три дня, и это помимо хозяйственных работ. Теперь по окрестным полям и лесам бродили сотни коров, свиней и тысячи птиц.

Глядя на это, Михалыч со слезами на глазах бормотал:

– Может, подберет кто?

Я же подумала о тысячах домашних животных, оставшихся без хозяев. Они сбивались в голодные стаи, и уже через неделю мы стали свидетелями, как одна из этих стай загрызла корову. В тот момент Михалыч ехал со мной в «кешаре», чтобы проверить моих домашних питомцев и дать советы по их уходу.

– Знаешь, Кир, думаю, нам всем не помешает оружие поискать в городе.

Я помялась и призналась, частично:

– После Савы немного осталось, и я с ним езжу, но думаю, нам надо наведаться на военную базу возле Дерюгина на пути в Гавр...

– Хм-м-м, думаю, ты права, чем шерстить город, лучше уж сразу и побольше, а то мало ли что там дальше будет...

– Что-то интересное узнали?

– Да-а-а, Семен тут на днях мотался в город, на грузовике отвозил излишки мяса в город. Ну, выжившим раздавал... Почти сотню насчитал: маги и полиморфы, с десятков хавшиков было. И это от пятисот тысяч... Хм-м, он там даже с бабенкой одной познакомился, она с двумя дочками осталась, так он ее нашим мужикам прочит в жены, говорит, ладная такая, а тяжело ей одной-то с малолетками... Обещала подумать, он через день снова мясо повезет с молоком, и если она согласится – заберет ее. Тоже магичка, но со слабым уровнем, зато по земле, а это лучше всего ей теперича в жизни пригодится...

– Михалыч, так что плохого-то было?

– Да-а-а, Семен обратно ехал, и ему под колеса паренек бросился, едва затормозил. А тот в машину прыг, и хрипит: «Быстрее-быстрее, а то прибудут.» Ну, Семен и газанул, а за поворот заезжать, он в боковое трех извергов-бандюков заметил. С оружием...

– Михалыч, а может парень этот и есть бандит, а те были приличные люди?

– Ага-ага, и сам себя до котлетного состояния избил и зубы выбил... о косяк, наверное...

– Ну-у, а может...

– Все может, Кир, но чутью Семена я верю. Он неприятности нутром чувствует, так вот парнишка тот сказал, что банда образовалась из полиморфов да магов-отщепенцев. Там, говорит, в основном кошаки, которые в тюрьме выжили, собрались, а маги у них на подхвате... пока пятнадцать всего, но грязь, она всегда свою лужу найдет...

– Так, и что теперь сидеть безвылазно...

– Нет! Но Кира, ты женщина, с тобой разговор другой будет, так что надо быть осторожней... И за оружием надо бы сгонять по-быстрому, нам не помешает... всем. Теперь, Кирочка, за каждую мелочевку, помогающую выжить, убивать будут...

– Ты, правда, думаешь, что добро умерло... вместе со всеми?

– Нет, девонька, просто старый я уже и много пожил на этом свете. Знаю я как бывает, когда присмотра нет над народом, когда тюрьма не светит, и твори что хошь. А у тебя дочь растет, тебе и о ней думать надо... Полиморфы – звери, Кира, что хочешь мне говори, но их звериная натура верх всегда брала, берет и будет брать. Их общество облагораживало, а сейчас дикие времена настали, и выживают сильнейшие, как могут или

умеют. Эх, жаль ты не при мужике, а одиночкой все ходишь... пусть земля ему будет пухом, Сава твой хоть и умный, но слабый был... Найти бы тебе...

– Михалыч, я в деда пошла, слишком многое от него взяла и звериное тоже... Бабуля сказала, как своего встречу, сразу пойму, и уже неважно будет – сильный он или слабый, станет единственным.

– Так ты ж второго лица не имеешь...

– Нет! Но кровь деда-полиморфа, да еще и волка, слишком сильна, а может бабушка моя так сильно любила его, но моя мама обращалась. А отца до безумия любила, и он ее тоже. Ведь не зря же маги западают на женщин-полиморфов, правда, жениться не спешат и семью заводить, но мой отец сильно любил маму и ради нее на все был готов.

– Так ты, стало быть, истинную любовь все ждешь?

– Ну, не знаю, насколько она истинная, но любовь, как говорила моя бабка, – святое.

– Тогда понятно, почему твой Сава так бесился, что до мордобоя дело дошло...

– Все это в прошлом, Михалыч, сейчас о другом думать надо. Когда на базу рванем?

– А что рассусоливать? Завтра с мужиками и рванем.

– А я?

– А ты одна поработаешь или вон ребятню припряги, пусть учатся хлеб добывать... А еще лошадку себе возьми смирную, а то ты все силы на накопитель для своего «кешара» тратишь, а так по полям на лошадке проскакала, и все хорошо...

– А если стая голодная, и как ту корову?

– А ружье тебе на что? Или ты тоже рогами отбиваться думаешь?

– Да пока не нарастила, поди?

Во дворе нас уже Лиза ждала с Федором, подбежала и бросилась на шею. На час-другой я еще решалась ее оставлять. У меня действительно не дом, а крепость, поэтому чужой сюда никак не попадет, но все равно переживаю за нее.

Довольно осмотрела свое хозяйство, так же и соседний двор с бывшим домом Савы, а теперь моим. Большая часть подсобных помещений забита необходимым: мукой, сахаром, крупами, пряностями промышленными товарами от иголок до лампочек. Производить их больше некому, и теперь это вещи сверхнеобходимые и важные.

– А все же молодцы вы, что о солнечных батареях подумали, а то мне в темноте по вечерам сидеть не больно весело...

– Это опять же Сава подумал, так что у нас свет горит, правда экономно, но все же... На отопление хватать будет зимой, а готовить я на печке буду, я проверила, все получается. И даже иногда стиральную машинку включать, ну чтобы не постоянно руками... Надеюсь, этих батарей надолго хватит... Может вам всем в городе поискать, да установить и себе?

– Надо подумать...

На следующий день мы с подростками целый день ковырялись на ферме, развозя комбикорм, воду, переделывая кучу неотложных дел. Уже к вечеру вернулись мужчины, все мрачные, непривычно злые и напуганные.

– Что случилось?

Семен и Дмитрий открыли двери трехтонника, демонстрируя мне кучу коробок с обычными пулями, магпистолеты с энергонакопителями, ружья и даже старые двустволки для охоты на крупного зверя. Михалыч присел на табурет рядом, почесывая шелушащуюся сероватую кожу.

Я не выдержала и громко повторила вопрос.

– Так что случилось, мне скажет кто-нибудь?

– Пока грузились, приехали бандюки, они нас поначалу не видели. Ходили там как хозяева, шумели... – Михалыч устало махнул рукой, – мы по-тихому еще набрали оружия... вон, Семен даже РПГшки нашел. А потом нас засекли... еле ноги унесли, Кир. Честное слово, думал либо поймают, либо подорвемся, мы там в одном месте по лесу чесали, по ухабам так прыгали, что... Короче, в город пока ни ногой. Недельку отсидимся, а там может все устаканится...

Семен вытащил продолговатый предмет и поднес мне со словами:

– Рация! Это на крайний случай. Мало нас совсем, да и живем далеко друг от друга... Попусту не болтай, а то мало ли кто услышит... чужой и недобрый. Так что, если уж совсем будем погибать, тогда и зовем на помощь.

Я поняла ход его мыслей: у него и каждого из них семьи, дети. Вступаться за кого-то им без надобности, да и опасно, тем более, за чужих женщин, им бы своих родных уберечь во время беззакония. Магии в них нет, практически, силы полиморфов тоже, даже мозговитостью хавшиков не обладают. Простые работающие мужики, которым детей своих поднимать и защитить нужно. Спасибо хоть за то, что и так многим мне помогают и пообещали в крайнем случае не бросить.

Михалыч прервал цепочку моих невеселых размышлений:

– Это хорошо, что наши дома за холмом, а перед ним все погоревшее да пустое, глядишь, чужаки дальше пожараищ-то не попрут. Если точно не

знать, что здесь есть еще дома, и агрокомплекс функционирует, то и ехать сюда без надобности.

Вот с этим утверждением, мы все согласились и на него же понадеялись.

– Кира, ты коника выбрала?

Я кивнула вместо ответа.

– Меньше следов от колес – меньше вопросов. В город выезжаете осторожно, чтобы хвоста не было. Дальше по плану...

Обсудили состояние полей, окучивание картошки, содержание животных и еще кучу дел, а потом разошлись. Мы с Лизой и Федом домой добрались уже затемно.

* * *

1 июля

Пожары давно прекратились, улицы и дома умылись несколькими проливными дождями, но все равно, на многих витринах, окнах или уже никому не нужных рекламных баннерах видны грязно-серые разводы от пепла.

Пустынные улицы с брошенными как попало автомобилями, все еще витающий неприятный запах, кричащий о царящей здесь смерти и нервные люди, которым не повезло выжить, мелькающие одинокими фигурами. Никто не стремится к общению и неожиданным встречам. Все предпочитают безопасное одиночество...

Мы бродили по центральному универсальному магазину города. К «кешару» я прицепила прицеп и сейчас методично нагружала его необходимым. Набрала еще кучу вещей, белья, мыло и шампуня, все, что попадалось под руку мы с Лизой и Федом тащили к себе домой. В жизни все пригодится. А места в двух моих домах хватит. Зимнюю одежду, обувь, посуду и даже кое-что из мебели. Хотя за ней мы делали отдельные вылазки, очень редко, и если выезжали, то домой возвращались забитые до отказа.

Пока нам везло не нарываться на неприятности. Но плохие предчувствия ворочались недовольным зверем в душе.

Сегодня меня уговорила Лиза поехать, она хотела найти качели, чтобы повесить перед домом, и книги. Я тоже, к своему стыду, не подумала, что ребенку учиться надо, а я даже не позаботилась об этом. Мама называется!

В итоге мы набрали книг, учебников, канцелярских и кучу сопутствующих товаров.

Я уже хотела уходить, когда заметила ювелирный магазин. Деньги обращаться еще долго не будут (если вообще будут), а вот золото и камешки – обязательно, пройдет совсем немного лет. Поэтому за полчаса выгребла все из магазина и с внушительным пакетом в руках направилась на выход.

Лиза крутилась неподалеку, пока я засовывала драгоценный пакет в машину, но, внезапно вскрикнув, замолчала. Фед зарычал, но он оказался закрытым в машине, а я кинулась искать свою девочку. Метрах в десяти от машины увидела здорового мужика, который, держа Лизку за волосы правой рукой, тащил ее по земле словно куклу, не обращая внимания на попытки девочки освободиться и жалобный плач. А в левой – держал здоровущий тесак.

Я заорала, Лиза закричала: «Мама!» Мужик обернулся всего на мгновение, но его бессмысленный тупой взгляд, рваная, грязная одежда и заросшее лицо сказали обо всем. Тут невозможно договориться или лезть в драку. Его мозг поврежден болезнью, а намерения, судя по тесаку в засохшей крови, самые очевидные.

Трясущимися руками достала ружье из багажника, под отчаянный лай Федора в салоне, требующего выпустить, а потом, ближе подбежав к мужику, который все быстрее удалялся от меня, волоча девочку за волосы по земле. Прицелилась ему в спину и выстрелила. Один раз... другой...

Словно в замедленной съемке я смотрела, как он дернулся, выгнувшись, а упал лицом на асфальт. При этом взмахнув руками, но так и не выпустив волосы ребенка. Мгновение длиною в жизнь, и они лежат на земле, а я продолжаю стоять и тупо пялиться на кровавое пятно, расплывающееся на его спине. Затем вернулись звуки, затем ощущения – заныло плечо от отдачи, и я, быстро перебирая трясущимися ногами, рванула к своему ребенку. Царапая ногтями, разжала судорожно сжатые на волосах Лизы пальцы и, прижав ее к себе, побежала в машину. Буквально через несколько мгновений сорвалась с места, чуть не перевернув прицеп, и понеслась вон из города.

Уже выехав из города, я резко остановилась, выскочила на обочине и, согнувшись пополам, рассталась с обедом. Плохо, даже не физически, а морально плохо. Я убила, пусть и спасая своего ребенка. Добравшись до дома и закрывшись на своей территории, я сутки не могла встать. Меня тут же рвало. Ожидаемо пришел Михалыч, который заволновался, почему я не вышла на работу и, выслушав сбивчивый испуганный рассказ Лизы обо всем, затопил нам баньку, откупорил сливовой настойки и приказал идти

париться.

В итоге, всю боль и отвращение от содеянного я пару часов буквально выпаривала из своего тела и души, но боюсь, вряд ли когда-либо смогу это забыть. В очередной раз поблагодарила Михалыча за его житейскую мудрость и доброе сердце. Он поговорил с Лизой, успокоив ее, объяснив все правильно, а потом мы пили настойку и говорили о жизни. Когда он ушел, я, наконец, смогла уснуть спокойно.

После этого страшного события, баню мы посещали регулярно. Для меня это стало символом очищения души, а не только тела.

31 июля

Изрядно устав и вспотев, продолжала, используя свою магию земли, косить траву, сохраняя максимальное количество полезных веществ. Весь наш небольшой трудовой коллектив сегодня занят на сенокосе, и каждый как умеет. Я – магией, Семен с Дмитрием и Михалычем – на косилках, а женщины и дети – сельхозинвентарем.

Заготовки за зиму для такого количества скота – тяжелое и трудоемкое занятие, но деваться некуда. Я заметила, как Зинаида потеряла поясницу, взглядом найдя своих дочерей девяти и одиннадцати лет, потом, взглянув на меня, отвернулась и снова начала работать.

Эту женщину привез Семен в Васино, познакомившись с ней в Тюбрино, куда возил свежее мясо для выживших. Хотя в последнее время прекратил с этими добрыми делами, когда его поймала банда кошаков под предводительством волка и попыталась заставить работать на них. Как рассказал Семен, они там своеобразный каганат образуют и рабов набирают... Семен с трудом сбежал, но пока нам везло, потому что эти кошки на противоположной стороне города обитают, на территории одной из туристических баз, и дорогу в Гавр перекрыли.

С момента появления Зины в нашем небольшом кругу, она меня сразу невзлюбила, судя по ее презрительной физиономии, либо ревновала к свободным мужчинам, либо просто от природы обладает сварливым нравом. Семен думал, что эта женщина Димону приглянется, и за его пацанами пригляд будет, но его друг оказался более разборчивым, а может никак не мог принять того факта, что его жена погибла и больше не вернется. Вот и ходила Зина, по выражению кое-кого, нетоптаной курочкой, зорко следя за петухами...

– Тетя Кира, тетя Кира, там ваша Лиза обернулась... такая хорошенькая лисичка!

Младший сын Димона, запыхавшись, добежал до меня, крича во все горло, а буквально через секунду прибежала золотистая маленькая лисичка, за которой здоровой откормленной уже тушей неся Фед. Лисичка в трусах и майке попрыгала вокруг меня егозой, и от этого гротескного вида меня разобрал смех. Второе «лицо» любого полиморфа имело странный вид. Если быть совсем уж честной с самой собой, то пока Лиза маленькая выглядит это смешно, а с возрастом будет угрожающе и страшновато.

Полиморфы во время оборота покрывались шерстью, меняли частично форму тела и оно, приобретало характерные черты их личного животного, но при этом они все же оставались более человекоподобными, хотя их головы полностью менялись внешне. И лишь в крайних случаях или в момент смерти, полиморфы принимали полный внешний вид своего животного. Потому что полный оборот забирал все силы и после этого они пару суток валялись пластом не в силах двигаться или защищаться. Присев, обняла маленькую двуногую лисичку, которая тут же приняла привычный облик моей Лизы.

Ее первого оборота я ждала со страхом и тревогой, опасаясь, что пойдет не так, и я ее потеряю, но все прошло само собой. Сейчас ее зеленые как лесные озера глазки смотрели на меня, а на зрачке появилась черная кайма, которая появлялась у полиморфов после созревания второго лица – как этот процесс сами оборотни называли.

– Ромка, отойди от этого звереныша, вдруг покусает или заразит чем... – рядом возникла Зина с делано испуганным и искренне злобным голосом приказала мальчику.

– Теть Зина, это же Лиза, она не настоящий зверь, она же полиморф... – у Ромы удивленно округлились глаза.

– Эти звери вон Семена чуть не убили, а ты с их ублюдком играешь? Не стыдно тебе?

– Может, ты закроешь свою пасть немытую, а то...

Я прижала дочь к себе в неосознанном желании защитить от всего, мое угрожающее шипение прервала эта гадюка, которая, уперев кулаки в крутые бока, со злой насмешкой уставилась на меня:

– А то что? Думаешь, тебя твой сильный дар спасет или...

– Или я возьму сейчас розги, да как всыплю тебе, баба дурная...

За ее спиной появился Михалыч с весьма недовольным выражением лица. Позади него мялись Семен с Димоном, но они вмешиваться в женские дразги явно не стремились. Рома в недоумении переводил взгляд с одного взрослого на другого, а потом спросил:

– Пап, дядь Семен, так мне что, правда, нельзя с Лизой играть, раз она оборотень и ук... ублюдок оборотня?

Семен нахмурился, но промолчал, а Димон ответил коротко, но веско:

– Ты чужих глупостей не повторяй, сынок. А с кем играть и дружить, сердцем чують должен, а то мало ли кто что насоветует от злобы своей, да от зависти.

– Ой, поглядите-ка на них, эта красавица мне угрожает, и ей ничего, а я за парнишку беспокоюсь, и мне за это розгами и глупости...

– Лучше помолчи, Зин, а то... – начал было стыдить Михалыч, строго глядя на женщину.

– Да пошли вы все... – хлопнув себя по бедрам, заверещала та, развернувшись и устремившись к поселку, продолжая, – я для вас, а вы... Да я и не сказала ничего плохого-то...

Старый хавшик, проводив Зину взглядом влажных усталых карих глаз, с печалью в голосе закончил этот неприятный инцидент:

– Вот ничему людей жизнь не учит. Все эти дразги, злоба и зависть целый мир погубили, все разрушили, а они все заново. Вот нет чтобы жить вместе, дружно и мирно, она свару затеяла и грязь в наш дом занесла... Зря ты, Семен, ее сюда притащил.

– Так я девчонок ее пожалел, да и она вначале вся скромная да милая была, а сейчас вон...

Димон передернул плечами и бросил напоследок:

– Вожжей ей не хватает по одному месту. Да мне не охота на это свое время и жизнь тратить, пусть другого дурака ищет, который такую обузу на себя возьмет.

– Трудно ей сейчас, – решила я сгладить конфликт, почему-то чувствуя себя виноватой, – мы хотя бы все свои, а она в городе жила, к такой жизни не привыкла.

Работать мы закончили ближе к ночи, еще неделю таких ударных трудов, и я свою живность кормом обеспечу на зиму. Поработав два месяца на полях и ферме, помимо своего хозяйства, поняла, насколько сильно я не ценила свою прежнюю комфортную и беззаботную жизнь, воспринимая все блага цивилизации как само собой разумеющееся.

Случившееся на поле оставило неприятный отпечаток в душе. Я уже не могу о ней забыть и неосознанно старалась урезать свое общение с остальными. Хотя тяжелый физический труд забирал все силы, и на что-то большее, чем приветствия и короткие прощания нас всех не хватало.

Одиночество терзало по ночам и страх за свою дальнейшую жизнь, и будущее Лизы. Как будут складываться наши отношения с селянами, если

здесь только люди, а оборотни с другой стороны в виде врагов и бандитов?! Все это страшит.

10 августа

Как же приятно проводить время на веранде с кружкой горячего какао и, прихлебывая мелкими глоточками, любоваться пейзажем! Я уже научилась ценить даже такие маленькие удовольствия. Зябко поежилась, все же в наших широтах август – уже не лето, а подготовка к осени. Недели через две ночи станут прохладными, а с начала сентября мы начнем убирать урожай, и это будет очень хлопотная пора, ответственная и тяжелая. И все надеются на хорошую погоду.

В свободных от техники и животных хозяйственных постройках я организовала складские помещения и хранилища. Сейчас они готовы принять все, что нам удастся собрать за короткую осень. Уже несколько полок в моем погребе заняты банками с вареньем и солеными грибами, а сколько еще будет... Не зря же мы вчетвером с мужиками облазили весь город, собирая и свозя домой всю найденную соль, сахар и стеклянную тару.

Теперь все это на вес золота, особенно соль. Если сахар, как заявил Михалыч, мы добудем, то за солью придется ездить за тридевять земель и в такое-то беспокойное время.

– Мам, все равно дождик идет, давай съездим в город.

– Зачем, солнышко мое?

– У Ромки есть велосипед, а у меня нету. А он хвастался, что зимой на лыжах кататься будет, а у меня и их нету. Я бедный ребенок, да?

Наслушавшись Марту – жену Семена, которая от всего сердца жалела осиротевшую девочку, Лиза теперь все время повторяла это выражение, совершенно не понимая его реального значения, потому что разговоров о погибших при детях мы не затевали. Даже Зинка немного успокоилась, хотя возможно, ей просто времени злобствовать не хватало.

Я помялась, внутри знакомо сжалось и заныло от дурного предчувствия, но глянув в эти зеленые, сейчас почти круглые молящие глаза, не выдержала и согласилась:

– Хорошо, хитрюга, но учти в этом году в последний раз туда едем. – Тяжело вздохнув, уже скорее для себя добавила, – опасно это стало...

Теперь воинственные кошки, вооружившись, мотались от безделья по городу и окрестностям в поисках приключений и женщин. Как оказалось, в Тюбрино выжили большей частью мужчины или мальчики-подростки, а

женщины оказались более слабыми, чтобы справиться с болезнью. С другой стороны, у женщин практически не было осложнений, и по городу шастали безумные мужчины.

Опять же, на это умозаключение васинские мужики отреагировали привычно, чисто по-мужски заметив как-то при случае:

– Естественно, у женщин же мозгов либо совсем нет, либо так мало, что перегорать нечему...

В этот раз, собираясь в город, я неожиданно для себя надела спортивный костюм. Раньше по привычке я одевалась в более приличную одежду, не смотря на обстоятельства, а сейчас меня словно предчувствие толкнуло.

В город въехала осторожно, внимательно глядя по сторонам, чтобы в случае чего, быстро покинуть опасное место. Мы без проблем добрались до нужного нам магазина и, закинув в прицеп пару велосипедов на разный возраст и две пары лыж, решили не испытывать судьбу и поехали обратно в Васино.

За пару кварталов до выезда, на одном из перекрестков, дорогу перекрыла пара покрывшек, мешая проехать. В объезд опасно, да и долго это – еще две улицы пересекать дополнительно, поэтому я, остановившись и приказав Лизе и Феду молча сидеть в машине, пошла освобождать проезд.

Покрывшки я откатила, но возвращаясь к дверям своего автомобиля, услышала за спиной визг колес, а за тем топот ног и насмешливые голоса:

– Ба-а-а, какая девочка одна тут бродит...

– Хм, и пахнет вкусно, и выглядит аппетитно...

– Я первый ее увидел...

– Ну, увидел и молодец, но делиться надо с друзьями всегда, а то они перестают быть друзьями...

– Я подумаю, когда попробую ее на вкус и на ощупь...

Я в ужасе отступала к машине во все глаза глядя на трех мужчин. Все трое одеты в спортивные костюмы, не обращая внимания на мелкий морозящий дождь, легкой плавной, немного вихляющей походкой быстро приближались ко мне, окружая со всех сторон и плотоядно осматривая и обсуждая меня.

Хотелось закричать и броситься наутек, но в машине Лиза...

Все трое подошли слишком близко, позволив разглядеть их лица в подробностях и убедиться в своих подозрениях, что судьба сегодня преподнесла мне встречу с оборотнями из семейства кошачьих. Коты весьма грациозные, худощавые, но чересчур наглые и высокомерные. С

ними и раньше хлопот было много, но обладая чуть более пугливым и осторожным характером, чем остальные оборотни, они старались не связываться с правоохранительными органами, зато сейчас их плутовскому и блудливому нраву никто не может помешать.

Я даже заскулила от осознания, в какую переделку попала, а уж то обстоятельство, что в машине маленькая лисичка-полиморф, сделало ситуацию еще более опасной, у меня, наверное, волосы на голове зашевелились от ужаса. Они не должны ее заметить.

Двое блондинов стояли по бокам от медноволосого со смешно торчащими в разные стороны прядками. Их можно было бы назвать вполне симпатичными парнями, если бы не ситуация, в которой я находилась. Я смотрела на них как под гипнозом, отчетливо видя в их глазах азарт и жажду охоты – мне «повезло» наткнуться на охотников. И к моему великому сожалению, полиции больше нет, и обращаться за помощью некуда. Психологической экстренной службы тоже нет, и снимать охотничий инстинкт тоже некому. О, Триединый, как же я влипла-то...

Рыжий, прищурив желтые глаза с темной каймой вокруг радужки, с мерзкой улыбочкой спросил, потеряв себе живот, обтянутый белой футболкой, на которой черными буквами написано: «Не гладь против шерсти, а то покусая».

– Птичка, а ты откуда к нам залетела?

– Рис, она пока не залетела, но очень близка к этому...

Громкий гогот всех троих заставил начать действовать. Я обратилась к своей магии земли и, приготовившись к прыжку, активировала заклинание. Кучи песка и мелких камушков устремились в сторону нападающих. Я же в этот момент рванула к капоту, чтобы обогнуть его и добраться до салона своего автомобиля.

До капота я добралась, но приложившись об него лицом и всем телом. Меня просто кто-то сильно толкнул в спину, гадать кто именно не стала, а резко развернулась, готовая бороться до последнего.

Все трое отплевывались от песка и, скрипя зубами, сверлили меня злыми звериными глазами.

– Ты что, магичка, решила, что тебе сила поможет? Ошибаешься, тварь. Я тебе сейчас покажу...

Рыжий, отмахнувшись от очередного камня, рассекшего ему скулу до крови, и, шипя от боли и ярости, подскочил ко мне. Схватив за грудки, приподнял, заставив повиснуть и чуть не задохнуться, потому что воротник чересчур сильно врезался в горло.

Царапалась как кошка, стараясь добраться до его лица, пинаясь

ногами, явно попадая в цель, судя по тому, как он все сильнее шипел и вздрагивал, а потом бросил меня на мокрый капот машины и пнул в живот. Я задохнулась от боли, в следующий момент его кулак рассек кожу на моей скуле, и яркие звездочки вспыхнули перед глазами.

В первый момент после удара я потеряла ориентацию и этим, воспользовались. Мгновение, и я лежу животом на капоте, распластавшись и чувствуя под щекой теплый, влажный от моросящего дождя металл.

Одной рукой рыжий насильник прижимал меня за спину, а другой – шарил по моему телу. Это было так ужасно и неотвратно, что мысли судорожно металась в поисках спасения, но пока выхода не было. Я магией затянула шнурок на своих штанах, чтобы развязать было сложно, в крайнем случае, только разрезать. Позади я слышала недовольное сопение Рыжего, возящегося со мной и моими штанами, и веселые насмешки двух его товарищей, однако, не спешащими на выручку своему другу. Им спешить некуда, и для них я лишь развлечение, неожиданное и от этого еще более интересное. Да и куда им спешить? Кто мне придет на помощь?

Самое страшный момент произошел, когда я, все еще сопротивляясь, упираясь ладонями в скользкий металл капота, заметила круглые, наполненные ужасом и слезами глаза Лизы. Она выглядывала из-за кресла и смотрела прямо мне в глаза. На миг от увиденного замерла, качнув головой и мысленно умоляя ее отвернуться, а главное, не подавать признаков жизни. Но в этот момент один из насильников озвучил свою мысль:

– Горячая девочка, уверен, ей понравится. Потом сама просить будет... не так ли, куколка? Будешь хорошо себя вести на базе, мы тебя только на троих делить будем...

Мысль заставила ужаснуться еще сильнее даже не за себя, ведь после того, как они попользуют меня здесь, потащат на свою базу, а значит, могут увидеть мою дочь, и что с ней станет...

Страх, паника и отчаянье отступили, включился материнский инстинкт. Я сильная магичка и обязана справиться. Звук рвущейся ткани моих штанов заставил решиться на отчаянную попытку вырваться. Сбрав все силы, вытолкнула из себя энергетическую волну. Всех троих мужчин отбросило метра на три от меня. Развернулась, еще не веря, что получилось. Звякнул металл об асфальт, и я с ликованием кинулась к выпавшему из куртки Рыжего пистолету с энергопулями. Страшное оружие, которое создали маги. После попадания в тело пуля разрывается, выбрасывая чистую энергию, и поражает все окружающие ткани, восстановление после этого идет крайне медленно и с большим трудом.

С удивлением я заметила, что одного из блондинов грызет Фед, причем за ягодицы, а тот орет матом. Пока Рыжий с товарищем очухивались, сильно приложившись об асфальт, поверженный Федом с треском разорвал одежду, обращаясь в крупного дикого кота, от чего Фед на секунду замер, за что и поплатился. Его отбросили в мою сторону, располосовав морду.

– Фед, в машину, быстро! – прокричала приказ, краем глаза замечая шевеление возле открытых дверей, там Лиза стояла, наблюдая и трясаясь от страха. – Охранять Лизу!

Мужики рванули ко мне, воспользовавшись тем, что я отвлеклась.

– Сука, ты за это заплатишься!

Не раздумывая далее, я прицельно палила по конечностям полиморфов. Задела в прыжке кота, от чего его отбросило в сторону и он, не то мяукая, не то завывая от боли, покатился кубарем, причем одна его лапа неестественно торчала в сторону. Рыжему попала в колено, он завизжал как поросенок, а третий – самым умным оказался – отпрыгнул в сторону и спрятался за свою машину. В меня полетели ответные пули, теперь уже я, приседая, рванула к двери своего автомобиля. Лизка лежала на полу между сиденьями, Фед рычал, прикрывая ее, скалясь в окно. Я же, захлопнув дверь и запрыгнув на водительское сиденье, ударила по газам. Чуть не переехала раненного кота, едва успевшего отпрыгнуть в сторону.

Крикнула: «Лежать!», и одновременно с этим заднее стекло и левую заднюю дверь прошили пули. Частички стекла попали на Феда и Лизу. Девочка закричала от страха, Фед залаял, а я судорожно жала на газ, петляя по улицам, объезжая преграды из машин и прочего мусора.

Погони по счастью не последовало. Свернула на свою грунтовку и резко остановилась. Выскочила из машины и понеслась обратно к одиноко торчащему указателю «Васино». Магией снесла его и с мрачным удовлетворением проследила за тем, как он рухнул в кювет. С дороги его теперь не видно, а узкую грунтовку только после поворота за лесом превращающуюся в нормальную дорогу не заметно с трассы.

– А теперь ищите, уроды, сколько вам влезет!

Плюнула и, еще раз бросив взгляд по сторонам, поспешила к своей машине. Чувствуя при этом, как ощутимо задувает в разорванные штаны. И хоть ветер был теплым и летним, почему-то казалось, что по голым ягодицам меня касается ледяная рука. Хм-м. Даже шнурок не помог, тот гад-кошак одним движением порвал мои штаны, оборотень недоделанный...

Уже подбегая к машине, заметила небольшую стаю собак,

копошащуюся в кустах и явно кого-то доедающую. Падалыщики!

По дороге домой внимательно рассматривала окружающий пейзаж. С одной стороны к дороге спускался глинистый пригорок, на ровной вершине которого стоит небольшая церквушка, над которой сейчас нависли тяжелые свинцовые тучи. С другой стороны дороги мрачная картина запустения: сожженный поселок с обгоревшими остовами домов с торчащими трубами каминов или просто печей. Я уже не раз замечала небольшие стайки одичавших голодных собак и сейчас в состоянии стресса все отмечала и принимала к сведению.

То что произошло сегодня, заставило встряхнуться и принять, наконец, тот факт, что выживает в нынешнее время лишь сильнейший. Я слабая – признаю честно, вон как у меня все поджилки трясутся, тошнота подступает к горлу и кожа горит от омерзения. Но я должна стать сильной, хотя бы ради дочери. Теперь только от меня зависит ее будущее. Поэтому я обязана позаботиться о нас двоих.

Обогнули поселок и, выскочив на дорогу к кооперативу, в который раз мысленно порадовалась, что Васино построено таким образом, что чужак, забредший сюда с трассы, заметив сгоревший поселок, вряд ли пойдет дальше. Скорее всего решит, что дальше лишь лесная полоса. К агрокомплексу вела своя дорога, и она начиналась чуть раньше, поэтому ехать ко мне тоже смысла нет, только если кто точно знал, куда следовать, и имеет для этого причину. Пока я успокаивала себя только этим.

По дороге на своем мерине в нашу сторону ехал Михалыч. Махнув ему рукой, свернула к дому, активировала открытие ворот и проехала внутрь. Пока моей магии с трудом, но хватает на зарядку аккумулятора машины для коротких поездок в город и для различных мелких энергетических элементов. Но мне приходится отдавать почти всю свою энергию, вот и сегодня ее остатков мне хватило лишь на короткий отпор насильникам. Слава Триединому, мне помог Федор, а Лиза догадалась выпустить его из машины, но везти постоянно не может.

Михалыч, осмотрев меня своими вечно слезящимися глубоко посаженными глазами, нахмурил брови, над которыми повисли несколько белесых суховатых чешуек и спросил:

– Кира, что на этот раз произошло?

Передернулась от воспоминаний, словно сбрасывая невидимый груз, коротко взглянула на Лизу и попросила:

– Доча, иди покорми Феда и поставь чайник с водичкой на печку. Сейчас чай пить будем все вместе.

Лицо девочки, все еще печальное и расстроенное от пережитого,

просветлело при взгляде на хавшика. Она его считает своим любимым дедом, а старый хавшик счастлив этому факту и любит ее не меньше. Этому удивлялись все, потому что с другими детьми он был дружелюбен, но не более. А с Лизой проводит свободное время и многому учит. Она подошла, быстро прижалась к нему и, получив короткий «чмок» в щеку, побежала в дом.

– А теперь рассказывай!

Снова тяжело вздохнула, а потом рассказала все в подробностях.

– Да-а-а, похоже, это те самые, которые поймали Семена...

– Они сказали, что отвезут меня на базу, значит так и есть.

– Навозную кучу мне в тарелку, значит нам всем не повезло наткнуться на оборотней...

– Михалыч, Семен еще ладно, он мужчина, а мне не повезло наткнуться на трех охотников... Да еще покалечить их.

– Хм-м-м, думаешь, будут искать?

– Уверена! Ты же знаешь, Михалыч, их охоту может перебить только что-то более сильное и притягательное. А я пока представить не могу, что может быть более притягательным, чем поиск и месть слабой женщине за то, что она им отпор дала и из их же оружия ранила. Не-е-е, если бы один был, то еще может быть, а теперь они землю рыть будут, но не забудут...

– Здесь ты в безопасности...

– Я не могу сидеть дома безвылазно...

– А никто и не требует этого, но здесь вас никто не найдет. Увидят сгоревшие дома и...

– Уф-ф-ф, а я еще неделю назад хотела попробовать очистить тот участок. Хотела помагичить и в землю все зарыть...

– Значит, тебя Триединый уберег, а сейчас это тебе же защитой будет, да и нам тоже...

– У вас же своя дорога?

– Мы ее сегодня с мужиками возле трассы завалили сухостоем и валежником. Очень постарались, чтобы все пути в нашу сторону замаскировать и следы замести, чтобы было похоже, на непроходимый лес... даже асфальт вскрыли и несколько десятков метров убрали. Зина своей магией помогла.

– Зина?

– Они с Серегой Серым съехались, Кир, теперь она добрая и приветливая и... удовлетворенная. И не забудь, у нее две девки растут, и неприятности с бандюками не нужны. Ты прости ее, у нее мужа пару лет назад в драке полиморф загрыз... лис. Вот она на Лизоньку и взъелась как

увидела. Не со зла она...

– Да ладно, забыли уже...

– Может и так, но ты последнее время совсем отделилась от нас. С работы сразу домой...

– Михалыч, да у меня дома работы непочатый край, зимой болтать будем...

– Кирюш, теперь ты первая преграда, если кто сюда сунется...

– Это я уже поняла, Михалыч, но у меня высокий забор и крепкий дом, не зря же Сава постарался.

– Это да, Кирюш, но если что... Рация должна быть при тебе все время. Мы все придем на помощь...

– Ты уверен, Михалыч, что кто-то захочет вступаться и рисковать своими жизнями за двух оборотней?

– Кир не выводи меня... вы свои, а ты лишь четвертинка на половинку...

– Да, Михалыч, представь, как мне не повезло в жизни. Свои оборотнем считают и нос воротят, а оборотни на троих хотели разделить и подстилкой сделать, ведь только на это магичка и годится. Женщину-полиморфа они бы делить не стали... Даже если лишь охотничий инстинкт включился.

– Ошибаешься, девочка! Полиморф-охотник с любой так поступит, и лишь почувствовав себя защитником, умрет, но никому не отдаст. Если первую зависимость раньше снимали, пользуясь различными психологическими методиками, то вторая – на всю жизнь и не излечима. Думаешь, почему они такие отстраненные и нелюдимые...

– Михалыч, а ты откуда...

– Оттуда! Мне двести семьдесят лет, девочка, я слишком много знаю и видел...

– Сколько?

– Да! Да! Так что учись, пока жив...

– Знаешь Михалыч, я когда увидела тебя живым пару месяцев назад, чуть не расплакалась от счастья и облегчения. Просто в тот момент я поняла, что хоть что-то осталось привычным и надежным.

– Я рад, Кирюш! Вы с Лизаветой мне как родные... А сейчас может угостишь вкусненьким, – он кинул головой в сторону двери, – а то чья-то хитренькая мордочка уже минут пять высовывается из дверей, подслушивая...

Он обнял меня за плечи, и мы пошли в дом. Старый хавшик даже проявил тактичность и не стал пропускать меня вперед, а прошел в дом

первым, чтобы не смотреть на мою голую попу в разорванных штанах.

Я же, почувствовав ветерок в причинном месте, уже в тысячный раз за последний час возблагодарила бога за то, что уберег от окончательного насилия. Можно сказать, отделалась легким испугом и наглядным уроком на будущее, отделалась рванными штанами, зато приобрела еще один пистолет, для которого у меня имеются пули. Теперь у меня таких опасных штук целых две и расставаться с ними я больше ни на миг не буду.

А в голове все вертелась мысль: Лиза же все видела, как на ней та кошмарная ситуация отразится? Надо посоветоваться со старым хавшиком, может он подскажет?! Вот же парочка из нас подобралась: приемная мать, которая толком не знает, как ребенка воспитывать и назначенный самой «внучкой» дед, у которого тоже ни детей, ни внуков... Думаю, главное, что мы ее любим, а сердце подскажет.

После ухода Михалыча, отправилась в свою баню. Сава пристроил это каменное строение с деревянной отделкой прямо к дому, в нее ведет широкий теплый коридор. А сбоку от нее был пристроен сарай, в котором Михалыч посоветовал устроить на постой мелкую скотину. Тепло от бани согреет в холодные зимние ночи животных, да и мне туда ходить будет удобно и близко.

Я в очередной раз сидела в бане, смывая с себя ощущения чужих рук на теле. Выпаривала звук пуль, впивающихся в чужую живую плоть. И хоть я никого не убила, но сам факт причинения кому-то боли вызвал во мне внутренний протест и слабость в конечностях. Все что сейчас со мной происходит, либо сломает меня окончательно, либо ожесточит и превратит мою душу в выжженную пустыню. Впрочем, поразмыслив еще немного, решила, повторись подобная ситуация я поступлю также.

Теперь либо я, либо меня и Лизу. Я предпочитаю первое.

* * *

31 августа

– Мама, мама, смотри, как я умею... – Лиза разбежалась и с мостков прыгнула в воду протекающей мимо нашего дома узкой глубокой речки. В месте, где построили мостки для любителей понырять и швартовки катеров и лодок, течение не было сильным, и образовалась небольшая теплая заводь.

В наших широтах лето уходит быстро, сменяясь длительной осенью, а

затем чересчур морозной зимой, но именно в этом году погода радовала теплой и сухой погодой. Хотя Михалыч с Семеном ворчали, мол, все приметы говорят о том, что зима в этом году будет суровая. Слишком много плодов на деревьях и грибов в лесу – это природа о своих детях заранее заботится.

Мы сегодня рано поутру, на Рыжике – нашем спокойном ласковом мерине – ездили по грибы и набрали их немеряно. А сейчас, после обеда, все рассортировав и пустив в дело, решили искупаться и позагорать, пользуясь последними жаркими денечками.

Фед бегал вдоль берега и громко лаял, а потом бросился в воду, и теперь, быстро перебирая лапами и высоко держа морду, плыл к берегу. Я впервые за это долгое и тяжелое лето лежала на покрывале и, кидая в рот ягоды черной смородины, что в обилии росла за нашим забором, просто отдыхала душой и телом, наблюдая за дочерью и нашим другом, наслаждалась чуть кисловатым, но таким замечательным вкусом и бездельем.

Шорох в ближайших кустах, заставил вынырнуть из приятной полудремы и настороженно посмотреть в сторону звука.

Река бежит с тыльной стороны нашего дома, и к ней ведет хорошо протоптанная и даже выложенная остатками плитки и камня дорожка. С одной стороны ровный участок поляны с травой по пояс, тянущийся от дорожки и дальше вдоль забора двух моих домов и еще не достроенного соседнего. А вот с другой – густой кустарник, за которым едва проглядывает еще один участок с поваленным забором и основанием дома, который забросили строить еще пару лет назад.

Как раз с той стороны из кустов вышла худая облезлая псина из бывших дворовых, а возможно и дикая. Присев на задние лапы, она уставилась на меня, и в ее взгляде не было ничего умильного или добродушного. Так смотрят на врага, а еще точнее, на добычу...

– Лиза, быстро на берег!

– Мама, я еще чуточку...

– Я сказала быстро на берег!

Мой голос не был злым или громким, но по тревожным настойчивым интонациям девочка догадалась о грядущих неприятностях. Выбравшись на берег, она побежала ко мне, разбрызгивая вокруг себя капли воды. За ней выскочил и Фед. Заметив незнакомого пса, он зарычал, но потрусил к нам.

Из кустов выбрались еще три собаки и так же плотоядно, внимательно следили за нами. Первая привстала и медленно двинулась в нашу сторону. В этот момент Лиза вцепилась в мои шорты, а Федор выдвинулся вперед,

становясь между нами и возможной опасностью. Зарычал угрожающе, встопорщив волосы на загривке.

Я подхватила ружье и направила на собак, раньше нам хватало только показать оружие, и стоя трусливо уходила в сторону, освобождая дорогу, но не в этот раз. Они дрогнули, но продолжили следить за нашим перемещением в сторону металлической двери в кирпичной стене забора. Я лишний раз поблагодарила судьбу, что дверь открыта настежь и если что...

На поляну крадучись начали выходить еще собаки: множество разнокалиберных дворняг, еще заметила спаниеля, пару овчарок и даже дога. Черный гигант-убийца колебаться не стал, людей этот дог явно не боится, в отличие от наученных горьким опытом дворняг, и сразу кинулся на нас, не смотря на ружье на изготовке.

Мне стало до ужаса страшно, но я без раздумий и жалости, вскинув ствол и нажав спусковой крючок, успела крикнуть:

– Лиза, беги! – пуля достала дога в прыжке и отбросила в сторону, но зато остальные рванули всей стаей в нашу сторону, рыча и скалясь. Моя любовь ко всем собакам поблекла еще в тот момент, когда я увидела, как они загрызли бесхозную корову. И это несмотря на тот факт, что на ферме часто подкармливали потерявших своих хозяев собак, но взять себе всех мы не в силах.

Федор врезался в первые ряды нападающих, напоминая сейчас берсерка, а я только и успевала стрелять. Слышала лишь визг раненых собак и рычание их озлобленных, потерявших весь свой домашний лоск и воспитание товарок. Лиза, зажав кулаком рот, стояла во дворе, а я, наконец, тоже добралась до двери, но закрывать не торопилась. Теперь я методично отстреливала нападающих на Феда, который с трудом дышал и уже не сопротивлялся. Отогнала стаю, которая под моим ошарашенным взглядом принялась за своих раненых, а потом, в одной руке держа ружье, другой тащила Федора за заднюю лапу. Все же он прилично отъелся...

Лиза захлопнула дверь в тот момент, как мы с Федом попали во двор. Вот теперь, находясь в безопасности, нас обеих отпустило, и мы с плачем кинулись к нашему псу. Кошмарный вид сильно израненного Феда, с местами разодранной в клочья шкурой чуть не поверг в шок. Сбегав в дом, притащила покрывало и теперь, используя левитацию, переносила его в дом.

Следующие три дня были сплошной борьбой за его жизнь, но наш главный защитник выкарабкался, опять же, благодаря Михалычу. Последние двое суток тот ночевал у нас, и мы вместе отпаивали травками,

мазали самодельными снадобьями, которые рекомендовал хавшик, но нашего лохматого друга спасли.

Хавшик сходил на берег проверить обстановку и с мрачным лицом прокомментировал мне наедине:

– Мне это очень не нравится...

– Знаешь, Михалыч, после пережитого выражение «очень не нравится» не отражает всей гаммы моих чувств. В городе бандиты, здесь нас в заложниках теперь будут держать стаи одичавших псов... Как жить, как работать дальше? Как сейчас урожай-то собирать?

– Кир, они напали, потому что вы были одни... соберем, не волнуйся... А зима все точки по своим местам расставит. Немногие из них переживут свою первую бездомную зиму.

– Мне жутко и больно, Михалыч! – продолжала истерить я, не в силах остановиться. – За что нам все это? А? Почти год я только и делаю, что хороню родных, друзей, близких и просто... Вокруг одна сплошная смерть, беды преследуют меня... нас. Как долго это будет продолжаться. Так ведь никаких сил не хватит пережить все это...

– Кирочка, послушай, Кирочка, все пройдет со временем. Сейчас надо быть сильными...

Я перебила старика, всхлипывая, и сиплым шепотом прохрипела, стараясь, чтобы девочка, все это время не отходящая от нашего раненного, не слышала меня.

– Я так устала, Михалыч, миленький, я дико устала от всего этого. Я слабая, понимаешь, я слабая и боюсь, долго не протяну, и сломаюсь в какой-то момент. Я готова работать с утра до ночи, не спать ночами, убирать, мыть, ковыряться в земле и навоз выгребать... Но я не готова убивать... А я ведь четырех собак... Каждую пулю словно в себя всаживала, мне кажется, я их до сих пор все чувствую... Они жгут меня изнутри... А тот сумасшедший, а трое оборотней... Я больше так не могу...

Напряжение, копившееся месяцами, прорвалась, снеся плотину благоразумия. Упала на колени и, обхватив себя руками, зарыдала не в состоянии успокоиться или хоть немного остановиться.

Хавшик присел рядом и обнял худыми жилистыми руками, прижимая к себе и тихо, похоже, тоже толком не зная как поступить и что сказать, уговаривал:

– Ну что же ты... Кирюш, все наладится... Все будет хорошо... Вы вместе, и Фед поправится... Все пройдет, и не ты виновата, что жизнь так сложилась...

– А что мне делать, когда придется мяска добыть, чтобы своих

накормить... – простонала, уткнувшись ему в плечо, – как мне курице той же шею свернуть или хрюшку... Я не смогу никогда, Михалыч...

Встряхнул, потом глухо жестко ответил:

– Жизнь заставит, не такое сможешь, и ты это себе уже доказала. Ты трижды защитила себя и своего ребенка от смерти и дальше сможешь. Да, хреново это, да, это невероятно тяжело, но сейчас всем тяжело... – тяжело вздохнул и уже более мягко добавил. – А с курами и хрюшками мы тебе поможем, девочка. Хрюшки-то и здоровый мужик побаивается, и в одиночку не делает такие дела. Да и пока ты за своих не переживай, у нас лишних много. Вон тушенки на пять лет вперед наварили, а еще сколько со склада навезли... Подбери себе пару хороших добрых собачек, и им хорошо, и тебе полегче станет, все кому-то жизнь спасешь... Да и котейку еще одного найти можно... Там где ферма да скотина, всегда крыс да мышей много, вот пусть и охотятся... А твой Семен – кастрат ленивый и, похоже, кроме как жрать да спать ничем не интересуется...

– Сема хороший, он вон возле Феда последние три дня спит... – вскинулась я.

– Ага, примеряется, наверное, на его пуховый матрасик...

– Михалыч, ну наговариваешь же... – мне даже смешно стало.

– Зато ты вон сразу в себя пришла, за справедливость грудью встаешь...

Я утерла слезы и, шлепнув по плечу уже практически нашего общего с Лизкой деда, обняла его и чмокнула в шершавую чешуйчатую щеку.

– Даже не знаю, как бы все это пережила, если бы не ты...

– Так же, девочка, ты сильная, со всем бы справилась. А я рад, что могу помочь.

В этот вечер мы дружно пили чай с вареньем и сырниками, слушая истории Михалыча о его детстве и юношестве. Родился и вырос Михаил Саппер на Амеросе и был гордостью своего маро, как называют единственного родителя и демаро (дедушки), и даже прадемаро. Окончил школу, высшее учебное заведение, в которых обязаны учиться все хавшики, ведь они гордились своим умом и считали его главным достоинством и преимуществом в сравнении со способностями магов и физической силой полиморфов. А затем попал в аварию и получил жуткое для любого разумного существа увечье. Стал бесплодным. Его маро был раздавлен этим обстоятельством и стал относиться к своему отпрыску словно к инвалиду, а затем и вообще так, будто тот умер. После появления на свет у его маро еще одного ребенка, Михаила словно вычеркнули из жизни семьи.

Именно по этой причине он уехал из Амероса насовсем и поселился,

как он сказал, в самой глухой деревне под Тюбрино. За последние двести лет наш город очень сильно разросся и изменился, а вот Михалыч так и застрял в том своем грустном времени, когда его все бросили и предали. Лишь животные не предают, поэтому он радуется своей работе и любит ее. А теперь и нас.

Лиза сразу спросила можно ли называть Михалыча демаро, и он, расплывшись в счастливой улыбке, согласился. А я впервые за прошедшие месяцы решила, что действительно все будет хорошо.

Часть третья

31 октября

Утром я встала со странным ощущением праздника, что вдвойне странно, потому что свой день рождения я отпраздновала неделю назад, а Лизин будет зимой.

Несмотря на середину осени, наступили ранние морозцы, в комнате слегка прохладно, ведь мы экономим на электричестве и магии, и дровах. Теплое тельце Лизы прижималось спинкой ко мне, а внизу на своем внушительном матрасе сопит Федор. Ему хоть бы что, лежит на спине, во все стороны растопырив лапы, демонстрируя сероватое брюшко, которое я, встав, тут же почесала. Пес лишь приоткрыл один глаз и, потянувшись, снова смешно засопел.

Я бы тоже посопела, но, к сожалению, работа не ждет. Спустилась на первый этаж и привычно оделась в рабочий костюм. Подхватив чистые ведра, пошла в коровник к своим кормилицам. За мной тут же увязался Семен, а стоило нам появиться на улице, присоединилась и Мотя. Эту кошку мы не подбирали, она сама к нам пришла. Сначала пряталась, а потом привыкла и уже чувствует себя хозяйкой коровника, первой пробуя парное молоко.

Закончив доить, кормить и чистить свою живность, сделала себе кружку какао и вновь вышла на веранду, теперь меня сопровождал Федор, решивший размяться во дворе.

К середине октября мы закончили все сельскохозяйственные работы. Убрали весь урожай, сделали заготовки, подготовили землю к новому сезону и теперь изредка собирались в бывшем помещении руководителя фермы для того, чтобы поболтать, попить чаю с плюшками и чтобы дети могли пообщаться друг с дружкой.

После случая с одичавшими собаками наши мужики начали их регулярный отстрел, но дворняги, наученные горьким опытом, стали хитрее и опаснее. За лето их количество только возросло, но с приходом холодов они решили перебраться в город, наверное по привычке... Хотя мы не расслаблялись и теперь, всегда были вооружены и не засиживались допоздна.

Фед, все еще прихрамывая на переднюю лапу, вернулся в дом, а я, зябко кутаясь в меховую жилетку, глоточками цедила вкусный напиток.

Странное приятное чувство предвкушения не проходило, а заставляло смотреть в лазурное чистое небо и радоваться белым пушистым облачкам, яркому солнцу, которое заливало все вокруг своим светом, да редким птицам, которые остались зимовать.

Я с чувством удовлетворения и гордости оглядела свой двор, и даже окинула взглядом соседний участок – тоже мой. Сегодня радовало все без исключений. Благодаря наличию электричества, у меня работают морозилка и холодильник, и они забиты свежим мясом – пару дней назад мужики забили двух хрюшек. С наступлением устойчивой холодной погоды можно будет все хранить на морозе, а пока только так. Сегодня мы с Лизой сварим вкусный борщ, а может и еще чего-нибудь. Вот, не знаю почему, но душа требовала всего и побольше.

Сказано – сделано, я занялась уборкой дома, готовкой, а потом мы с Лизой отправились в баньку. Попарив дочу, отправила ее под присмотром Феда в дом, а тем временем приступила к своему омовению. Волосы уже отросли до плеч и теперь касались их ровными, гладкими, шоколадными прядями. Недавно Марта их немного подровняла, она, слава Триединому, уже пришла в себя после потери сыновей и теперь училась жить без них.

В большом предбаннике радуют глаз и тело узкий кожаный диван и пара изящных красивых стульев с кожаными спинками и сиденьями, небольшой круглый стол, на котором стоит ведро с колодезной водой и поднос с кружками, а на стене напротив двери висит большое зеркало в деревянной раме.

Я нечаянно поймала в нем свое отражение уже полностью раздетая и замерла на мгновение. Физический труд укрепил мои мышцы, и теперь во мне нет ни одного лишнего килограмма. И хотя идеальной мою фигуру сложно назвать, из-за округлых упругих форм я выгляжу очень аппетитно. Это мне Сава в свое время говорил... Но молочная кожа, довольно узкая талия и изящные стопы, и кисти рук – все делает меня похожей на статуэтку – хрупкую и уязвимую. Даже светло-карие, широко распахнутые глаза с длинными черными ресницами выдают внутреннюю ранимость и незащищенность – это мне уже Михалыч как-то сказал. Особой красоты во мне может и нет, а вот очарования и внешней сексуальности хоть отбавляй – это уже Зинка выдала неделю назад. Она подобрела сразу, как только отметила, что Серега Серый мной как женщиной не интересуется, а только ее ласкает взглядом и не только им... Теперь у нас была своеобразная дружба и понимание. Хотя одной проблемой меньше.

В этот день я так и ходила в ожидании, но при этом мое предчувствие молчало, о плохом даже намек не было. А я все чего-то ждала...

Мы поели, убрали за собой и сели играть в настольную игру. Напольные часы показали четыре часа, очень скоро начнет темнеть. Я поддалась Лизе, и она выиграла, тут же довольно запрыгав. Много ли ребенку надо для радости? И именно в этот момент мы втроем услышали далекие выстрелы. Затем вой множества собак, а потом снова выстрелы. Они были редкие, беспорядочные, но заставили нас с дочерью похолодеть. Мы уже знали, что означают эти выстрелы...

И даже если это бандиты, которые пару месяцев назад все рыскали по округе, но так ничего и не нашли, все равно, такой смерти и врагу не пожелаешь. А если это просто заблудившийся путник, из тех, которые к зиме начали покидать город, понимая, что ничего не изменится, правительства нет, и больше ничего как раньше не будет, тогда мы обязаны помочь.

Я действовала быстро.

– Лизавета, ты остаешься с Федором за хозяйку...

– Но мама, а если...

– Ты остаешься с Федором здесь и не спорь. Никому не открывай кроме Михалыча. Сидите дома.

Пока раздавала инструкции, сбегала наверх, надела джинсы и теплый свитер. И так же бегом понеслась в гараж, на ходу влезая в сапоги. Правда, только после того, как услышала щелчок замка, означавший, что Лиза закрылась. Я открыть магией смогу, а чужой точно не войдет. Мы с Кешей вылетели за ворота, и пока они закрывались, я даже губы кусала от нетерпения.

Выскакивая на пригорок, откуда слышала последний выстрел несколько мгновений назад, проверила пистолет, заткнутый за ремень джинсов под меховой жилеткой, а под рукой на соседнем сиденье лежало многозарядное ружье военного образца. Мы их с военной базы набрали и теперь они очень пригодились.

Проезжая мимо основной части Васино, в который раз наблюдала унылое зрелище покореженных, поломанных заборов и почерневших печных труб, да кладки каминов, еще более печальное на фоне деревьев, с которых облетела листва, и пожухлой травы. Странно, но чувствующих магию всегда тянуло к земле, ближе к природе, они даже дома строили деревянные и лишь основание и печи кирпичные. Впрочем, как и оборотней, и хавшиков. И только маги, обладая возможностью управлять энергией, всегда стремились к техническому прогрессу, стараясь экономить силы, применяя различные машины и дивайсы. Впрочем, любители сельской жизни тоже пользовались благами цивилизации,

значительно облегчая себе быт, но не в таком масштабе как маги. Так было всегда...

Возле одной из почерневших от прошедшегося здесь пламени печи сбилась кучка народа, а вокруг них кружила стая собак, особей тридцать – не меньше. Я похолодела от страха.

Трое мужчин отбивали нападение одичавшей стаи всеми подручными средствами, а за их спинами на печи стояли мальчик лет двенадцати и девушка. Причем девушка – маг-воздушник, потому что упорно устраивала маленькие смерчи или порывы ветра, подбрасывающие собак вверх или расшвыривающие в стороны, но те с голодным упрямством оскалив пасти, рвались к ним.

Один из мужчин отбросил уже, похоже, ненужный пистолет, запуская его в толпу собак, а потом вместе с остальными, вырвав из голенища походных ботинок длинный охотничий нож, вступил в рукопашную. Видимо они только успели занять круговую оборону...

Поднимая еще не промерзшую пыль, резко затормозила в нескольких метрах от них и, схватив ружье, выскочила из салона и начала методично стрелять в собак, предусмотрительно оставив дверцу открытой и не отходя далеко. Первые два выстрела были рассчитаны на то, чтобы распугать, но близость добычи наглухо отключила страх и чувство самосохранения у псин. В итоге, пришлось бить наверняка, что привело стаю в чувство, и они, визжа и скуля, рванули врассыпную. Уже через полминуты на дороге лежало несколько убитых пришлыми собаками, впрочем, так же как и вокруг них. Они и без меня неплохо справлялись, оказывается.

Первая волна страха и опасности схлынула, оставив после себя неприятную дрожь от испытанного напряжения. И надо бы уже уезжать, раз все обошлось, но я почему-то не могла, застыв в ожидании...

Незнакомцы удовлетворенно огляделись вокруг, проверив, что собаки скрылись из виду. Затем досадливо поморщились на трупы под ногами, а потом дружно уставились на меня. Скоро начнет смеркаться, но пока еще достаточно светло, чтобы все хорошо видеть. Паренек спрыгнул на землю и встал рядом с мужчинами. Самый высокий, похожий на медведя белокурый гигант, подхватил на руки девушку и опустил ее рядом с собой. Двое других – красивый русоволосый парень и жгучий брюнет явно постарше – молча вперились в меня взглядами, от которых задрожали коленки.

Они впятером почти синхронно двинулись ко мне, но я выставила на них оружие и сухо спросила:

– Кто такие и что здесь забыли?

Русоволосый скривил пухлые красивые губы в ехидной усмешке и неожиданно игриво ответил:

– А может как в сказке: сначала накормишь, напоишь, спать уложишь, а потом вопросы задавать будешь?

Его откровенная наглость заставила напрячься еще сильнее, а блеснувшие небольшие клыки указали, что он полиморф. А я еще слишком хорошо помню встречу с ними двухмесячной давности. О, Триединый, неужели опять, только не это.

– Вам здесь не рады, уходите!

Я спиной приблизилась к машине, держа их на прицеле, и уже хотела скользнуть в ее безопасное нутро и рвануть отсюда, как раздался внушительный бас белокурого гиганта:

– Послушайте, девушка, не обращайтесь внимания на этого остряка, он не всегда понимает, когда есть время для его глупых шуток, а когда нет.

Я замерла, все еще держа их на мушке, но уже готовая запрыгнуть в машину и ударить по газам. Только бы успеть!

– Я помогла вам отбиться от стаи, что вам еще надо?

Гигант сделал ко мне шаг, но отметив мое возросшее напряжение, остановился и быстро заговорил, подняв руки вверх ладонями ко мне:

– Мы не причиним вам вреда. Нас пятеро, среди нас беременная женщина и ребенок. Мы добираемся до Тюбрино, моя жена хочет выяснить, живы ли ее родители, и мы едем из самой Москаны...

– Неужели ваш путь занял пять месяцев? На машине? Или Москана пережила вторую волну? Тогда где войска, правительство или хоть кто-нибудь... – услышав его, я заволновалась, так невероятна их история. А может все же...

– Нет! Москана в руинах... Была, когда мы покидали ее четыре месяца назад. А путь реально длинный, слишком много препятствий оказалось, не позволивших быстрее добраться сюда.

Мои плечи непроизвольно поникли, ну что ж, теперь вопросов больше нет никаких о положении в столице.

– В Тюбрино выжило не более процента от населения... По последним наблюдениям человек пятьсот, и это от пятисот тысяч, ну еще по поселкам и фермам... Точно не скажу.

– Мы проезжали города и поселки, где выживших нет вообще, а встречались и такие, где выжили многие, но там сейчас творится беспредел и беззаконие...

– В Тюбрино вас ждет тоже самое. Там образовалась банда из зеков-кошаков и магов-отщепенцев... С женщиной вам туда лучше не соваться.

Все замолчали, но не напряженно, а как-то обреченно. Не знаю, что делать дальше. С одной стороны дико любопытно узнать у них, что делается в мире, но с другой – еще больше я боюсь их. И русоволосый насмешник, поблескивающий в мою сторону масляными черными глазами, немало способствует сему, но мой взгляд неизменно приковывает к себе третий мужчина.

На полторы головы, наверное, выше меня, брюнет с короткой стрижкой. Продолговатое лицо с резкими чертами и темными от многодневной щетины подбородком и щеками поражает мрачной решимостью и... хищностью. От всей его чуть ссутулившейся фигуры разит опасностью и мощью. Его буквально окутывает аура внутренней силы и затаенной ярости. При одном взгляде на него меня передергивает от страха до судорог в спине. Я неосознанно вытерла влажную от пота ладонь о штанину и снова перехватила ружье второй рукой.

Жест не остался не замеченным, и мужчины, внешне было расслабившиеся, опять напряглись.

– Опустит ружье, девочка! Не хорошо тыкать им в тех, кто не причинил тебе вреда, и поверь, не причинят и дальше. – Брюнет произнес тихо, но его глубокий хриловатый голос с рычащими нотками пробирал до костей.

Пока говорил, шел ко мне, глядя из подлобья, ощущение, что готовится к прыжку. От сомнений не осталось и следа. Я резко наставила дуло на него, испуганно выкрикнув:

– Не подходи! Выстрелю...

Я уперлась в машину, чувствуя, как ребро двери врезается в спину. Мужчина подошел настолько близко, что ствол ружья едва ли не уткнулся ему в грудь. Где-то на периферии сознания отметила его темно-синюю стеганную утепленную куртку военного образца. А еще на таком расстоянии он выглядит еще внушительнее и массивнее. Едва заметное движение, и он держит мое оружие в своей руке, проделав все это спокойно, привычно и профессионально. Я еще в шоке от его действий – вот так, не боялся подойти и забрать оружие, а ведь я могла выстрелить – прохрипела:

– Вы в своем уме, я же могла... – совсем невразумительно пискнула я.

В этот момент я встретила с его глазами, наконец, оторвавшись взглядом от его груди. Невероятно голубые, словно покрытые льдистой корочкой, большие, с характерным черным ободком вокруг радужки – чистокровный полиморф. Причем, судя по силе ауры, которая ощущалась моей животной четвертинкой, из волков или крупных кошачьих.

– Ты не могла! – его голос был таким же ледяным, как и его глаза

цвета бескрайнего зимнего неба

– Ошибаетесь, я могла бы. За эти пять месяцев меня жизнь многому научила и в людей стрелять, защищая свою жизнь, тоже.

– Ты не могла бы! Выстрелить вот так глядя в глаза и в упор – нет. Может только по конечностям, да по собакам...

Неосознанно передернулась, и это тоже не укрылось от него. В его глазах что-то блеснуло, но я не успела разглядеть, что это было за чувство. Рядом с нами возник гигант, и хотя он на голову выше брүнета, но почему-то я четко решила, что блондин гораздо более безопасный и более дружелюбный, чем его спутник.

– Меня зовут Павел Парша, – приглашающий присоединиться жест к замершей в стороне женщине, – а это моя жена Лидия, судьбу ее родителей мы и хотели бы выяснить.

К нам подошла девушка с милым кукольным личиком, ямочками на щечках и губками бантиком. Стрижка каре, но сейчас ее рыжевато-золотистые волосы выглядят тусклыми, скорее всего несколько дней не мытые, а лицо со слабой улыбкой – утомленным. Затем Павел начал представлять остальных:

– Этот насмешник – Руслан Голец, вы на его плоские шуточки и грубый юмор внимания не обращайте, а это, – поворот головы к мальчику, – Олег Шустриков, теперь он мой младшенький брат. – Я отметила, что парнишка, услышав Павла, словно посветлел и расслабился, прижавшись к женщине с боку. – Ну и наш последний спутник, но глава нашей компании, – Кирилл Силуянов.

Мужчина чуть недоуменно посмотрел на Павла после представления, а потом перевел холодный отчужденный взгляд на меня. Я же, нервно сглотнув слюну, вновь погрузилась в ледяную глубину его глаз. С каждым таким погружением чувствую себя все более странно. Вроде и боюсь до чертиков, и в то же время меня притягивает этот холод в его глазах, не остужает, а наоборот, согревает изнутри. Кашлянув, прочищая горло, представилась:

– Кира Нехорошева!

У Кирилла выгнулась бровь, а остальные улыбнулись. Зато теперь я точно знаю, что передо мной два полиморфа, их внушительные клыки и радужка с ободком тому подтверждение, женщина-магичка, пацан – лишь чувствующий, а вот Руслан – скорее полукровка. В нем ощущается и магия, и кровь оборотня. Странная, необычная компания...

– Давайте вернемся к вопросу как вы здесь оказались.

И снова Павел начал говорить. Вкрадчивым доброжелательным

голосом, но я всеми фибрами души чувствую – не врет, хочет убедить и расположить.

– Накопитель сдох... Думали может у кого попросить или поискать безхозный, чтобы до города добраться... Лида вспомнила эту деревню, а мы как раз напротив нее заглохли... А по дороге на нас стоя наткнулась или мы на нее...

Я с подозрением уставилась на них, и в этот момент, тепло улыбнувшись, в разговор вступила девушка. Таким звонким и приятным голосом, что я непроизвольно чуть не расплылась в ответной улыбке, но усилием воли сдержалась.

– Поверьте, мы не сделаем вам ничего плохого, просто мы устали, а пешком до города идти слишком далеко, ночевать в палатке холодно, а в машине места не хватит... А Олежек и Кирилл немного простыли, но это не вирус, – она потрясла головой, – просто так получилось.

Лицо Кирилла стало бесстрастной маской, Руслан помрачнел как и Павел. Маленький Олег тревожно заозирался по сторонам. Я молча кивнула скорее своим мыслям, чем в ответ. Они стояли полукругом напротив, и им ничего не стоит самим проверить мою машину и забрать все, что сочтут нужным или чего похуже. Я почти безоружна, а с ними... Я не справилась бы с любым из них даже с оружием. Без сомнений. Ведь благодаря своему дару предчувствия я научилась разбираться в намерениях. И сейчас плохого не чувствую.

– У меня в багажнике есть запасной накопитель... Если хотите, я могу подбросить вас до вашего автомобиля.

Руслан ухмыльнулся и выдал:

– Уж будьте уверены, мы премного благодарны и в долгу не останемся.

– Русь может, ты заткнешься уже. Мало нам из-за твоего языка досталось? – Павел строго осадил Руслана, подействовав лучше холодного душа. Потом повернулся ко мне и осторожно предложил: – Если вы не против, то Кир поведет, я рядом с ним, а вы вчетвером сзади...

– Я с удовольствием подержу вас на своих вполне удобных коленях...

– Р-р-руслан...

– А может, лучше вы в одиночестве пешком прогуляетесь, пока мы в машине... – уже не сдержавшись, добавила я и, судя по кислому лицу Руслана, он был не рад такому предложению.

– Да ладно... Олежка, придется тебе у меня на коленках посидеть, а то Лидочку мне Паша, сам понимаешь, не доверит, а эта прекрасная, но несговорчивая девушка меня не любит... не жалеет и... – заметив злой взгляд карих глаз Павла, Руслан замолчал. Но по сверкающим в его глазах

искрам мне стало понятно, что этого парня только могила исправит.

Через минуту мы уже катили по покрытой кое-где снежком и ледяными корками дороге в сторону трассы. Прижатая с одной стороны к боку Лиды, а с другой – к двери, осторожно спросила:

– После того как выясните, что стало с родственниками, чем планируете заняться и куда путь держать?

Поймала внимательный взгляд Кирилла в зеркале заднего вида и неожиданно смутилась. Сама себя не понимаю, но присутствие этого мужчины рядом заставляет нервничать и теряться. Мне снова ответил Павел, и я решила, что на этом здоровяке, чтобы он не говорил, держится вся эта разношерстная компания:

– По независящим от нас обстоятельствам, мы немного задержались в пути, – при этом Лида зло зыркнула на Руслана, подсказав, кто виновник тех обстоятельств, – так что зима на носу, а мы к ней совершенно не готовы. Придется поторопиться. Мы проверим на месте ли родители Лидии и после этого поищем место для зимовки... где-нибудь здесь. Но не в самом Тюбрино, это точно. Город явно не подходит...

– Хорошо, а потом? Что будет дальше, когда зима закончится? Опять пойдете... куда-нибудь?

Мой взгляд снова поймал голубой в зеркале автомобиля, и хрипловатый, такой чисто мужской голос, от которого все затрепетало внутри, известил:

– Нет! Мне вполне нравится здесь!

Заявление вызвало недоумение и явное удивление, сначала отмеченное мною на лице Павла. Он даже слегка развернулся, чтобы проверить, не ослышался ли. Потом я заметила, как Лида перевела удивленный взгляд с Кирилла на своего мужа. А потом Руслан выразил всеобщее удивление:

– Ты уверен, братуха, что хочешь остаться именно здесь, даже если Лидкины родаки... – он замолчал, а Лидия тяжело вздохнула, сжав руки.

Все уставились на Кирилла, а тот, помолчав немного, пояснил причину:

– Шастать по городам и весям мне надоело. Это место меня устраивает. Паш, земля хорошая, дома найдем, река рядом, лес, значит охота будет удачная, с голоду не умрем – это точно.

Павел, кинув взгляд по сторонам, мягко усмехнулся, потом вкрадчиво заметил:

– Я, кажется, догадываюсь, что тебя здесь зацепило и согласен, место не хуже других. Достоинств куча, а недостатки мы исправим... правильно мыслю?

Я снова благодаря зеркалу заметила, как мрачное лицо Кирилла с загадочно блеснувшими глазами исказила хищная усмешка, в которой сверкнули довольно внушительные парные клыки. Меня пробрало от страха, но предчувствие по-прежнему промолчало, значит никакой угрозы или подвоха с их стороны для меня нет. Ну что ж, и на этом спасибо.

Зато посетила мысль, от которой отмахнуться не было сил, такая она заманчивая. Именно поэтому я, колебавшись, уже хотела открыть рот, но меня опередил Руслан. Он чуть наклонился вперед, заглядывая мне в лицо и, спросил:

– Кира, а почему на выстрелы ты поехала сама? Ты живешь одна?

Чуть колебавшись, ответила:

– Нет, я живу с дочерью... приемной, ее зовут Лиза и нашим другом Федором. Он за нас любого обидчика порвет.

Мужчины странно повели носами в мою сторону и нахмурились.

– Он маг?

– Нет! Но постоять за себя и за нас обеих может однозначно. – Мне стало смешно от их предположений, но говорить полную правду пока не решалась.

– Маг, не маг, но не мужик – это точно. Какой приличный мужчина свою бабу отпустит, когда стреляют, да и вообще без присмотра оставит?! – Руслан презрительно хмыкнул.

– Фед самый лучший пе... мужчина самый лучший. Просто он... такой какой есть. И нам с Лизой повезло, что у нас есть такой защитник и друг. – Запальчиво ответила я, глупо обидевшись.

Наверное меня раскусили, потому что в этот момент впервые услышала ломающийся голос пацана, который недоуменно спросил:

– И имя-то у него какое-то собачье... Фед...

В зеркале насмешливо выгнулась черная бровь, а потом раздалось несколько многозначительных смешков. Лида же положила на мой сжатый от напряжения и страха кулак свою ладонь, и мягко произнесла. Уверенно и убедительно.

– Кира, поверь, мы не враги вам и вреда не принесем и злом на добро не ответим....

Мне пришлось прервать ее, резко приказав Кириллу:

– Остановись здесь за поворотом. Не хочу, чтобы машина с трассы видна была.

Павел бросил внимательный взгляд на заклеенные дырки от пуль в стеклах.

– Понятно! Уже сталкивалась с ними?

Я горестно вздохнула от воспоминаний:

– Пришлось однажды! Как раз тогда мне повезло, что Федор был рядом, а то... Не тащите с собой Лидию, ей в городе появляться опасно. Там бандиты на одной из баз отдыха обосновались и...

– Ты там сама побывала? – Руслан тихо спросил, но ответа ждали все.

– Нет, фермер местный рассказал, которого схватили и хотели бесплатной рабсилой сделать... А у меня шнурок на штанах в узелок завязался, пока развязывали, Федор их задницы на вкус попробовал, а я по конечностям прошла энергопулями...

– Серьезно ты с парнями. И сколько их было в тот момент?

– Трое! Я маг земли и бытовой располагаю тоже, так что... так получилось, и машинка моя не подвела, и друг... Повезло, но больше мы в город не суемся.

– Мы? – вновь осторожный вопрос Павла.

– Да! В Васино остались местные жители, обычные сельские работяги, и они хотят спокойно жить и растить своих детей. Им проблемы не нужны, но нас мало...

Лидя вновь положила свою горячую ладонь мне на руку и, чуть склонив голову в мою сторону, спросила:

– Кира, а в Васино нет свободного дома, чтобы мы потом жилье не искали, а сразу сюда вернулись... в любом случае?

Вот и тот главный вопрос, которого я ждала. Пусть скрывая от себя и особо не надеясь, но ждала с замиранием сердца. Ведь нам так необходимы крепкие сильные мужчины, чтобы защитили от бандитов, а эти трое, чувствуется, и огонь, и воду прошли.

– Лидя, в Васино временные или чужие люди не нужны. Нам нужны те, кто поможет с общим хозяйством, наравне с другими будет работать и захочет жить на этой земле, а не исчезнет, стоит только запеть перелетным птичкам...

Девушка улыбнулась с облегчением и ответила мне:

– Кира, я на третьем месяце, весной рожать. Так о каких перелетных птичках ты говоришь. Я Пашку сюда потащила, потому что не могу спокойно спать, не зная, что там с моими стало, а теперь я дома практически, и тут, как Кирилл заметил, ничуть не хуже чем в любом другом месте, а может и лучше...

Я внимательно посмотрела на мужчин. Кирилл сидит спиной, не глядя на меня в зеркало, и прочитать его эмоции и мысли я не могу. Павел напряженно ждет моего ответа, но заметно, что он примет любой мой ответ спокойно и без нервов, просто потому что характер такой. Руслан же,

откинувшись на сиденье, прищурившись смотрел на меня и ухмылялся, правда, весело, а не зло или обидно.

Наверное, все это меня подкупило, и я решилась сделать им предложение:

– Сейчас уже вечер, темнеет, может мы заберем вашу машину и я... Вы можете переночевать у меня дома, а завтра по утрам отправитесь выяснять нужную вам информацию в Тюбрино, а потом мы обсудим ваше проживание в Васино. Мы покажем все свободные дома, а детали обсудим по ходу дела.

Все дружно согласились. Я вышла из машины и уже хотела открыть багажник, но меня остановил спокойный, даже отстраненный голос Кирилла:

– Так Федор – это все же собака?

Медленно повернувшись к нему и, приподняв лицо, взглянула в ледяные глаза, сама себе удивляясь. Он не красив как Руслан, скорее, обычное лицо, пока он не смотрит своими голубыми озерами, но в любом случае, можно сказать, что таких тысячи... были на Земле. А я ощущала его, не просто чувствовала как других, а именно ощущала всем своим существом и, мое внутреннее Я буквально трепещет, стоит ему взглянуть на меня. Вот от того и чувствовала себя неловко, нервничала и отворачивалась, избегая долго смотреть в его глаза.

Я ответила честно, но порядком накрутив себя, поэтому вышло противным писклявым голосом:

– Да! Федор овчарка, когда я встретила его, он сидел взаперти в одной из квартир и громко лаял, привлекая мое внимание. Я пожалела его и магией смогла снять дверь с петель, а там Лиза... Она выжила, а ее родителей мы отвезли в крематорий, вот так мы и стали жить вместе.

– А твои близкие? – снова этот глубокий голос с хрипотцой, а я все смотрю себе в ноги.

– Все... ушли! Я так понимаю, что у вас всех тоже?

– Да! – ответил за всех Руслан, они с Павлом в этот момент вытащили запасной накопитель, который я возила последнее время, опасаясь остаться с машиной не на ходу и стаей голодных собак за компанию. – У Пашки и Кира все умерли, а я сирота и родных никого не помню и не знаю. А Олежка у нас вообще своих еще в раннем детстве потерял, его всей деревней воспитывали, пока мы его месяц назад не нашли.

Я с сочувствием посмотрела на мальчика, которого к себе прижала Лида, обняв за плечи. Но судя по выражению его лица, он ни о чем уже не переживал, а может и плохо помнил о близких как Лиза. Сейчас же по-

детски радовался, что его приняли в новую семью и грелся в лучах их заботы и любви. Павел, подхватив накопитель, понес его к трассе, а я попросила Кирилла:

– Думаю, лучше Олега с Лидой оставить здесь. Бандиты шныряют тут постоянно, поэтому лучше меньшему количеству народа светиться.

– Я не маленький уже, чтобы в кустах сидеть...

– А женщину охранять ты достаточно взрослый? – Руслан строго посмотрел на пацана, и тот сразу притух и залез обиженным нахохлившимся птенцом в машину. Лида нисколько не протестуя тоже села внутрь, она явно устала от путешествия.

Я же решила сходить посмотреть на машину и вообще осмотреться. Кирилл взял мое ружье и, проверив его рабочее состояние, пошел рядом со мной. Пока мы шли, я всем телом чувствовала присутствие рядом троих полиморфов, хоть один из них полукровка. Не удержалась и спросила, повернув голову к Руслану:

– Какое твое второе лицо?

Мужчина хмыкнул, расплывшись в хитрой насмешливой ухмылке, и еще до того как произнес что-либо, я догадалась сама.

– Я лис и воздушник, правда, очень слабый, почти ничего и не могу.

– Знаешь, моя девочка тоже лисенок, когда ты улыбнулся похожей улыбкой, которая часто проскальзывает на ее лице, если она очередную каверзу затевает, я догадалась.

– А можно о тебе самой спросить, Кира? – Он стер улыбку с лица и внимательно на меня посмотрел, тем не менее, успевая и за дорогой следить. На его вопрос я только кивнула согласно. – Ты вкусно пахнешь магией и зверем, ты тоже полукровка?

– Нет, я лишь на четверть оборотень. Мой дед – волк, и мама тоже оборачивалась, но я не могу. Во мне слишком много магии. Я владею энергией земли, бытовой и недоразвитым ясновидением. Правда, лишь в форме предчувствия, но и оно мне помогает в жизни, хоть и сложно жить с этим даром в такое время...

– Судя по запаху, кровь полиморфа в тебе сильная, и это хорошо. – Хрипловатый голос Кирилла, который шел слева от меня заставил вздрогнуть, а потом осторожно спросить:

– Почему? И кому хорошо?

Я посмотрела на него, вновь окидывая его внушительную фигуру любопытным взглядом. Синяя куртка, черные джинсы и высокие ботинки, широкая сильная рука крепко сжимает ружье, в ней оно смотрится гораздо привычнее, чем в моих. Все в нем просто кричит о том, что он, скорее

всего, военный или имеет к ним непосредственное отношение и соответствующую подготовку.

Вспомнила, как Лена рассказывала о впечатлениях своей мамы от отряда антитеррора, который перед второй волной ввели в Москану. Тогда она сказала, что все они слишком похожи на опасных зверей, так и сейчас я нутром чуяла, что рядом со мной хищник. Смертельно опасный, и от того непредсказуемый.

Кирилл вызывал у меня двойное впечатление: с одной стороны настороженность и страх, с другой – заинтересованное любопытство и непонятное влечение. На мои вопросы он промолчал, все так же пристально глядя вперед.

На трассе стоял огромный внедорожник с прицепом. Возле капота сразу засуетился Павел, меняя накопитель. Уже подходя к нему, Кирилл спросил меня, и в его голосе мне почудилась коварная насмешка:

– А ты не хочешь узнать какое у меня второе лицо?

Нервно сглотнула под его пристальным холодным взглядом, сначала отрицательно мотнула головой, чувствуя, как концы волос полоснули по лицу, потом словно очнулась и кивнула.

– Волк? – шепнула вопросительно.

Черные брови выгнулись сильнее, подчеркивая высокий смуглый лоб, в его глазах неожиданно вспыхнули веселые искры, и это меня заинтересовало и помогло расслабиться, чуть-чуть. А потом его тонкие, почти бесцветные губы раздвинулись в улыбке, обнажая острые клыки, хотя я бы ее назвала оскалом. Бр-р-р, жуткий товарищ! От вновь вспыхнувшего страха закусила нижнюю губу, непроизвольно делая шаг назад.

Руслан внезапно появился за спиной, кладя руки на мои плечи и весело выговаривая другу:

– Кир, ты пугаешь мою девочку своей добродушной усмешкой. Это мы к ней привыкли, а для нее она еще непривычна.

Не люблю, когда ко мне прикасаются чужие люди, а в случае с мужчинами все обстоит еще хуже. Я рефлексивно передернула плечами и выскользнула из-под его ладоней, но вымученно улыбнулась, как бы извиняясь. И совсем смутилась, услышав ехидный, но веселый голос Кира:

– Не твоя, как оказалось...

Руслан же с любопытством уставился на друга и заметил протяжно:

– Хм-м, как ни странно, но смотрю, у тебя непривычно хорошее настроение. Ты даже улыбаться умеешь, значит, притворялся успешно...

– Я сейчас притворюсь, что не слышал этого, а то если еще раз

услышу, твой оскал подправлю.

Вот теперь Руслан удивился еще больше, он недоуменно уставился на Кирилла, а потом, пожав плечами, спросил у меня, уже направляясь в сторону машины:

– У тебя кроме этого ружья еще оружие есть?

Я замялась с ответом, а в этот момент позади меня возник Кирилл и, не мучаясь воспитанием, огромной ручищей облапил мои бедра и живот, и на талии обнаружил пистолет. Затем, все так же стоя вплотную ко мне, осмотрел его, уважительно хмыкнул и, не обращая внимания на мою замершую от подобного произвола фигуру, засунул его обратно за ремень, напоследок словно ненароком проведя по моим ягодицам.

– Потом скажешь, где нам можно такие же игрушки здесь найти...

– Да я... да ты... ты, волчара наглый...

– Я сур, милая, а совесть меня уже давно не мучает!

Захлопнув рот, внимательно глянула на мужчину, а он, качнув головой в насмешке, шагнул к Павлу. Тот уже закончил менять накопители и сейчас разряженный заталкивал в прицеп. Я бы накопитель с угрозой возникновения грыжи меняла, если бы не магия и левитация, а Павел действовал так, как будто это пустая коробка, а не двадцать два килограмма чистого веса.

– Ага, я тоже удивляюсь, всего лишь рысь, а выглядит как медведь. Пашка говорит, что в его крови поучаствовали предки и по этой линии, но сама знаешь, оборотни-медведюки вымерли еще до первого черного столетия...

– Ты так говоришь, как будто уже второе началось.

– А что, Кирюш, вокруг посмотри и скажи, чем этот год не начало второго черного столетия.

Я тяжело вздохнула и, бросив мрачный взгляд на Руслана, кивнула, добавив при этом:

– Ты прав. Можно с первого января начинать исчисление заново и будет это первым годом черного столетия под номером два.

В груди неожиданно резко кольнуло от страха. Дернулась как от тычка и заозиралась вокруг. Руслан, заметив мое замешательство, спросил:

– Что случилось?

– Не знаю, но предчувствие подсказывает, что пора линять отсюда, как наша детвора говорит.

Поздно! Уже через мгновение мои спутники напряглись, глядя на дорогу, по которой к нам на максимальной скорости неслась машина со стороны города. Павел замер возле прицепа, Руслан отошел к кювету,

бросив быстрый взгляд в сторону грунтошки, проверяя, видно или нет мою машину. А мы с Кириллом стояли возле раскрытой водительской двери.

Уже через пару секунд возле нас с визгом тормознул внушительный военный «волк», обдав мерзкой вонью паленых покрышек. Из него буквально выпрыгнули четверо мужчин, один из которых сильно прихрамывал. Я узнала его сразу и заскулила от ужаса и отчаянья. Мне конец!

К нам вихляющей походкой двинулись четверо котов-полиморфов, двое из которых мне знакомы. И главный из них рыжий, по всей видимости, так и не смог полностью восстановить свое колено, потому что ковылял с тросточкой. Но теперь его главным неоспоримым аргументом в любом споре является автомат, который черным дулом направлен в нашу сторону.

Рыжий, заметив меня, весь подобрался, и его лицо буквально расцвело хищной злобной радостью:

– Что, сука, думала, не найдем? Запомни, тварь, кошки всегда становятся на четыре лапы и у нас девять жизней. А теперь мы проверим, сколько жизней у тебя...

– Любезный, а ты ничего не попутал? – Руслан недоуменно уставился на прибывших, всем своим видом демонстрируя беззаботность и непонимание сложной ситуации.

Рыжий же, внимательно окинув Руслана и Кирилла недобрым взглядом, выдал:

– Я вас еще не видел в городе! Только приехали?

– А что, нельзя? Или город закрытый? – снова недоумевал Руслан, хотя рыжий смотрел в глаза Кириллу.

– Помолчи парень, а то схлопочешь промеж глаз...

– Такой меткий?

На веселый выпад Руслана рыжий хмыкнул и, не оборачиваясь, приказал:

– Берите их на мушку, Дрон, забирай девку, она моя, я с ней лично разбираться буду. А ты, волчара, положи свою пукалку на землю и, если жить хочешь, бери своих парней и мотай из нашего города. Сегодня мне достаточно этой бабы, а если завтра вас встречу – не поздоровится. Так что имей в виду и можешь не благодарить.

Кирилл молчал мгновение, потом обменялся взглядом с Русланом, это я поняла по его блеснувшим глазам, а затем, пожав плечами, ответил:

– Детка, иди к дядям!

Я стояла чуть позади него и, услышав приказ, во мне все дрогнуло. Не

ожидала, что они так легко откажутся от меня, просто отдадут этим уродам. Они же знают, что со мной будет дальше...

Словно во сне, все еще не веря в происходящее со мной, медленно сделала пару шагов вперед, судорожно думая, что делать и как спастись. Еще шаг, и я оказываюсь впереди Кирилла, а дальше началось невообразимое. Мимо меня в сторону Руслана полетело ружье, которое до этого было в руках Кирилла, а он сам, обхватив мою талию, сначала выдернул пистолет, а потом толкнул вниз за водительскую дверь.

Злобное рычание, невероятный прыжок Кирилла через капот, по моим представлениям, нарушающий все законы физики, а затем стрельба, крики и ругань. Все длилось не больше полминуты, но лично для меня это был продолжительный кусок жизни... Так мне показалось.

А потом я сидела на подножке внедорожника, прижавшись щекой к кожаной обивке двери с внутренней стороны и держась двумя руками за ручку. Всклипывала и слушала странный разговор. Сначала раздался мрачный удовлетворенный голос победителя – Кирилла:

– Ну вот, мужик, ты тоже ошибся – она не твоя. А ты был так уверен-рен, а зря!

– Я рад, что ты не стал доказывать мне мое заблуждение в ее отношении таким же образом, как этому... – Руслан выражался в своей манере, в его голосе звучала насмешка, но как мне показалось, над самим собой.

– Вот другого от тебя, Руслан, не ожидал в такой момент, но ты, Кир, меня удивляешь. – Павел говорил с раздражением и усталостью. – То тебе плевать на всех, и ты молчишь месяцами, а сейчас расчирикался... и этот... кажется, я догадываюсь, что тебя вдруг разморозило... Почти уверен...

В голосе Кирилла все еще сильно ощущалось рыканье и вообще, сейчас он звучал с большой долей злости.

– Заткнитесь оба! Ты своей женой займись лучше и за... ней присмотри. А ты, Рус, отгони подальше, я подхвачу...

Я бесконечно устала от драк, опасностей и подобных приключений. За машиной послышалась суeta, разговоры стихли, и я заметила бегущих к нам Лидию и Олега.

Девушка, с ходу оценив ситуацию, подошла ко мне и, присев на корточки, спросила:

– Это те самые?

Я кивнула, но добавила подробностей:

– Рыжий был главным, я ему колено прострелила, а русого Федор

покусал, других я не знаю, в прошлый раз их не было, но Семен, один из наших мужиков, который в банде побывал, сказал их там около тридцати отморозков.

Олежек хмыкнул и слишком по-взрослому прокомментировал, бросив любопытный взгляд на дорогу за машиной:

– Было тридцать, теперь двадцать шесть...

– Помолчи уже! – Лида гневно посмотрела на мальчика и тот, смущенно замолчал, бросив виноватый взгляд на меня. А я, наконец, осознав его слова, встала и выглянула из-за машины, чтобы посмотреть, что же все-таки там происходит.

Павел, обвешанный оружием, контролировал дорогу, Кирилл с Русланом словно мешки с песком складывали трупы в багажник машины, на которой приехали кошки. Быстро что-то тихо обсудив, Руслан запрыгнул в машину и, резко вывернув руль, рванул в противоположную сторону от города.

Кирилл легкой для его массивного тела трусцой направился было в сторону грунтовки, где за поворотом стоял мой «кешар», но, заметив мой испуганный взгляд на себе, резко остановился и быстро подошел к нам. Павел же, в этот момент сгружавший в прицеп захваченное у бандитов оружие, коротко скомандовал Лиде и Олегу садиться в машину.

– Я возьму твою машину, надо забрать Руслана, он отвезет подальше этих придурков, чтобы со следа сбить. Ты тут сможешь кровь прибрать магией?

Я кивнула, вытаращившись на него, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заплакать. Он встал настолько близко, что мех жилетки касается его куртки, а я вижу свое отражение в его голубых глазах с черным кантом на радужке. Он нахмурился, разглядывая меня, потом спросил чуть более хриплым голосом, чем до этого:

– Испугалась? – я кивнула, чувствуя, как слеза побежала по щеке, а холодный воздух догоняет ее, остужая щеку. – Наверняка решила, что мы отдадим тебя... – я опять кивнула, виновато опуская взгляд. – Запомни! Никогда!

Я удивленно вскинула на него взгляд, а он лишь хмыкнул, потом, как мне показалось, не удержавшись, погладил пальцами по моей щеке, стирая влажную дорожку. Нахмурился, отнял руку и зачем-то приказным тоном сказал:

– Не плачь! Больше... – затем уже к Паше обращаясь: – Паш, возле того дома встречаемся, мы быстро.

И, не оглядываясь, побежал к моей машине. Я же, не отрываясь,

наблюдала за его движениями. Странно, но мне необыкновенно приятно смотреть, как красиво двигается его тело, быстро, плавно и легко. Хотя... так, будто это привычно для него... убить, а потом заметать следы, не испытывая лишних эмоций, но при этом его беспокоит мое состояние...

– Ты его зацепила! Сильно! – Я вздрогнула, услышав задумчивый голос Лидии и, приподняв бровь, вопросительно посмотрела на нее. – Садись в машину, мы их на месте нашего знакомства подождем.

Захотелось, чтобы она продолжила говорить о Кирилле, но Лидия молчала, пока я магией убирала следы крови на асфальте и всю дорогу, пока мы возвращались к месту, где мы встретились совсем недавно, но уже столько всего произошло.

Сумерки медленно опускались на землю, а я все сильнее нервничала. Мы уже полчаса ждали мужчин, а я переживала за дочь, которая сидит одна в доме и тревожится, ожидая меня. Еще я гадала, слышали ли на ферме выстрелы? И если да, то что предпримут. Долго сидеть в машине я уже не могла, поэтому, выйдя наружу, облокотилась на капот. Ко мне подошел Олег и, помявшись, спросил:

– А вы точно не против, чтобы мы здесь жили?

– Нет! Я улыбнулась мальчику, отвечая. – Не против, я только рада, что такие сильные мужчины поселятся рядом.

– Ты действительно так думаешь? – это уже Павел к нам присоединился с Лидой. Он обнимал ее сзади, крепко прижимая к себе. Девушка, полностью расслабившись в руках мужа, отклонила голову назад и, чуть прикрыв глаза, рассматривала меня.

– Да! В Васино выжили четверо взрослых мужчин, есть пара подростков двенадцати и шестнадцати лет, три женщины, включая меня, и четыре девчонки. У нас огромная ферма, правда, мы сократили поголовье, но все равно, работы непочатый край. В принципе, у нас есть все условия, чтобы жить нормально, но бандиты, которые в городе обосновались, не дадут нам жить спокойно. Пока они не знают где мы и сколько нас, но придет весна, или закончатся запасы еды в городе, и что тогда будет, можно предугадать. Они уже сейчас себе дармовую рабочую силу ищут и на базу свозят, а что дальше...

– А что, в городе нормальных мужиков не осталось?

– Не знаю! Я не выясняла, мне некогда было.

Павел, усмехнувшись, спросил:

– Тебя мужчины не интересуют, или ты просто по себе не нашла?

Я облизала губы, пересохшие от волнения, а потом ответила:

– Интересуют! У меня был жених, он в первую волну умер и мои

родители тоже. Но... мы разошлись с ним перед этим... а потом не до чего было.

– А если не секрет, почему разошлись, если уж женихом стал-то...

– Он магом... был. Это сложная тема, просто он был не моим мужчиной, а я это не сразу захотела понять.

Павел с пониманием кивнул, при этом добавил:

– В тебе оказалось чересчур сильным звериное начало, оно выбирает самого лучшего и подходящего именно тебе...

– Наверное, ты прав, Павел.

– Паша всегда прав, это дядя Кирилл так говорит. – Олег с детской непосредственностью вмешался в разговор, прижавшись к боку своего кумира и названного брата. – А дядя Кирилл говорит очень редко и только по делу. И никогда не врет и не ошибается.

Я удивленно посмотрела на мальчика, а он, заметив мои круглые глаза, добавил:

– Ну, так Паша, и Руслан говорят. Да я и сам это уже понял.

– Олежа, пересказывать все, что говорят твои дяди лучше не надо.

Мальчик, получив выговор от Павла, смутился и виновато опустил голову. Зато я не выдержала и спросила, нервничая все сильнее:

– Да где они пропали уже? Может что-то случилось?

– Ты за кого больше переживаешь: за Руслана или Кирилла?

Теперь пришла моя очередь смущаться, но я сквозь зубы процедила:

– За дочь! Она одна сидит дома и не знает, что со мной. Она и так слишком многое пережила, чтобы заставлять нервничать ее еще больше.

Павел нахмурился и пробормотал:

– Извини! Просто я хотел сказать, чтобы ты не боялась наших парней. Руслан, конечно, обормот еще тот, но он хороший и не подлец. А Кирилл... Ты уже в курсе, что он сур, так вот, он возглавлял одно из элитных подразделений ФОА. Привык приказывать и все контролировать, но если узнаешь его лучше, то поймешь, что надежнее друга не найти.

– Так почему он здесь? А не в Москане со своим отрядом. – Удивленно спросила.

Павел помрачнел, помялся, а потом все же ответил:

– Кир, Москана – одно сплошное кладбище. Пока мы сюда добирались, поняли, чем меньше городок, тем больше выживших. А Москана с ее плотной заселенностью и паникой... ее больше нет.

Побледнев, слушала его, затаив дыхание.

– Да, но неужели выжили только...

– Если ты на счет Кира интересуешься, то он был в сложном

состоянии. Болезнь победил, а сына потерял. Он умирал у него на руках, и это было слишком невыносимо... для такого как он, который не привык проигрывать.

Я спросила шепотом, чувствуя, как спазм сжимает горло, а слезы заполняют глаза:

– А его жена, ведь полиморфы...

– Мать его сына магиана, я так понял, что его рождение не планировалось и все случилось неожиданно для обоих, но суры слишком привязаны к своему потомству. Сына он воспитывал сам, а его мать жила своей жизнью и занималась карьерой. Всех устраивало. У Кирилла инстинкт защитника пока не был востребован и не сработал в отношении той женщины. Прости, Кира, но наш друг очень молчалив и, вообще, только последний месяц начал общаться с нами, а до этого мы просто благодарили судьбу, что он с нами. Он лучший боец, которого я видел или знаю, а нам пришлось через многое пройти, и уверен, только благодаря ему мы здесь сейчас.

– Спасибо за доверие. – Я столько важного, хоть и трагического сейчас узнала, и мне приятно было услышать откровенный рассказ.

– Я обо всем тебе рассказал, не потому что страдаю болтливостью, а хочу, чтобы ты не волновалась на наш счет. И вообще, имела представление о Кире и не боялась его или любого из нас. – Добавил Павел, заметив свет фар моего «кешара» в сумерках.

Я улыбнулась, чувствуя, как спадает напряжение, стоило мне заметить подъезжающую машину и выслушав Павла:

– Я понимаю и очень благодарна за это.

«Кешар», шурша шинами по гравийке, подъехал к нам и остановился. Из окна выглянул Руслан и осторожно спросил:

– Ну что едем к вам, Кира?

Кивнув, предложила:

– Вы на этом за нами, я же сяду за руль вашего.

Договорившись, мы сели в машину и двинулись в сторону моего дома. Во двор въехали, когда осенний вечер уже сменил короткий день. Гости выходили из машин, с любопытством рассматривая мои владения. В окне террасы мелькнула моська Лизы с круглыми от страха глазами, а затем мы услышали, как злобно рычит Федор. Приветливо улыбнулась, помахав обоим рукой, чтобы не беспокоились.

– Возьмите необходимые вам вещи и проходите в дом.

Открыла дверь и, первым делом успокоив Федора, обняла Лизу, крепко прижимая к себе теплое детское тельце. Уже через минуту в прихожей нашего дома столпилась небольшая компания. Мы разулись и прошли в гостиную, где сразу же возле стены образовалась внушительная горка из рюкзаков. Представила дочь и Федора гостям, пес обошел каждого, обнюхивая, принимая факт, что они друзья, а не враги. Лиза во все глаза смотрела на присутствующих, естественно, больше заинтересовавшись Олегом, а я тем временем предложила:

– У меня два варианта: первый – сначала поесть, потом помыться и отдыхать, второй – сначала помыться, потом поесть. Какой более актуальный?

Мужчины уставились на Лидию, а она, смешно сморщив нос, просительно на меня посмотрела и сказала:

– Кира, если никто не против, то я бы сначала поела чего-нибудь горяченького и жиденького, а потом и помылась бы с удовольствием.

Руслан расплылся в довольной улыбке, тиская за плечи Олега, который с интересом рассматривал Лизу, впрочем, как и она его. Павел с любовью преданно смотрел на жену, а вот Кирилл бесстрастно наблюдал за всеми и за мной, в том числе. Из-за его внимательного, но холодного взгляда стало не по себе. Я суетливо поправила свитер на бедрах, не зная куда деть руки, но тут в гостиную робко заглянул кот, видимо поначалу сомневался, а потом любопытство пересилило.

– А это наш Семен, – представила еще одного обитателя, который, однако, не спешил приближаться, настороженно замерев в проходе.

– Ух ты, какой рыжий красавец! – восхитилась Лидия, – кис-кис, иди знакомиться будем. Все сразу заулыбались, и Сема получил изрядное количество внимания и лести.

Своевременное появление эффектного кота окончательно сняло напряжение, все заметно расслабились, а я снова предложила:

– Лиза, покажи, пожалуйста, Олегу, где у нас баня, потом мужчины затопят печь, чтобы попариться. Лида, можно тебя попросить, если ты не сильно устала, конечно, помочь мне накрыть на стол.

– Я с большим удовольствием.

Все сразу принялись за дело: Лиза, смущенная и польщенная вниманием мальчика, отправилась с Федором показывать баню, мужчины пошли за ними, а мы с Лидой начали накрывать на стол. Нам повезло, мы

наготовили с дочей столько всего, в том числе и «горяченького и жиденького», что вполне можем быстро накормить столько голодных. Уже через десять минут мы все устроились в гостиной за большим круглым столом, заставленным разносолами и горячей пищей.

Когда гости насытились, а я, заваленная комплиментами моим кулинарным способностям, даже покраснев от удовольствия, наконец, решила начать разговор о том, что надумала за пару часов нашего знакомства. Предложив всем чаю, помявшись, спросила, посмотрев на Павла и Лиду:

– Э-э-э, скажите, вы не передумали после всего произошедшего недавно, здесь обосноваться?

Павел сидел сыто откинувшись на спинку стула, действительно напоминая медведя, а я, обведя всех отнюдь не мелких присутствующих глазами, лишний раз порадовалась, что у меня крепкая мебель. В свете единственного бра, освещающего гостиную, его золотистые волосы отливают красноватым цветом, который дает оттенок плафона. А тени превращают его добродушное лицо в таинственную маску. Даже сняв верхнюю одежду, мужчины не стали менее внушительными, а лишь продемонстрировали, что жирок им было некогда наращивать, а вот мышцы пришлось, чтобы выжить. Ну, а Павел вообще оказался самым крупным мужчиной, которого я знаю. Лида рядом с ним похожа на щуплого подростка, хотя излишней худобой не страдает.

Она весело посмотрела на меня и шутливо, но с легким напряжением в голосе спросила:

– Мы нет, а ты не передумала?

Я с облегчением вздохнула, поймав изучающий взгляд Кирилла, сидящего напротив. Он облокотился на стол и, подперев подбородок рукой, смотрел на меня. С трудом отвела от него взгляд, слишком заманчиво и впечатляюще выглядит в облегающей футболке с длинным рукавом, которая подчеркивает его широкие плечи и сильные руки.

– Нет, не передумала. И если вы согласитесь на мое предложение, назад лично мне ходу нет.

– Заинтриговала... – протянул Руслан, сладко потягиваясь, растрепал свои русые, коротко стриженные волосы, правда, это лишь добавило ему привлекательности и, судя по его хитрой лисьей морде, он об этом знает и беззастенчиво флиртует со мной.

– Как вы заметили, на моем участке два дома, и второй я могу отдать вам, Павел и Лидия. В твоём положении, Лида, лучше уже сейчас начать обживать свой дом, чтобы потом было проще. По соседству с нами есть

еще пять домов, я, правда, не знаю что в них и как, в смысле отопления и прочих удобств, но они вполне жилые. Каминны точно есть. Таким образом, у каждого из вас будет собственный дом и большой участок земли для личного подворья. На ферме можно взять скотину лишнюю, наши только рады будут, а еды у меня на всех хватит. Можно завтра же посмотреть дома и решить...

– Уже надоели и выгоняешь? – Руслан – вечный насмешник – наиграно печально сморщился и уставился на меня.

– Нет, конечно. Но если тебе делать нечего и на приключения тянет, то Лиде надо готовить детскую, вещи, пеленки...

– Полностью с тобой согласен, Кира. – Павел нахмурился, бросив раздраженный взгляд на друга, и продолжил: – Я рад, что у моей Лидуши, возможно, появится такая толковая и надежная подруга...

Посмотрела на Лиду, а она, поймав мой взгляд, с надеждой улыбнулась. Вот теперь и я расплылась в счастливой улыбке. Э-эх, похоже, жизнь налаживается...

– Я польщена и рада, что у Лизы будет еще один друг для игр, а то зимой, в морозы, по соседям не наездишься, а так только до соседнего дома дойти.

– Чей дом ты им предлагаешь, Кира? И откуда у тебя этот? – хрипловатый глубокий голос пробежался по моим нервам, от чего я вновь почувствовала себя неуверенно.

Сделав над собой усилие, посмотрела прямо в голубые глаза Кирилла, которыми он внимательно и заинтересованно изучал меня, в то время как сам расслабленно откинулся на спинку кресла. У-у-ух, какая мощная широкая грудь...

– Это мой личный дом. Сава настоял, чтобы я купила этот участок три года назад, но деньги я свои вкладывала, хотя, конечно, помогал строить, без его советов я бы не обошлась. А соседний Сава себе строил, но его нет, и теперь, если вы согласны, дом ваш.

– И кто такой Сава? – вновь в его голосе то ли недовольство, то ли презрение, отчего я почувствовала злость и странное желание зачем-то оправдаться.

– Это мой друг, и какое-то время он был моим женихом. Перед первой волной мы разошлись, а потом он умер. Не надо ехидничать на этот счет, он был достойным и уважаемым человеком, и благодаря ему, мне теперь есть где жить.

Я коротко рассказала, как умерли мои родители и Савелий. Руслан, глотнув уже остывшего чаю, с мрачной насмешливой недоверчивостью

спросил:

– И что, за столько месяцев не нашлось ни одного желающего прибрать к рукам такое сокровище? Такая очаровательная, сексуальная, ур-р-р, какая аппетитная и готовить умеешь и даже стрелять. Не женщина, а сказка...

– А ты сегодня с ними уже познакомился, Руслан... с теми желающими. Ну и как, одобряешь? Я решила, что троих многовато будет, даже для первого свидания, на второе решила не ходить, более того, тщательно его избегала. – Тихо, копируя его недоверчивый и насмешливый тон, объяснила причину своего женского одиночества, отметив, что Лиза с Олегом играют возле камина и нас не слушают, с горечью добавила: – А до этого знакомиться один подходил с тесаком и горячим желанием пообедать, судя по его намерениям, явно Лизой. Вон как наш сосед с пригорка, от всей его семьи только кот Семка живым остался, который теперь у нас живет, а его хозяина бывшего вместе с домом наши мужики сожгли. Как тебе такие кандидаты? Подходят?

– Прости, Кир! – Руслан помрачнел, Лида на него осуждающе глянула, а Павел с Кириллом обменялись непонятными взглядами. Но Руслан был бы не Русланом, если бы не спросил: – Кира, а ты как с оружием обращаться научилась?

– Да все благодаря Саве, он увлекался... – решив заканчивать на сегодня с откровениями, потому что еще к скотине идти и всех разместить надо, воспользовавшись временным замешательством, предложила, – ну что, на сегодня у нас осталась баня и спать?

– Ладно, поели, теперь в баню и спатеньки. Мужики, мы с женой моемся первыми, а то для нее там жарковато, мало ли что...

– Ну-ну... – ехидный выпад Руслана заставил покраснеть Лиду.

– Заканчивай со своими дурацкими шуточками! – устало рыкнул на него Павел

– Да что я, а вот Лидусю ты на девять месяцев вперед намыл... и чувствую, на жар она в тот момент не жаловалась...

– Русь...

– Вы мне лучше скажите, кому из вас нужна чистая одежда? – услышав как Павел предупреждающе рычит, вставая из-за стола, я поспешила вмешаться.

– Для Лиды у меня все здесь имеется, а вот мужчинам придется сходить в соседний дом, там Савелий запасы делал, и возможно что-нибудь найдем...

– После мертвого носить... – Руслан поморщился.

– Живых бояться надо, а не мертвых, но для тех, кто со слишком тонкой душевной организацией там и новая одежда имеется, говорю же – запасы, а не только старая или ношенная. – Мне снова пришлось пояснить.

Павел, скептически посмотрев на меня, уточнил:

– Кира, а твой бывший какого размера... был?

Поморщившись от такой постановки вопроса, ответила:

– Штаны коротковаты будут, однозначно, а по дому можно и без футболки походить. Ну, а остальным все подойдет. И раз уж у нас такая ситуация, то сегодня воспользуемся стиральной машинкой и энергию экономить не будем, зато завтра у вас будет своя чистая одежда.

Со мной все согласились. В этот момент Олег закашлялся, Лида потрогала его лоб, пожала плечами на молчаливый вопрос своего мужа и коротко пояснила:

– Нет, не горячий, но кашель мне не нравится, он все глубже. Да и Кир...

– Со мной все нормально...

– Ты меня прости, дружище, знаю – виноват, что вот так все вышло... – тут же среагировал Руслан на недовольный комментарий Кирилла, – поэтому давай не будем усугублять мою вину. Сейчас наши голубки помоются, а потом я вас двоих как следует попарю, и вся хворь выйдет.

Не глядя на Кирилла, все еще чувствуя в его присутствии неловкость, я решила предложить:

– Можно веничком, а потом медом грудь намазать и снова попариться, кашель как рукой снимет. А потом на ночь мед с молоком выпить. Мне Михалыч советовал, а то Лиза после того как переболела, иммунитет... Короче, тоже кашляла, ей помогло.

Лиза обняла меня за талию двумя ручками и восторженно закончила мою речь:

– Наш демаро – самый лучший и самый умный, он нас все время лечит от хвори, от дури и спасает мамины нервы и...

– Без сомнения, милая, – остановила я детские откровения о своих проблемах, – Лиза, сходи поищи для Олежки из своей одежды спортивные штаны и майку. Те, что мы на вырост отложили.

После высказывания дочери Руслан и Павел опять посмотрели на меня, приподняв брови, а в их глазах светилось любопытство. Вздохнула и пояснила:

– Михалыч – теперь наш командир и батька для всех. Ему двести семьдесят лет и он хавшик. Своих детей у него нет, и мы с Лизой теперь его семья. Он ближе всех к ферме живет, за скотиной присматривает.

Я чувствовала холодный взгляд на себе и поэтому решила проверить, резко посмотрев на Кирилла. Оказалось, он наблюдает за мной скорее с любопытством, слегка прищурившись, и холода в глазах совсем немножко... А может это лишь игра света одинокого бра на стенке?

Снабдила Лиду и Павла полотенцами и одеждой, а сама, накинув жилетку, уже хотела пойти в соседний дом, но Руслан и Кирилл ожидаемо увязались за мной. Пока мы шли в темноте по дорожке из плиток, я чувствовала себя все более неловкой и незащищенной без Павла с Лидой и сейчас наиболее остро ощущала себя наедине с двумя оборотнями: один из которых сур, а второй – лис.

Лисы часто работали в торговле, банковской и особенно политической сферах, обладая внутренним чутьем и изворотливостью, но при этом соблюдая свой жесткий кодекс правил и чести. За это пользовались уважением и доверием, несмотря на врожденную хитрость и некоторую легкость в нравах и поведении.

Суры после исчезновения медведей-полиморфов стали самыми крупными и опасными оборотнями, относящимися к семейству волчьих. В большинстве случаев это военные или госслужащие, выполнявшие специфическую работу для правительств. Встречались редко, хотя вполне возможно на самом деле их больше, потому что свое второе лицо крайне редко кому-либо демонстрировали, опасаясь многих отпугнуть. Уж слишком у них непредсказуемый и мрачный характер. Но при этом, как говорили, суры прекрасно выдержаны, бесстрастны и терпеливы, особенно когда задумывали кому-нибудь отомстить.

Лет пять назад в новостях долго муссировали один случай из жизни суров. Маленький сур стал свидетелем убийства его родителей в одном из государств ЕвроАзеса. Он знал кто убийца, но ему никто не поверил, а может и не захотел поверить. И этому мальчику, которому так рано пришлось повзрослеть, потребовалось тридцать лет, чтобы вырасти и занять место в обществе, позволившее осуществить свою месть. В тот момент, когда он выступал на суде, я смотрела на него по телевизору. И хорошо запомнила его лицо, на которое были направлены сотни телекамер, так вот, у меня возникло ощущение, что со временем его месть стала лишь слаще и крепче, так его пьянило от удовлетворения.

Сейчас же я шла с этими практически незнакомыми мужчинами в темноте и опять боялась. Боялась обмануться в очередной раз. Голос Кирилла над моим ухом заставил, чуть ли не подпрыгнуть от страха и неожиданности.

– Где у тебя оружие хранится? – в его голосе проявились

отчужденность и легкое раздражение, видимо отметил мою реакцию на него. – Не бойся меня, я никогда не причиню тебе вреда или боли... специально.

Последнее дополнение заставило усмехнуться. Слухи о беспредельной честности суров тоже ходили, иногда в виде анекдотов. Вот и сейчас вроде успокоил, но давая обещание, уточнил его границы и исключения из правил... Странно, но именно этот факт заставил довериться окончательно именно ему.

– Все не забираете. Договорились?

Кирилл остановился и, блеснув в лунном свете глазами, с насмешкой спросил:

– А тебе лично оно зачем?

– Ну, э-э-э, я...

Мое невнятное блеяние в попытке переварить столь категоричное не то вопрос, не то заявление, прервал Руслан:

– Детка, мы здесь, а наши дамы не стреляют. Расслабься, мы рядом.

Теперь уже пришла моя очередь хмыкнуть и возразить:

– Я, конечно, рада, что вы всю стрельбу на себя хотите взять, но со СВОИМ оружием я и сама неплохо справляюсь и чувствую себя при этом гораздо спокойнее. Да хоть тех же собак припугнуть.

– Тебе это сегодня не сильно помогло. – Кирилл бросил эту фразу и пошел дальше, заставляя меня спешить за ним.

– Если бы не вы, я бы туда вообще не поехала...

– Что, всю жизнь так и провела бы за забором?

– Кирилл, ты сам понял, что сказал? Я понимаю, что конкретно вы бы и без меня с той стаей справились, а если бы на вашем месте кто-то другой оказался, более слабый, что ты предлагаешь? – сорвалась, не сумев сдержать обиду

– Девочка, я предлагаю доверить мужскую работу нам. Занимайся женскими делами...

Я вспылила, услышав его убежденный ответ и рекомендации:

– Знаешь, Кирилл, сегодня ты здесь со мной, а если завтра я забуду как карабин в руках держать, а ты исчезнешь или другое развлечение, или цель в жизни найдешь, чем нас сирых и убогих защищать. С чем я тогда останусь? С бандой наедине и без оружия?

– Послушай, Кира, если мы решили остаться...

Руслана прервал жесткий голос Кирилла, который к тому же и за локоть меня прихватил, подтягивая к себе. Темнота не позволила точно различить эмоции на его лице в слабом лунном свете, но в его голосе и

всей фигуре, внушительной массой нависшей надо мной, звучала непоколебимая уверенность и твердость:

– Я обещаю тебе, что без моей защиты ты не останешься и твоя девочка тоже. Вне зависимости от того, что будет дальше, ты одна больше не останешься! – А еще мне почудилась небольшая толика нежности, хотя...

Осторожно высвободила руку, а потом спросила, в очередной раз гадая, какой черт в меня вселился с появлением этого мужика:

– А с чего такая уверенность и желание помочь ближнему?

Короткий смешок, а потом Кирилл интригуяюще ответил:

– Я тебе потом расскажу, а сейчас поздно, темно, и у нас есть более важные занятия.

Пожав плечами, быстро выдвинулась вперед в направлении склада, где хранилось в тайнике оружие. Когда отодвинулась стенка, и я осветила пространство тайника фонарем, Руслан присвистнул с радостным предвкушением и восторгом:

– Оба-на, вот это праздник души... Откуда дровишки, хозяйка?

А мне было приятно наблюдать, как оба мужчины привычными движениями касались оружия и проверяли его боеготовность. Я даже залюбовалась, глядя на неторопливые, привычные движения Кирилла, когда он словно ласкал цевье карабина своими сильными руками.

– Серьезные игрушки, насколько я знаю, полуавтоматические зауэры запрещены к продаже гражданским...

В голубоватом свете фонаря глаза Кирилла приобрели странный серебристый оттенок, а черная кайма словно заполнила весь белок. Жутко, но притягательно... Поймав себя на этой мысли, ужаснулась – о чем я вообще думаю в такое время?! Именно эти мысли заставили поспешить с ответом и привычно оправдываться, словно закон еще существует:

– Мы несколько месяцев назад военную базу посетили, впрочем, не мы одни. Наши мужики встретились там с бандюками и еле удрали. Так что нам повезло прибрать к рукам хотя бы это оружие, те, скорее всего, выгребли все что осталось.

Руслан опять присвистнул мрачно:

– Да-а-а, весело тут у вас, хотя как и везде. Но чего-то мне надоело уже ввязываться в драки и побоища...

Кирилл прервал друга, причем неприятно тяжелым жестким голосом:

– Неужели? Это тебе после Злотича или Миргорода надоело? А то так сразу и не поверить... ты с таким энтузиазмом в г... ныряешь и нас туда же тянешь, как будто особое удовольствие от этого получаешь.

– Кир, ну я же уже извинился... ну, я не хотел...

– Ага, это все бабы виноваты или твой язык несдержанный... – злость Кирилла пошла через край, судя по тому, как он цедил слова сквозь клыки.

Но Руслан не испугался. Неожиданно смутился, услышав про баб и язык, но бросив на меня взгляд и заметив мое искреннее любопытство, поспешил оправдаться:

– Сам знаешь, что в Злотиче глупо вышло, и не моя вина, что Света не сказала, что она в паре уже. Эта стерва меня окрутила, а потом в кусты, стоило ее волчаре на горизонте нарисоваться...

– А в итоге, нас чуть всех там не положили, и Олег болеет... – Руслан вскинулся и зарычал, сжимая кулаки, но Кирилл, склонив набок голову, со злой насмешкой наблюдал за ним, уперто стоя на своем:

– Я извинился уже, не раз и не два. Я все осознал: и глупость свою, и болтливость, и вообще, задрали вы меня с Пашкой своими нравоучениями.

– Так если бы ты учился на своих ошибках, про чужие я промолчу, но ты же каждый раз на одни и те же грабли наступаешь. С тобой опасно иметь дело, потому что ты как неразорвавшаяся граната – не известно когда рванешь.

Руслан приподнял ладони, словно защищаясь от злого холодного тона своего друга:

– Все, Кирилл, все! Я понял, осознал и принял к сведению. Похоже, у тебя инстинкт защитника зашкаливает, раньше тебя мое поведение не больно трогало.

– Трогало, но это было раньше и лично меня не задевало, а теперь ситуация в корне поменялась.

Руслан закатил глаза, сверкнув в свете фонаря белками глаз, а затем устало и обреченно вздохнул:

– Ну все, теперь вы меня оба с Пашкой достанете...

– Знаешь, лис, тебя это тоже коснется, и ты поймешь нас...

Мне было чуть неловко от их недомолвок, и вообще, стоим тут в холодном складе при свете фонаря, ругаемся, а Кирилл, как сказала Лида, простужен, и Олег. Я решила вмешаться в их разборки:

– Мальчики, может вы в доме все вопросы утрясете, не май месяц, – зябко и недовольно передернула плечами, – а сейчас нам еще за одеждой для вас идти, мыться и спать. Может для вас такое в порядке вещей, но я порядком устала, а ваши склоки оптимизма не добавляют и спокойствия тоже.

Мужчины переглянулись, хмыкнули, а потом Кирилл, помявшись, ответил:

- Прости, волчонок, мы увлеклись...
- Волчонок? – удивилась я. – С чего бы такое?

Помолчав мгновение, он пожал внушительными плечами, а потом спокойно пояснил:

– Ну, на волчицу ты реально не тянешь, кровь разбавлена сильно магией, и характер не тот, а на маленького ершистого волчонка очень даже похожа.

Я фыркнула, оскорбившись, потом плюнула мысленно и активировала закрытие тайника. Мужчины уже выбрали себе оружие. Затем решительно, молча направилась к Савиному дому, который теперь принадлежит Павлу и Лиде. Но через минуту, уже открывая двери, не выдержала и пробубнила, чуть повернувшись к Кириллу:

– Смотри, как бы я тебе прозвище не придумала, а то будешь пупсиком каким-нибудь...

- А давай, волчонок, вдруг мне понравится быть твоим пупсиком?!

Кирилл придержал дверь, пропуская меня вперед, и вроде отпарировал не зло, но двусмысленно, и этим задел. Он зацепил мое внимание сразу, с первого взгляда. Да, пугал своими холодными глазами, выверенными несуетливыми движениями, привычками профессионального военного, а может и убийцы, уж слишком обыденно он расправился с бандой кошек, и эмоционально это его никак не задело, но в любом случае я реагировала на него. С первого момента реагировала конкретно на него, надеялась, что останется именно он, и неосознанно даже расслабилась, узнав, что женщина принадлежит не ему, а Павлу.

Это все напрягает, выбивает почву из под ног, заставляет суетиться, нервно тереть ладони об штанины и искать двойной смысл во всех его жестах или словах, или взглядах на меня. Вот его отношение ко мне вообще настораживает: все время бесстрастный холодный взгляд, а потом неожиданное высказывание его лично или его друзей ставит в тупик и заставляет гадать, о чем вообще речь, и как к ним относится и к их словам... Р-р-р-р, как меня выводит собственная неуверенность и пока непонятная ситуация с новыми союзниками и, надеюсь, друзьями.

Буквально за минуту осмотрели дом в слабом свете лампочек, которые мы подключили, а потом пошли выбирать необходимые вещи. Кирилл не капризничал, а быстро выбрал себе и Павлу пару спортивных брюк, носки и футболки. А потом, обреченно наблюдая за Русланом, который придиричиво рылся в шкафу, резко обернулся и, поймав мой настороженно-любопытный взгляд, спросил:

- Почему ты не выбрала этот дом? Он же больше.

Помялась, но ответила, не отводя взгляд:

– Потому что он не мой, и строил его Сава для семьи... в создании которой, я ему отказала.

– Почему? Семью не хотела или...

– Я его больше не хотела, так получилось... – моя неуверенность проскользнула не только в глазах, но и в голосе. – Надо было сразу все расставить по местам, а я... Не знаю, просто тогда все было иначе: и родители были живы, и друзья, и Сава был другим – вся жизнь была другой. А потом все резко начало меняться, и я – тоже. Я поняла, что мне нужен не он. Дед говорил, что во мне сильна кровь полиморфов, и выбирать своего мужчину буду не разумом... Павел тоже так сказал...

Взгляд Кирилла заметно потеплел:

– Я тоже это почувствовал, и не волнуйся, проблема с выбором отпала сама собой.

– В каком смысле... отпала? – опешила и с недоумением уставилась на него.

– Помыться бы нам. И да, ты обещала Олегу меда... А для меня не жалко?

Пожала плечами все еще в недоумении, поглядывая на него:

– Да нет, конечно, не жалко.

Обратно мы возвращались рысью. Павел и Лида все еще мылись. Олег с Лизой сидели за столом и играли в настольную игру, причем Олег с видом всезнайки учил девочку правилам, разговаривая с ней наставительным голосом. Но Лиза не жаловалась, а с интересом прислушивалась к словам мальчика. Ей надоело играть одной и в основном со мной, и сейчас она была готова вытерпеть что угодно, лишь бы общаться с новым другом.

Пока парились мужчины, я занялась своими животными, надо было подоить своих коровок, этим и занялась. Утомонились все уже поздно вечером, когда луна царила на небесах, а часы показывали десять вечера. За последние месяцы мы с Лизой привыкли рано ложиться и рано вставать. Жизнь деревенского жителя и фермера заставляет подстраиваться под своих питомцев, а не наоборот.

Уже лежа в кровати, я прислушивалась к ночным шорохам и гадала, что сейчас делает Кирилл. Лежит ли так же как и я, не в силах утомонить свое взволнованное сердце, или спит, бесстрастно закрыв глаза и отрешившись от событий сегодняшнего дня. Может я все преувеличиваю: и его слова, и его поступки, и даже собственные чувства, и... «Все, надо спать, а то слишком бурный и длинный день сегодня выдался...» – мой

шепот чуть-чуть разбавил тишину этой осенней ночи и быстро смешался с другими звуками деревенского дома.

Сегодня я впервые за последние несколько месяцев, спала не просыпаясь от любого шороха, хватаясь за пистолет. Я, можно сказать, спала как убитая.

1 ноября

Быстро одевшись, на цыпочках спустилась вниз. Утро предрассветными сумерками заглядывало в окно и легкой прохладой бодрило тело, заставляя быстрее проснуться, чтобы приступить к привычным ежедневным обязанностям.

В моем доме всего десять комнат и пять из них – спальни. В то время когда мы планировали его, жизнь была безоблачной, комфортной и обеспеченной. А после произошедшего с нашим миром пришлось часть комнат превратить в складские помещения. Таким образом, на первом этаже жилыми остались гостиная, столовая с кухней и кабинет. На втором этаже комната Лизы, моя спальня и еще одна комната, в которой несколько раз ночевал Михалыч, когда задерживался допоздна, помогая нам. И вчера, размещая своих гостей, пришлось повозиться, чтобы всем было удобно и комфортно. Так Лида с Павлом разместились в комнате Михалыча, Олег – в Лизиной комнате, Руслан выбрал кабинет с большим, удобным, кожаным диваном, а Кирилл решил, что он займет такой же диван в гостиной напротив камина.

Так что сейчас я тенью скользнула по ступенькам вниз, стараясь не шуметь и дать гостям отдохнуть подольше. На пороге гостиной задержалась, скорее угадывая под одеялом очертания великолепного тела загадочного сура. Дыхания практически не слышно, а мощная грудь мерно опускалась и поднималась.

Вздохнула, чувствуя странное томление во всем теле, стоило увидеть его или даже подумать. Тряхнула гладкими шоколадными прядями, ощущая как они скользнули по плечам, словно сбрасывая наваждение. К их длине я уже привыкла, хотя волосы скорее мешались и лезли в глаза, но по стриженному былому великолепию я не печалилась. Слишком много других проблем и забот.

Надела рабочий костюм и покрыла голову платком в небольшой подсобке, выделенной для этих целей (опять-таки местные научили), взяла ведро-подойник, миску и отправилась по делам, с удовольствием слушая, как Федор цокает когтями по дощатому полу, следуя за мной к выходу. Пока

самым постоянным компаньоном по утрам оставался Фед, регулярно сопровождая меня, заодно не упуская возможности порезвиться во дворе, что в доме запрещалось категорически. Кот с наступлением холодов предпочитал отсиживаться дома, выбегая исключительно в случае необходимости.

Зайдя в коровник, ласково потрепала по пятнистым бокам своих черно-белых коровушек, и понеслось: мыла, доила, кормила, чистила своих уже любимых питомцев.

Обратно вернулась через час, когда солнце с любопытством заглядывало в окна, приветствуя наступление нового дня. В руках я несла ведро парного молока и миску с несколькими яйцами. Скинула верхнюю рабочую одежду и, едва переступив порог, чуть не вскрикнула, потому что совершенно неожиданно ведро тут же перехватили у меня из рук, одновременно с этим подхватывая меня за талию, чтобы резко не отшатывалась.

С колотящимся сердцем подняла лицо, чтобы посмотреть, кто меня так напугал, хотя уже, наверное, подсознательно поняла, что это Кирилл.

Он стоял босиком и в одних спортивных штанах, глядя на меня сверху вниз. Я сразу же неосознанно отметила, что наша разница в росте вполне комфортная для поцелуев...

«Тьфу ты!» – мысленно одернула себя, усмиряя разгулявшееся воображение, стараясь взять себя в руки, и начала отстраняться от мужского тела... слишком горячего и такого притягательного. Странно, раньше я за собой такой гормональной активности не замечала, даже когда была с Савелием, тому приходилось долгой прелюдией будить мое либидо и вызывать ответное желание. Я себя часто считала холодной, а как оказалось, меня возбуждает один лишь взгляд на этого мужчину в низко висящих на бедрах штанах.

Р-р-р-р, какое восхитительное зрелище... эти штаны... и узкая талия... и мощная развитая грудь... и... Тьфу ты, опять меня понесло. Над ухом, взметнув прядку волос, раздался тяжелый вздох, и Кирилл с едва уловимым рычанием, довольно тихо спросил:

– Ты всегда в такую рань встаешь? Увидев тебя в дверях час назад, я думал ты пса выгулять хочешь или самой приспичило, но ты там целый час пробыла...

Я оторвала взгляд от весьма занимательных штанов и посмотрела в глаза мужчине, в утреннем свете их глубина и яркость только усилились.

– Так у меня же две коровы. Доить нужно рано утром и вечером, а то из-за молока им не комфортно и они мычат... А заодно и покормила всех

остальных животных, чтобы потом спокойно вами заниматься.

Его рука все так же лежала на моей талии, и я ее ощущала всем телом, другой – держал ведро с молоком, и я заворожено разглядывала рельефные мышцы рук и груди, не в силах отказать себе в этом эстетическом удовольствии. Волос на его груди почти нет, кожа такая вся гладкая, смуглая, а от пупка спускается вниз за резинку штанов черная дорожка. Проследовав взглядом до этой резинки, я резко отвела глаза и, смутившись, уставилась в стенку напротив. И... в тот же миг покраснела до свекольного цвета. Потому что напротив большое зеркало, и в нем мы отражались вдвоем с Кириллом.

Славная милая парочка: здоровый полуголый мужик в одних штанах и, если меня не обманывают мои голодные глаза, с приличным таким бугром в положенном месте, держит ведро с молоком, а рядом с ним стройная женщина с округлыми формами, которыми, хорошенькое дело, она прижимается к этому самому мужику, при этом сверкая красными щеками, а карие глазки буквально светятся от восхищения и вожделения, губки уже красные, от того что я их кусаю от напряжения, и все это прекрасно видит в зеркале Кирилл. А ничего так, по-домашнему смотрится, душевно... Да и сам он посветлел, даже побриться уже успел, и в глазах нет привычного недоверия и настороженности...

Пару мгновений понаблюдав занятную картинку и осознав собственный стыд, отшатнулась от него и, юркнув мимо, понеслась на кухню. И только оказавшись среди своих кастрюлек и плошек, смогла перевести дух. Прижав руки к горящим от стыда щекам, даже сжалась вся.

– Позорище! – я скорее выдохнула, чем прошептала, но у полиморфов чуткий слух, и появившийся за спиной Кирилл услышал мое мнение по поводу моего же поведения.

– А мне понравилось! – его скорее довольное урчание, чем привычный тон, заставило опять вспыхнуть мои щеки и за компанию с ними – уши и шею.

Мужчина, окинув меня веселым взглядом и поставив ведро, качнул головой и нарочито обреченно произнес:

– Та-а-ак, понятно, мне посчастливилось нарваться на скромную маменькину девочку! – Я в недоумении вскинула брови, потом нахмурилась, потому что в голову пришли не совсем радостные мысли, но их тут же заставили исчезнуть последовавшие слова Кирилла: – Но я только рад! – Он развернулся и, демонстрируя мне впечатляющую спину, где мышцы, можно сказать, жили в тесноте, да не в обиде, удалился из кухни. Правда, напоследок до меня долетело его пожелание. – Да, кстати, я

очень блинчики люблю с вареньем...

– Да-да, всенепременно...

И хоть мой ответ был попыткой съязвить, но постояв пару минут, вздохнула и начала быстро готовить блинчики. И не буду даже кривить душой, что это я делала себе или для других. Для него я их пекла! Гад!

На запах еды вскоре начали собираться остальные гости. Руслан, на ходу приглаживая волосы и почесывая живот, в кое-как наспех натянутой майке и штанах, потом Лиза притащила за собой сонного Олега, но сразу проснувшегося, стоило ему увидеть аппетитную горку пышных блинчиков. К слову сказать, парнишке баня помогла, выглядел он гораздо лучше. Последними пришли Лида с Павлом, и я в очередной раз подивилась этой парочке – прямо как из сказки про Машу и Медведя. Пока они спускались по витой лестнице со второго этажа, я умилялась и завидовала, с какой предупредительностью и заботой Павел вел свою жену. На последних ступеньках она запрыгнула ему на спину и с задорным смехом уже на мужниных закорках добралась до стола.

– Знаешь, Кирюш, я уже завидую твоему будущему мужу. Каждый день сплошной праздник живота...

Лида, услышав Павла, который засовывал в рот очередной блинчик, обильно одобренный вареньем, насупившись, спросила:

– А себе ты не завидуешь? Я тоже готовлю, маг-воздушник, универсальный парикмахер, вон вы все у меня какие модно постриженные...

– Да-да! Лидуша, себе я завидую больше всех...

Лида попыталась сохранить обвиняющее выражение на лице, но взглянув на активно жующего мужа, в глазах которого плясали смешинки, рассмеялась с добродушной подколкой:

– Какой-то ты слабый завистник, Павлуша, я вот себе гораздо больше завидую, а ты плохо стараешься...

Кирилл, который все же надел на себя футболку, длинными пальцами макнул блинчик в растопленное масло и, откусив кусочек, зажмурился от удовольствия. Потом прожевал и насмешливо заметил:

– А я не завистливый, я деятельный...

Руслан сейчас наслаждался горячим какао, оказалось, они с Олегом и Лизой большие любители и почитатели этого напитка, впрочем, как и я. Сделав глоток, он хмыкнул, через мгновение бросил взгляд на Кирилла, на Павла с Лидой и заметил:

– Один я ущербный выходит, может мне тоже деятельным стать?

– Не нервируй меня, лис, а то твоя ущербность увеличиться может... –

голос Кирилла был ленивым, но с явно слышавшимися предупреждающими нотками.

Руслан, снова хмыкнув, добавил:

– Да ладно, сур, с этой стороны все ясно уже, так что не кипишуй. – Я заметила, как Кирилл наградил друга холодным взглядом, в котором голубая радужка снова покрылась серебристой корочкой льда, а еще отметила, что Руслан часто использует дворовый сленг.

Помимо политики и торговли, лисы подвизались на ниве воровства и шулерства – у них в этом виде деятельности тоже свои таланты присутствовали. Я внимательно посмотрела на мужчину и, соотнеся с ним свои домыслы, решила, что с его слабенькой магией воздушника это вполне вероятная сфера деятельности, с которой он был связан в прошлом.

Резко повернувшись ко мне, Руслан успел поймать мой изучающий взгляд. Его красивые полные губы раздвинулись в усмешке, но мне показалось в ней просквозила печаль, потом он наклонился ко мне совсем близко, заставив почувствовать приятный мужской аромат и завораживающе промурлыкал:

– Пытаешься разгадать меня? Разобрать все нутро по полочкам? Значит интересен!

Я смутилась, а он, заметив мои вспыхнувшие щеки, наклонился еще ближе к моему уху, так что его горячее дыхание касалось кожи и шевелило прядки, вызывая щекотку:

– А может тогда мы поторопились с выводами? – перевел взгляд лукавых карих глаз на сура и закончил. – А, Кирилл?

Кирилл молча встал, отставил стул и скомандовал:

– Нам пора в город! Кроме Паши и Киры я с собой никого не возьму. – заметив, как побледнела Лида и уже готов возмутиться Руслан, пояснил: – Кира возьмет фотоаппарат. Как я понял, она жила в одном районе с родителями Лиды, значит, знает куда ехать. В твоём положении, Лида, тебе туда соваться нельзя! Болезнь может быть опасна для беременной, и сама подумай, тлен вокруг, холод и грязь – это нормально для тебя?!

Девушка грустно кивнула, безмолвно соглашаясь с ним, но теперь уже Павел заговорил убеждая:

– Лидуша, я все сфотаю и ты убедишься, что это твой дом, квартира... и все остальное тоже. Рус, а ты присмотришь за нашим детским садом, сам понимаешь, мало ли что...

Пока они обсуждали, я пыталась успокоиться в преддверии поездки. Но все равно боялась, хотя они меня еще вчера попросили проводить в город, но страшно однозначно. Прав Павел, мало ли что...

Мы загрузились в мой «кешар» и резво тронулись с места. Сидя на заднем сиденье, с тоской посмотрела назад, в воротах стоял Руслан и, хмурясь, смотрел нам в след.

– Не волнуйся, Руслан за ними присмотрит... или ты уже по нему скучаешь? – Кирилл повернулся в кресле и с холодным любопытством вперился в меня.

– А ты что, ревнуешь? – не скромничая, прищурилась и спросила таким же холодным голосом. Он смотрел все так же, не меняя позы и молча. Не дождавшись ответа, призналась сама: – Я боюсь ехать в город. Боюсь за Лизу, она одна с чужими людьми, а я с вами... тоже одна. А там бандиты!

– Не доверяешь? Опять? – Кирилл оценивающе прищурился. Глаза потемнели и черная кайма, залила голубую радужку практически полностью

– А должна? Я помогла вам, вы – мне. Никто никому ничем не обязан, разве не так?

– Волчонок, в это время все должны жить мирно и вместе, а ты все отдаляешься... У каждой женщины должен быть свой мужчина, защитник, иначе в одиночку тебе не выжить.

Будто я без него не знаю как мне трудно, но еще труднее довериться кому-то и, не приведи Сила, разочароваться. И вот как, спрашивается, к ним относиться, если один за редким исключением хмурится и замыкается в себе, производя впечатление ледяной глыбы, а другой – наоборот – балагур и рубаха-парень. И между собой уже не раз погрызлись.

Мы выскочили на трассу; Павел уверенно повел машину к городу. Он поглядывал на меня в зеркало заднего вида, но не вступал в наш с Кириллом разговор.

– А ты что, себя мне в спутники прочишь или еще кого? – я спросила со злым ехидством, но почувствовала, как звучит мой голос со стороны: зло и... тоскливо. Сглотнула горькую слюну и, отвернувшись к окну, коротко добавила, пока Кирилл не успел ответить: – Прости! И на этом все, давай не будем продолжать этот глупый и бессмысленный разговор. Через десять минут как в город въедем надо направо завернуть, – последнее указание я дала уже конкретно Павлу.

Через полчаса мы подъезжали к нужному дому. Весь путь по городским улицам проделали в тишине, и только я коротко указывала куда ехать. С каждым прошедшим после второй волны эпидемии днем, улицы города приходили во все большее запустение.

Неестественная тишина вокруг, стаи собак бродят по улицам, ветер

носит мусор по пыльным, уже кое-где занесенным снегом дорогам. Редкие люди, которые, завидев нас, исчезали в подворотнях. Замерзающий, опустевший город, лишенный тепла населявших его когда-то людей. Мне чудилась его тоска по тысячам спешащих ног, разговорам, свету фонарей на ночных улицах, по праздникам, по шороху шин на асфальте, а сейчас он пуст и одинок, и только редкие кусочки его души бродят едва заметными тенями, опасаясь друг друга.

Сверившись с адресом, который мне написала Лида, и убедившись, что мы приехали правильно, занялись подготовительной работой. Я создала вокруг своих спутников магический защитный кокон и, прихватив фотоаппарат, мы направились в подъезд, при этом я все фиксировала на камеру.

Чуда не произошло, и живых мы там не обнаружили...

Страшный груз левитировал за нами с помощью магии, завернутым в специальный большой мешок, я спускалась последняя и, не думая о том, что подумает Павел, крепко держала Кирилла за руку еще с того момента, как мы только зашли в квартиру и увидели их лежащими вместе.

Его горячая большая ладонь дарила хоть какое-то спокойствие и чувство безопасности. Служила якорем в этом безумном и страшном сейчас мире.

Лида с Павлом сегодня утром договорились, что если мы найдем ее родителей мертвыми, то доставим на кладбище в Васино и там захороним. Весь наш путь домой много времени не отнял, хотя мы и ехали обратно медленно из-за нашего груза, жуткой тенью плывшего за нами с помощью магии. Новоявленных хозяев города мы не встретили, за что я им очень благодарна...

Мешок с останками Лидиных родителей оставили на кладбищенском пригорке и рванули к дому.

На подъезде к дому, я заметила Михалыча, который ехал на своем мерине к нам. Остановились, я приоткрыла окно, поздоровалась и представила мужчин старому хавшику. Самое интересное, что обменявшись внимательными взглядами, Кирилл и Михалыч скупно улыбнулись друг другу. Павел тоже, но его улыбка как-то привычнее, чем едва заметная, хоть и искренняя улыбка Кира.

Во двор мы заехали все вместе. Руслан, закрыв за всеми ворота, встретил хавшика вопросом с добродушной миной на лице:

– Так это и есть тот самый демаро, который самый лучший и который, бедняга, только и делает, что вставляет мозги нашей Кире и лечит ее расшатанные нервы...

Я покраснела, разозлившись, но уже скоро хохотала вместе со всеми. Михалыч, посмеиваясь, потрепал меня по плечу серой шелушащейся рукой и ответил. Чувствовалось, что ему очень приятно было слышать эти слова и вообще, что мы с Лизой так о нем отзывались.

– Наша Кирочка сама кому хочешь, мозги вправить может, просто все эти события ее немного дезориентировали. Эта девочка в подобных обстоятельствах ведет себя так, как некоторые мужики не способны. Молодчинка она!

Так, переговариваясь, мы толпой пошли в дом, наружи остались Олег и Лиза, решившие погулять во дворе. Скорее всего, Олежек захотел обследовать свои новые владения. А нам было проще в их отсутствие сообщить Лиде о смерти ее родителей.

Было грустно и горько вновь стоять на холодном ветру и смотреть, как Павел и Руслан закидывают землей импровизированный и наскоро сколоченный гроб на двоих. Михалыч спел поминальную песню, Лида произнесла проникновенную речь, в конце расплакавшись на груди мужа, а я стояла молча и привычно страдала от холода не столько снаружи, сколько внутри. Весь этот год, с прошлого декабря, и вот уже ноябрь начался, прошел под знаком смерти, боли, страха и одиночества.

Эх, и прижаться не к кому... хоть и хочется. И Лизу с Олегом мы оставили дома, решив что нечего им на кладбище делать. Сноровистый Олежек сейчас на стол накрывал, чтобы помянуть усопших.

Порыв ветра принес снежные хлопья, которые тихо падали вниз, кружась вокруг нас, создавая сказочный, но мрачный антураж. Множество могил, покосившихся крестов, сожженная церквушка на фоне серого неба, свежий пригорок из черной земли, вокруг которого стоят люди, – все это медленно покрывалось белой пушистой пеленой.

Едва слышный скрип снега под подошвой внушительного ботинка, а в следующее мгновение сильные руки обнимают мои плечи и прижимают к большому телу. Приподняв лицо, соприкасаюсь взглядами с Кириллом, который с сочувствием смотрит на меня. Не знаю, что заставило тихонько спросить, но язык уже не слушался меня:

– Они одновременно умерли... твои жена и сын?

Голубые глаза заledenели, а его тело стало деревянным, но голос звучал ровно:

– Один за другим, но она не была моей женой, мы познакомились в баре и оба искали лишь секса. Потом встретились еще пару раз, а через месяц она сообщила, что беременна от меня. Честно, я не поверил, все же я контролировал... хм-м, процесс, но согласился содержать ее и признать

ребенка своим... если это окажется правдой. – Мужчина ненадолго замолчал, вернувшись мыслями в прошлое. – Ник был моим сыном – она не обманула. С первых дней его рождения она отстранилась от нас обоих, ограничившись требованием алиментов, так сказать, компенсации за невмешательство... А зная ее неприятный для длительного и тесного общения характер, меня это устраивало.

– Разве ты не мог подать в суд на... – удивленно прервала его.

– Мог! – теперь меня прервал он, поморщившись от воспоминаний, – но это мой сын, а она хоть какое-то отношение, но имела к нему. Да и она женщина из той категории, что не погнушается ничем. Я возглавлял специальный отряд антитеррора по ликвидации особо опасных преступников. В моем положении светиться крайне нежелательно, а она особа публичная была, короче, проще было ей платить.

– Значит... э-э-э... ты... вы не любили друг друга? – сейчас и здесь все вопросы казались уместными.

Кирилл наклонил голову, чтобы лучше видеть мое лицо, теснее прижал меня к себе, дополнительно укрывая полами своей куртки и только после этого, тихо ответил:

– Нет, волчонок, не любил, и она тоже. Я любил сына, а она – мои деньги. А сейчас у меня нет ни того, ни другого.

И я почувствовала, интуитивно поняла, что за этой скупой фразой было огромное горе, не меньше моей утрата, боль и тоска о потере. Нахмурилась, а потом убежденно сказала, пристально глядя на него:

– Кирилл, посмотри на ребят, сейчас Лида в горе, плачет, но Павел рядом, и ее жизнь продолжается. Я думала умру от боли, когда год назад умерли мама с папой, они самое дорогое, что у меня было, больно за Саву, хоть мы и разошлись уже к тому моменту, но он был близким человеком, а потом друзья, знакомые... и весь мир. А сейчас у меня есть Лиза, Федор, Михалыч, и моя жизнь продолжается. Все придет в норму, я уверена.

Кирилл наклонился еще ниже и шепнул, чуть сдвинув края шапки и согревая своим дыханием мое замерзающее ухо:

– А нас ты не посчитала... своими, – я почувствовала тепло от его слов и неуверенную надежду.

– А с вами пока все туманно и непонятно. – также тихо ответила.

Мужчина выгнул бровь и уже хотел что-то сказать, но тут мы оба заметили, что Павел уговаривает Лиду уйти с кладбища, беспокоясь о ее самочувствии и здоровье.

Все расселись по машинам и тронулись в обратную дорогу. Хавшик решил остаться с нами на поминки, которые прошли в спокойных

разговорах. Михалыч тихонечко, ненавязчиво пытался выяснить всю подноготную моих гостей.

– Вот ты не обижайся, Руслан, но ты очень неоднозначный товарищ в этой компании. Чувствуется, что ты многое повидал, а главное, попробовал... – Старик с хитроватым прищуром обратился к Руслану, явно подбивая на разговор.

Тот с понятливой улыбкой ответил:

– Прав ты, Михалыч, но я исправился. Я сирота, помотала меня жизнь по детским домам, и с разными людьми, пришлось столкнуться. И с плохими и хорошими. Был даже момент, когда я в тюрьме оказался, но слава Триединому, недолго, и этот опыт стал переломной вешкой в моей дальнейшей жизни. В юности мошенничал даже, но пару лет назад нашел работу у друга в автомобильной мастерской и решил все изменить. Вот так к тридцати годам я нашел занятие по нутру, но как видите, судьба сама решила все за меня...

Михалыч пожевал губу, привычно обдумывая, потом выдал:

– Знаешь, дружок, это хорошо, что ты сам пришел к мысли о нормальной жизни и о совести вспомнил, а не вынудил кто-то или еще чего похуже. Вот в награду тебе судьба таких спутников и подарила...

– Вы, правда, так считаете, Михалыч?

Хавшик приподнял белесую бровь, морща чешуйчатый лоб, а потом, твердо кивнув головой, сказал как отрезал:

– Правда! Я уверен в этом. – Потом очень заинтересованно продолжил. – Так значит, ты у нас по технике мастером будешь?

– А что, возьмете? – теперь Руслан выгнул темные брови, весело блеснув глазами.

– Ну почему бы не взять?! Парень ты, как я погляжу, видный, не дурак и вроде с совестью уже в ладах, такие нам пригодятся. Я, вон, все Кирочку нашу уговариваю замужней женщиной стать...

Руслан хохотнул, бросив на меня многозначительный взгляд, я же уже не смущалась – нервничала. Надоели мне все эти хороводы вокруг.

Хавшик, не получив ожидаемого ответа, нахмурился слегка, похоже немного разочаровался в отсутствии энтузиазма и активной деятельности по моему охмурению у Руслана. Перевел взгляд своих глубоко посаженных черных глаз на Кирилла. В этот момент прискакала Лиза и забралась на свой стул между мной и Михалычем, отвлекая его, тихими голосом делясь своими впечатлениями от их совместной с Олегом прогулки. Потом подошел Олег, и хавшик, уставившись на паренька, начал теперь расспрашивать его:

– Ну а ты, малец, где жил, чем занимался?

Мальчик смутился, но усевшись между Павлом и Лидой, которая уже не плакала, но сидела словно выжатый лимон: усталая и кислая, ответил осторожно:

– Я в Уринге жил, это деревня под Ольвовом. – заметив неподдельный доброжелательный интерес, заговорил более свободно. – Мои все померли давно уже, у меня только бабушка старая оставалась. Нам вся деревня помогала, а год назад померла, а потом и вся деревня тоже по очереди: то один, то другой... Я один остался. А потом в Урингу Паша и Руслан, и дядя Кирилл пришли, и Лида тоже. За ними бандиты гнались, вот они у нас и укрылись. Несколько недель ждали в Уринге, когда бандюкам надоест их караулить, а потом дяде Кириллу надоело ждать и он их всех...

– Олег! – тихий укор Кирилла заставил вздрогнуть мальчика, впрочем, как и меня, зато хавшик переключился любопытным взглядом уже на другого собеседника.

– Ну, а ты что нам поведаешь? – хавшик подался к суру, в предвкушении длинного рассказа.

Кирилл с бесстрастной миной на лице, не меняя позы, в которой сидел, наверное, уже не меньше часа, ответил:

– Мне сорок девять лет, холост, сур, военный... бывший. Останусь здесь с вами, готов работать, защищать и охмурять... – от этого заявления я если бы стояла, то точно бы присела.

Вся компания с веселым изумлением округлила глаза, Михалыч тоже усмехнулся, погрозил пальцем, а потом добил меня:

– Ну, я рад, что не ошибся в тебе!

Я встала и быстро ушла на кухню, умыться, а то щеки горят, хотя речь и не обо мне вроде, но сердце-то стучит...

Вернулась с полными тарелками еды, подложила ребятишкам горячих тефтелек, выставила соленые огурчики и квашеную капусту, она, к слову сказать, уже знатно подошла и вкусно хрустела во рту. Добавила сметаны в грибы и предложила разлить еще по рюмочке, чтобы помянуть. Никто не отказался. Обошла весь стол, остался только Кирилл, которому тоже налила, чувствуя, как от напряжения дрожат руки. Немного капнула мимо, мысленно дав себе тычка, отстранилась, ни на кого не глядя, отступая подальше.

Изучала его затылок и размышляла о том, что в такой печальный момент не о бытие думаю и человеческой трагедии, а вот прямо сейчас гляжу на этот коротко стриженный затылок и глаз отвести не могу. На эти загорелые уши, которые, оказывается, даже слегка двигаются от того, что

Кирилл сейчас что-то жевал. Мощная шея и широкие плечи, обтянутые черной футболкой. Сильная рука, лежащая на столе, контрастируя с белой скатертью, с длинными пальцами, которые могут, не дрогнув, нажать на курок и послать смерть в другого человека, но сейчас аккуратно держат вилку.

Кирилл, видимо почувствовав мой взгляд, повел плечами, от чего мускулы задвигались под кожей, привлекая еще больше мой заинтересованный взгляд к его телу. Сила, ну что со мной творится-то? Не иначе гормоны, которые давно спали за ненадобностью, наконец, проснулись?

Может хватит врать. Пора признаться самой себе, что этот мужчина – мой, и хочу именно его, и он больше чем просто нравится мне. Хмыкнула от мысли, что и хочется, и колется, и боязно, а вдруг его инстинкт на меня не сработает, и буду я лишь тенью женщины для него. Потому что мой личный инстинкт на своего лучшего мужчину сработал, именно на него – на Кирилла. Гадство!

– Может скажешь мне, что там такого занятого у меня на затылке? – неожиданно прозвучал бесстрастный пугающий голос Кирилла.

Быстро дошло, что усмехнулась очень даже не мысленно, а вслух, и теперь все дружно обратили внимание на меня. А Михалыч еще и с довольной миной потирая своими сухими шелушащимися ладонями. Он меня знает уже хорошо, чтобы распознать на моем лице интерес личного свойства. Ну да, конечно, так я сейчас тебе и сказала! Посмотрела на Кирилла и ровно ответила:

– Это я о своем задумалась, не о тебе.

– Обломись, дружище, ты думал все ее мысли о тебе, а она может о другом думает. Эх, женщины, ты к ним всей душой, а они...

– Руслан, у тебя язык хоть иногда отпуск берет? – иронично спросила, придав голосу усталые обреченные нотки, и надо же, промолчал, в кои-то веки, и даже покаянно посмотрел. Интересно, надолго ли его хватит?

– А давайте еще выпьем? За родителей? Или за всех, наверное? – Михалыч встал и, приподняв рюмочку, выпил, тут же закусив сочной капусткой, которую прямо пальцами подхватил со стола и засунул себе в рот.

Народ согласно последовал за ним. Лидия пила компот, привалившись к внушительному плечу мужа. Хавшик посмотрел на женщину и мягко предложил:

– А ты расскажи о них, и тебе лучше станет, и их хорошим словом помянем.

Та подняла печальные серые глаза на Михалыча, потом снова глотнула из кружки, пожала плечиками и, неосознанно потершись щекой о плечо Паши, тихо заговорила:

– Они обычные у меня, мама старше папы на десять лет... была. Ее Людмилой звали, а меня Лидой называли, потому что папа захотел, чтобы мы обе «люсиками» были, – она улыбнулась, стирая одинокую слезинку со щеки, – мама – воздушник среднего уровня, а папа чувствующий, он все время боялся, что мама останется одна, когда он состарится и умрет, а видите как получилось...

Михалыч мягко поднажал на замолчавшую Лиду:

– Может и хорошо, что они сразу и вместе, им легче... там. А ты тут, но не одна, а вон себе какого мужика отхватила, и ребеночка уже ждете... Вы давно вместе с Павлом?

Лида внимательно слушала старика, и надежда в ее глазах подсказала, что его слова о родителях упали на благодатную почву. Она бросила короткий любящий взгляд на своего мужчину, который тут же перестал жевать и погладил ее по спине, успокаивая. Улыбнувшись ему благодарно, начала говорить:

– Паша – это отдельная история. Я – маг-парикмахер, причем очень высокого уровня. Мама прочила мне профессию врача, она у меня медсестрой работала, папа – метеоролога, как и он сам, правда, скорее по технической части, а в итоге, я парикмахер. Они расстраивались поначалу, но я их своими способностями и успехами убедила, что главное – это призвание. Я на полгода в Москану улетела учиться в очень престижную академию стиля. Это случилось прямо перед первой волной. Все там пережила, мои думали, что в Москане будет безопаснее, чем в провинции: там все же армия, правительство... А потом все так быстро и резко произошло, что улететь я не успела, упала в обморок от лихорадки прямо в аэропорту в зале ожидания. А когда очнулась... Вокруг трупы... Вернулась в гостинцу, там пожила, но что в столице происходило в это время – ужасно. Столько безумных, беспамятных, трупы вокруг и пепел сыплется на голову с неба от пожарищ. Я сама чуть с ума не сошла, а потом на меня возле магазина мародеры напали, а Паша спас. И я этот день никогда не забуду, потому что Триединый мне послал моего любимого.

Тут весело хмыкнул Павел, который потрепал Лиду по макушке, взъерошивая ее золотисто-рыжие волосы, заметив при этом:

– Ага, послал... Это ты меня послала, когда я тебя от тех ублюдков спас, а когда я тебе через пару дней признался, что у меня инстинкт защитника на тебя сработал и теперь ты моя пара, вообще в истерике два

дня билась и сбежать пыталась...

Я с веселым недоумением слушала эту парочку и пыталась все это себе представить. Лида смутилась и, потянувшись к любимому, чмокнула его в подбородок, виновато поясняя:

– Ну, Павлуша, радость моя, ты же в курсе, как ваши инстинкты в прессе муссируют и в фильмах преподносят. Я как услышала про инстинкт, думала – ну все, теперь из меня секс-рабыню сделают...

– Ну ты даешь, Лид, не думал, что у тебя такая богатая фантазия, а с виду – сама невинность... – Руслан загоготал, хлопнув по столу ладонью (ох, не долго же он с покаянным видом молчал), а я невольно проверила, слушает ли Лиза этот разговор, но девочка в этот момент как раз тянула упирившегося Олега в свою комнату, предлагая играть в ее любимые игры. Паша, несмотря на насупившуюся жену, сам хрюкнул от смеха, и даже Кирилл ощерился в усмешке. Хм, все же улыбка в его исполнении выглядит жутковато, но все равно засмотрелась...

– А дальше что было? – хавшик явно хотел дослушать рассказ.

– А что дальше... – продолжил уже Паша, а не Лида. Уверенный, сильный голос мужчины заполнил комнату. – Дальше я ее, естественно, нашел... часа через два. Да-а-а, заставила она меня тогда поволноваться, и хотел уже наорать на нее, а эта мелочь та-ак глянула на меня, словно в самую душу, короче...

– Короче, он тут же меня и охмурил, пожарник... – Лида вроде с ехидцей, но очень нежно и ласково это сказала, а сама такими масляными глазками на мужа сверкнула, что мне стало понятно, в какой переломный момент она решила, что Триединый ее одарил...

– Не пожарник, а пожарный. У меня и награды, и... – Павел возмущенно заговорил, но поймав горячий взгляд жены, замолчал. Привлек к себе, мягко и с любовью поглаживая ее животик. Затем уже спокойно закончил их историю:

– Хотя теперь точно погорелец. Мы до конца июня в Москане пробыли, а потом, когда совсем жуть началась, и в городе уже даже дышать нечем стало – начались массовые поджоги, погромы, насилие и... – мы ушли. Под Москаной влипли в одну нехорошую ситуацию. На трассе, нас хотела выкинуть из машины одна нехорошая тройца, у них в тот момент было оружие, но нам помог Кирилл. – Бросив взгляд на друга, Павел проверил его реакцию на свой рассказ и, не заметив негатива, продолжил: – Он положил всех, не глядя, и пошел дальше как будто просто шнурки поправил. Мы предложили ему поехать с нами, в тот момент мы уже знали, куда хотим поехать. Знаете, он просто молчал, но уехал с нами.

– Я неделю как похоронил Ника и ничего не соображал. – раздался мрачный голос Кирилла. – Инстинкт самосохранения у зверя слишком сильный, поэтому так и не смог спустить курок и прекратить свои мучения. Но вы меня буквально вытащили с того света... И сейчас я вам за это благодарен.

Павел потемнел в лице, затем, бросив на меня короткий взгляд, перевел его на Кирилла. Кивнул и снова продолжил говорить. Словно исповедовался...

– Ну, а затем в одном из городков под названием Миргород мы встретились с Русланом, – в этом месте виновник посмурнел, а Павел с укоризной глянул на него. – Там этот любвеобильной герой увел у одного местного авторитета – волка, кстати – его пару, причем законную. Магичка бытовая, среднего уровня, а мнила себя...

– Его там решили расчленить за это дело, но мы вмешались... – ядовито произнес Кирилл, почесав пальцем висок и глядя на смущенного Руслана. – Да-да, и теперь этим шилом в заднице по имени Руслан страдаем мы...

– Я не просил... – вскинулся Руслан.

– Просить не просил, но ошибок не учел. Какого фига ты к этой Светке прощаться потом поперся, неужели сразу не понял, что она из себя представляет и опять подставит? – отпарировал Павел.

Карие глаза Руслана потемнели, мне показалось от боли и горечи, и похоже не я одна это заметила. Кирилл положил на плечо Руслану руку и, сжав пальцы, тихо сказал:

– Прости! Забыли!

Руслан хмыкнул, ответно пожал руку Кирилла и уже сам продолжил теперь уже их общий рассказ:

– Короче, сглупил я тогда знатно. Купился на голубые глазки этой твари, а меня чуть снова не поймали. Вышло, что я подставил сам своих спасителей, и нам пришлось срочно покидать городок и отсиживаться месяц в Уриге, где мы познакомились с Олегом. Ну и потом мы все дружно поехали дальше, правда нам пришлось вновь немного задержаться в Злотиче и снова по моей вине... Вобщем, мужики, я осознал и проникся, и больше так не буду.

– Ага, до очередной юбки... – хмыкнул Павел.

– Ну с Кирой я веду себя как порядочный мужчина, хотя...

Кирилл напрягся, и все услышали его неконтролируемое рычание и увидели почерневшие глаза. Лида покачала головой и устало заметила:

– Ох уж мне эти ваши инстинкты...

Сур, бросив предупреждающий яростный взгляд на Руслана, встал из-за стола и вышел из комнаты. Через минуту из прихожей глухо рыкнул:

– Я пошел дрова рубить для бани...

Фед бросил на меня вопросительный взгляд, а потом под моим удивленным взглядом потрусил вслед за Кириллом, помахивая хвостом. Обалдеть!

– Как все интересно... – Михалыч, с довольной улыбкой проводив взглядом сура и Федора, засобиравшись домой. Мне же пояснил: – Скоро смеркаться начнет. Привози наших новоселов на ферму. Пора им приобщаться к хозяйству и мужским делам, а то на таких-то харчах их разнесет, парни видные, им лишний жирок ни к чему.

Пока он одевался, дал еще кучу советов, поцеловал прибежавшую попрощаться Лизу и потрепал по вихрам Олега, которому было явно приятно, что его включили и в эту семью.

Проводив Михалыча до ворот, уже почти дошла обратно, когда заметила Кирилла, рубившего рядом с баней дрова. Запахнув на груди потуже меховую жилетку и спрятав ладони под мышки, я подкралась поближе и засмотрелась, не в силах оторвать взгляда. Лишь волосы, с которыми играл холодный ноябрьский ветер, мешали, но их я спрятала за ухо.

Топор взлетал вверх и опускался на поленья, которые разлетались на ровные половинки, а потом и на четвертинки. Мощные движения сильного тренированного тела, от которого у меня потекли слюнки, завораживали, и я жадно уставилась на эту великолепную картину. Р-р-р-р, какой мужчина...

– Проводила? – я вздрогнула и испуганно вскинула взгляд в лицо мужчины, смотревшего прямо на меня и, судя по всему, заметившего мое восхищение.

– Проводила! Лучше оденься, Кирилл, у тебя кашель еще не прошел, а ты в одной майке... – усилием воли нарисовала на лице бесстрастную маску и добавила в глаза уверенности.

– Переживаешь? – любопытный взгляд и наклон головы, словно зверь рассматривает.

Да-а-а, странные они эти полиморфы. Так похожи и так различны, и далеки от нас. Даже менталитет и культура имеют множество общих точек соприкосновения и идентичных черт, но в тоже время словно небо и земля разнятся. Так, например, если у магов брак – скорее юридический статус и защита личных интересов сторон, а так же часто политический или коммерческий резон, то полиморфы вступали в брак только при

срабатывании инстинкта защитника в отношении любимой или желаемой женщины.

Они часто создавали временные союзы, но брак для них – нечто священное, и осквернять его нельзя никакими грязными или недостойными способами. Хотя, конечно, в парах, где был маг или просто чувствующий, случались разные ситуации, и здесь супругу-полиморфу приходилось крутиться и яростно защищать свои интересы и территорию. А случались и ситуации, доводившие оборотней до тюрьмы, уж больно сильны инстинкты собственников в паре у полиморфов. И убийства бывали, и об этих случаях часто писали в газетах или говорили по телевизору. А еще чаще снимали фильмы, где тиран-полиморф третировал свою пару – какую-нибудь аморфную магиану, а герой-маг спасал ее из этой трясины отношений.

Если бы не имела примера в лице своих деда и бабушки, то возможно верила бы в эти сказки и сама. Или если бы собственная кровь не начинала играть, стоило мне увидеть этого конкретного оборотня.

– Переживаю, конечно, а что, не должна? – упрямо и с вызовом посмотрела на него.

Кирилл опустил топор на очередное полено, проследил взглядом, как оно развалилось на две части, а потом, воткнув острие в колоду, на которой рубил дрова, и уставился на меня. Затем медленно, не отпуская моего упертого и вызывающего взгляда, который мгновенно сменился на неуверенный и испуганный, направился ко мне. Я усилием воли собрала всю смелость в жалкую кучку и не двинулась с места.

Подошел вплотную и, приподняв бровь, хриплым голосом с едва слышным рычанием спросил, мне показалось, предупреждая:

– Мне приятно, что ты обо мне заботишься. Но ты не боишься, что мои инстинкты на тебя среагируют?

Сглотнула и спросила:

– А что, такое возможно? В отношении меня? – Он с легким недоумением приподнял бровь, как бы отвечая, почему нет, но промолчал. – А почему я должна бояться? Ты станешь страшным или тираном, или еще что посерьезнее? А с виду вроде нормальный, не буйный...

Старалась шутить и говорить с усмешкой, но сама чувствовала, что голос звучит испуганно, я изо всех сил пыталась удержать лицо. Кирилл меня прервал, причем довольно жестко, и заговорил холодно:

– Полиции здесь нет, зависимость мою снять будет некому, так что будешь ты в моем владении пожизненно, ну это если только охотничий

сработает, причем интимный, а если ты добычей станешь... – я нервно сглотнула, только уже громко. А сур продолжил, придвигаясь ближе, я замерзла скорее от его слов, чем от морозца, а на него, похоже, ничего не действует.

– А вот если защитником себя почувствую твоим, то боюсь, ты без меня шагу ступить самостоятельно не сможешь. Полный контроль. Навсегда. Я сур, а значит моя пара – это моя погибель или мое солнце и сердце. А свое я буду беречь на совесть.

– Не думаю, что все так трагично, как ты говоришь, я слышала... – сделала неуверенный шаг назад, меня напугали его слова, но он не дал мне отстраниться.

– Забудь все, что ты слышала или видела по телевидению, девочка! Это все чушь! Нет, там конечно большая часть правды, но не вся. Вся эта пропаганда, что зависимость можно снять с помощью психологического вмешательства специалистов – всего-навсего успокоение обывателей. Нет, у слабых или мелких видов оборотней еще можно, конечно, но только охотничий. Сама понимаешь, это лишь болезненное, ненормальное желание обладать сексуально или физически владеть чем-то или кем-то, а вот защитник – это другое. Это уже природа, а против нее не попрешь, будь ты самым крутым специалистом. Он помолчал, давая мне время все переварить, а потом добил: – Ну и сама понимаешь, здесь сейчас нет и плохого специалиста, про лучшего – вообще молчу.

Нервно передернула плечами и, задрвав подбородок, посмотрела в упор в его голубые глаза. Затем осторожно, стараясь не провоцировать, спросила:

– Уточни, ты меня сейчас запугать хотел, наказать за ненужную и каким-то образом задевающую твою эго заботу о твоей персоне? Или хочешь сообщить таким доходчивым образом, что у тебя на меня сработал инстинкт охотника?

Сур хмыкнул, теперь уже сам отошел от меня, возвращаясь к своему занятию, и лишь когда обхватил сильной широкой ладонью топориче, протяжно ответил, при этом сильно грассируя. Похоже, когда в его голосе прорывается громкая буква «р», смешиваясь с рычанием, он напряжен или нервничает.

– Нет, насчет охотничьего инстинкта можешь не переживать. Только если сама попросишь, чтобы поиграться...

– Ты хочешь сказать...

– Все что хотел, я уже сказал, – меня прервал его предупреждающий взгляд и твердый голос, – а сейчас иди в дом, а то у тебя уже губы синие, и

у меня может возникнуть горячее желание их согреть... каким-нибудь «доходчивым образом».

Поджав губы, я смерила его злым взглядом и круто развернувшись, ушла в дом.

– Где там Кирилл? – меня встретил Руслан в прихожей, пристальным внимательным взглядом окинул меня всю, но видимо не обнаружив того что искал или ожидал увидеть, удивился.

– Дрова рубит! Может тебе ему помочь? Если вы планируете все сегодня искупаться, то дров надо много, а я давно не рубила сама. Мне хватало угля, который мы год назад купили и солнечных батарей, чтобы воду нагреть и немного протопить.

– А как ты зимой планировала жить?

Пожав плечами, ответила, проходя мимо Руслана в гостиную:

– Дров мне хватит на зиму, угля тоже. Благодаря батареям и маг-аккумуляторам, которые я периодически заряжаю, у меня будет свет по вечерам и машинку стиральную включать можно раз в неделю, ну и насос работать будет не вручную. А вот вам о дровах надо позаботиться как можно скорее и желательно наведаться на угольные склады, там пока, я думаю, есть еще запасы... Так, болтая о бытовых мелочах, я помогла Лиде убрать со стола.

Лидия сегодня ходила с Павлом и ребятишками смотреть свой новый дом. А в связи с тем, что смерть ее родителей стала реальностью и подтвержденным фактом, да и похороны последовали, все нюансы с переездом мы отложили на завтра. Хотя я понимала, что в дом, где из мебели есть помпезная кухня и, хвала и вечная память Савелию, приличная, на совесть сложенная печка, все равно въехать сразу нельзя. Особенно беременной женщине. Я хотела, чтобы они пожили у меня, соскучившись по обществу. Ну сколько можно или сколько хотят.

Мы планировали завтра съездить на ферму и познакомиться с другими жителями деревни. Может даже перераспределить часть обязанностей, а уж потом заняться домом и составлением списка того, что пригодится в будущем.

* * *

Пока мужчины парились, я закончила ежевечерний уход за своей живностью. А Лидия готовила ужин, с удовольствием принимая помощь Лисаветы и весело болтая с ней.

Вымыв руки и быстро переодевшись, решила немного перевести дыхание перед ужином, но заметила забытые на кресле вещи Руслана, которые он, скорее всего, приготовил, чтобы надеть после бани, а рядом на столике и баночку с медом для Олега с Кириллом. Вроде как для этого сегодня снова и парилку устраивали...

Бросила неуверенный взгляд на Лидию. Та занималась котлетами и они с Лизой по локти в сухарях и фарше, вот незадача, ей отмываться дольше. Но порадовалась, что она уже не плачет и плечи расправила, все же сегодняшние похороны – это тяжелый удар для нее, и не важно, что она уже столько месяцев готовилась к этому. Сегодняшний день стал тем переломным моментом, когда все прошлое осталось в Тюбрине, а будущее теперь строится в Васино. Я сама это пережила и хорошо понимала Лидию сейчас.

Делать нечего. Подхватив кучку вещей и баночку, направилась в баню. Постучала, но никто не ответил, я решила, что просто не слышат. Осторожно приоткрыла дверь и спросила:

– Эй, кто-нибудь, заберите вещи и мед... – опять тишина, – эй-эй, ребята... – Осторожно заглянула. Убедившись, что все в парилке, прошла к дивану. Едва успела положить вещи Руслана, как услышала шорох открываемой двери и увидела Кирилла, вышедшего из парилки. Остальные что-то приглушенно, со смехом обсуждали, и на короткий миг услышала шлепки веника по влажной коже.

Кирилл вытер ладонью смуглое лицо, стирая капельки пота и, уставился на меня. Я же держала баночку с медом, прижимая ее к груди и чувствуя себя так, будто меня застали за чем-то неприличным.

Мужчина с небрежно обмотанными мокрой простыней бедрами выглядел потрясающе. Обнаженный торс с капельками пота, скользящими по смуглой загорелой коже... Я следила за их движением взглядом, затаив дыхание от восторга, в миг забыв зачем я сюда пришла. Ну нельзя же быть таким... таким... Не успела подобрать нужное слово.

– Что-то случилось? – его глухой встревоженный рычащий голос вывел из ступора, в который ввели меня собственные расшалившиеся гормоны. Тряхнув головой, сбрасывая оцепенение, я наконец-то оторвала взгляд от великолепного тела и смогла посмотреть Кириллу в лицо.

Голубые глаза сейчас стали черными, а самое жуткое, что он ощерился в странном оскале,

словно рычал угрожающе. Или как победитель... О, Сила, или как охотник...

Сделал пару шагов навстречу, и я, побледнев, посмотрела ему прямо в

глаза, неосознанно защищаясь банкой с медом. Кирилл остановился слишком близко, и я почувствовала терпкий аромат его разогретой кожи, и этот запах будил во мне все самое потаенное и животное, неведомое. Даже слюна во рту собиралась, а сглотнуть я боялась... спровоцирую.

– Что-то случилось? – снова его хриплый голос и тот же вопрос.

Судорожно качаю головой, а потом вспоминаю, зачем я вообще тут нахожусь:

– Прости... те, Руслан забыл свою чистую одежду и баночку с медом, чтобы Олега намазать...

– За меня уже не переживаешь? – Его рука скользнула, согревая кожу предплечья вверх до рукава майки, вызывая возбужденный бег мурашек.

– Переживаю... если тебе это важно знать. – Я все же позволила себе сглотнуть слюну, чтобы ответить, медленно приходя в себя.

Опять этот хищный любопытный взгляд зверя и наклон головы. Повел плечами, привлекая к ним мое внимание, и все так же тихо попросил:

– Позаботься и обо мне, пожалуйста... намажь меня медком, а Руслан попарит.

Я вздохнула, успокаиваясь, сквозь опущенные ресницы разглядывая его грудь и гладкую манящую кожу, и выступающие, словно перетекающие мышцы. Караул, теперь у меня еще и ноги подгибаются.

– Намажешь? – его длинные пальцы аккуратно забирают у меня из рук баночку с медом, которую я так сильно прижимала, что ему пришлось приложить чуточку усилий, касаясь моей груди при этом. Я почувствовала всем телом, как в этом месте между нами словно разряд прошелся, я опять обмякла. Медленно, гипнотизируя взглядом уже горящих, а не ледяных глаз, отвинтил крышку и ждал моего решения.

Протянула дрожащую руку и макнула пальцы в банку. Я испытала странное ощущение: мои пальцы сейчас особенно остро чувствовали липкую густую массу, в которую погружались, а потом я неуверенно приложила ее к Кириллу и провела медовую полоску, ощущая как напрягается его грудь под моими пальцами, насколько его кожа горячее моей, тем более после парной.

Мой взгляд скользил за движением руки, и уже вся моя ладонь касалась его кожи, а я сама, привстав на цыпочки, подалась к нему ближе. Всего чуть-чуть, но еще сильнее ощутила уже всем телом его жар и густой пряный аромат, который заставил глубже вдохнуть, наслаждаясь. Моя ладонь размазала мед по правой стороне груди Кирилла, двигаясь по кругу, задевая коричневый сосок, и при этом чувствуя как мои собственные твердеют и ноют от желания, чтобы он к ним прикоснулся.

Снова сглотнула, теперь от желания попробовать эту густо смазанную медом кожу, но стоически терпела, заботясь о второй стороне. Бросила быстрый взгляд из подлобья, наблюдая за его реакцией. Кирилл стоял вытянув одну руку вдоль тела и сжав кулак, а во второй – сжимая банку, причем мне стало ее жаль, кажется, скоро она треснет – так сильно напряглись его пальцы на стекле. Глаза полыхали черным пламенем, но он не двигался с места. Скользнула ему за спину, резко выдохнув от того, что грудью задела его плечо. Показалось, от моего вдоха Кирилл вздрогнул и окаменел. Провела ладонью по плечам, потом над и между лопатками, мысленно стоная от восторга, в который меня привела его обнаженная, внушительная и сильная спина.

Я уже двумя руками размазывала мед по его спине, скорее лаская, чем заботясь о чем-либо еще, и вообще, вряд ли помня где я, что я, и зачем. И вот в тот момент, когда разум меня полностью покинул, и я решила лизнуть его между лопаток, раздался резкий звук открываемой двери и ехидный голос Руслана:

– Так-так, а что это вы тут делаете?

Меня словно в прорубь с головой окунули. Я машинально отстранилась от Кирилла, да так и застыла с раскрытым ртом, а на кончике языка уже ощущался вкус меда, и растопыренными ладошками. Мои, наверное, круглые испуганные глаза столкнулись с понимающими и хитрыми – Руслана. Я захлопнула рот, так что клацнули зубы и, запинаясь, заговорила, но краем уха слыша, как нарастает чье-то злобное рычание.

– А мы тут медом спину мажем, чтобы ты Кирилла попарил... потом, – и уже почти совсем придя в себя, – мед ты, кстати, забыл вместе со своими вещами в гостиной. И можешь не благодарить.

– Спас... – ухмылка Руслана стерлась, и он напряженно уставился на Кирилла, но мне лица видно не было, я лишь слышала его рычание, в котором отчетливо слышалась ярость.

Снова сглотнув, только уже от нахлынувшего стыда, я, окинув взглядом липкие руки, которые так и держала, растопырив пальцы, а потом, суетливо протиснувшись мимо дивана и Кирилла, шагнула на выход, ни на кого больше не глядя, в надежде, что мои красные уши и шею не заметили в тусклом свете.

Бедром открыв дверь, выскочила в коридор, так же закрывая ее. Но она закрылась не плотно, и пока переводила дыхание, смогла услышать едва сдерживаемую, старательно приглушенную, чтобы Олежка не услышал, но невероятно колоритную ругань. С трудом сдержалась от смеха, прижав одну руку к губам, а другую к колотящемуся сердцу. Никогда не слышала

подобного. И все это предназначалось Руслану, всех родственников которого помянули до седьмого колена. Ага, схлопотал, насмешник. Лис попытался оправдаться, но тут я услышала звук льющейся воды, похоже, это из ведра с колодезной водой, а потом как будто кто-то встряхнулся всем телом. И глухой голос Кирилла:

– Чувствую я, что долго не продержусь в джентльменах... Может мне попробовать Пашин способ, Лида же приняла и даже некоторым образом оценила... потом...

Не одну меня пробирает, оказывается. Дальше слушать не стала, тенью скользнула дальше от двери и только потом рванула отсюда подальше. В гостиную я влетела на всех парусах и с пылающим лицом, что не осталось не замеченным Лидией. Она окинула меня пристальным взглядом, а потом осторожно спросила:

– Что случилось, Кира? Ты...

– Руслан забыл вещи, – я перебила ее, глядя куда угодно только не на нее, – и я отнесла... и мед тоже... – при слове мед я вновь вспыхнула.

Лида, подозрительно на меня поглядев, неожиданно усмехнулась:

– Поверь, Кир, тебе с ним повезло, не мужик, а сокровище.

– Не понимаю о чем ты? Я...

– Да ладно, Кир, все ты понимаешь, я же вижу, как ты на него смотришь. Послушай, Кирюш, лучше не трать время на игры в прятки. Да и не даст он тебе... Он сына потерял, понимаешь, как это на таком как он сказало, он же сур. Пашка, вон, надо мной трясется как над умирающей, с каждым днем все больше и больше. В сложные моменты он с ума из-за меня сходит, а Кир, я не знаю, как он себя поведет, но тебе лучше привыкать к мысли, что он твой, а ты его.

Я замерла, а потом, почему-то испытывая странную иррациональную злость, спросила:

– А ты откуда знаешь? Или вы так близки, что он тебе всю душу выворачивает? Простое желание не означает...

Лида устало потерла виски, а мне тут же стало стыдно. У нее такое горе, а я только о себе думаю...

– Прости, Лида! Что-то меня ведет в разные стороны, странно все это...

– Кир, это, наверное, и твой инстинкт сработал, Кирилл совсем изменился за пару дней здесь. Пока тебя не встретили, он практически не разговаривал и просто существовал, а сейчас я вижу, что он как будто проснулся и в жизнь включается.

– Знаешь, Лида как ты правильно заметила, мы знакомы пару дней, а

ты меня уже замуж выдаешь и...

Лида тяжело на меня посмотрела, снова устало вздохнула и вернулась на кухню и уже оттуда, наливая себе стакан молока, пробурчала:

– Клянусь, Кир, ты сейчас ведешь себя как я пять месяцев назад, когда мне Павел через сутки знакомства спокойненько так сообщил, что, дескать, у него на меня инстинкт стойку сделал, и теперь у нас законная семья. Ладно ты на четверть полиморф, а я столько лет в своем салоне слушала, как магички обсуждают мужиков-оборотней: то один за измену кого-то придушил, то второй чуть не прибил электрика, который без его ведома в квартире проводку чинил, да много чего я там наслушалась. Да мне любой хавшик ближе и понятнее, чем полиморфы были, а тут... «знаешь, Лидуся, теперь мы семья, не знаю как ты, а я твердо в этом уверен». Я сначала в панику ударилась, потом сбежала, правда, не далеко. Снова чуть на неприятности не нарвалась. Короче, натерпелась страху, а тут Пашка, и глаза такие... испуганные за меня, а ручки такие ласковые... Стресс, конечно, сначала сыграл свою роль, а уже после... влюбилась как кошка. А сейчас не представляю как жить без него смогу, если потеряю...

– Ну что ты, котенок, не потеряешь. Ты чего, устала, маленькая моя... – в гостиной появились Павел с Олегом, и мужчина сразу рванул к своей жене, прижимая и поглаживая ее по голове и шепча ласковые слова. Лида же нахмурилась и прошипела, тыкая его пальцем в грудь.

– Ах ты, рысь хитрая, подслушивал?

Заметив виноватые, но отнюдь не раскаивающиеся глазки Павла, я качнула головой и собралась заняться своими делами, но меня остановил его голос:

– Не переживай, Кира, все наладится и будет хорошо. А вообще, ты лучше скажи нам что делать, какую-нибудь работу переложи на нас, мы только за. И твоими советами не погнушаемся...

Я смутилась, пожала плечами и ответила:

– Завтра дом еще раз посмотрим ваш и начнем список составлять, что надо успеть сделать до зимы и сильных морозов, а главное – снега. Коровник подготовить, может себе коровку возьмете и другую скотину. Деревенские вам на их прокорм выделяют все. И я поделюсь, чем смогу. Я увидела испуганные круглые глаза обоих супругов и добавила, успокаивая: – Не переживайте, я научилась и вы сможете. Мне Михалыч все показывал и подсказывал, он и вам инструктаж проведет. А как доить и чистить я могу показать...

– Меня тоже научишь? – этот вкрадчивый хрипловатый голос я узнаю даже через десятки лет. В гостиную зашел Кирилл в низко висящих на

бедрах штанах с полотенцем на плечах.

Р-р-р-р, я снова почувствовала вкус меда на кончике языка. Смогла хрипло ответить, старательно не глядя ему в глаза:

– Научу... как-нибудь. Потом.

Его насмешливый хмык и короткое: «Ну-ну!» Я решила сбежать отсюда.

– Лиза, Лида, нам тоже пора в баню.

– Мужчины, вам накрывать на стол, мы возвращаемся и садимся есть. Время позднее и лучше лечь пораньше, потому что вставать теперь с петухами! – командирским тоном приказала Лида. А она права, причем в прямом смысле.

Пока шли к бане, я предложила Лиде забрать моего второго петуха, потому что этот тот задирает моего любимчика цветного яркого Петьку и они вместо того, чтобы топтать кур, топчут гордость друг друга, вступая в драки и делая подлянки друг другу. Так, обсуждая достоинства и недостатки каждого моего питомца, мы и помылись.

Ужинали тихо и спокойно, я бы даже сказала умиротворенно и по-семейному. Мне очень понравилось, и судя по лицам моих гостей, и, похоже, уже друзей, если это касается Лиды, они тоже себя чувствовали комфортно.

* * *

2 ноября

Раннее утро. Сегодня, открыв глаза, я снова ощутила странное чувство. Словно праздник приближается, и все тело, и разум буквально жаждут начать готовиться к нему. Интересно, я теперь так каждое утро просыпаться буду? Учитывая мое уже осознанное желание вновь встретиться с Кириллом.

Оделась, умылась и тихо спустилась вниз, как и вчера задержавшись в дверях гостиной, чтобы полюбоваться мужчиной моей мечты. Он спал на диване, обняв подушку сильными руками и спрятав в ней нос, совсем как кот в мороз. Улыбнулась и тихо пошла в подсобку переодеваться, готовясь к своим повседневным делам.

Сначала всех покормила, а потом, повесив на крюк верхнюю куртку и оставшись в одном свитерке, уселась на широкую низкую табуретку, зажав между коленей ведро, собралась доить корову. Кошка Мотя расположилась

неподалеку, щуря свои желтые загадочные глаза в свете одинокой лампочки под потолком. Моя постоянная спутница и любительница парного молочка, у нее даже своя тарелочка тут есть.

Привычные звуки, которые производят животные: корова Милка переступает с ноги на ногу, глухо стуча по деревянному настилу и мирно пережевывая жвачку из съеденного до моего появления сена, молоко, тугими струями ударяющее о дно подойника, наполняли уверенностью в своих силах и благополучном будущем. Запах животных и прелого навоза все еще раздражает нос, не привыкла я к нему пока, а возвращаясь в дом, использую бытовую магию, чтобы избавиться.

И вдруг что-то изменилось, Милка напряглась, сразу зажав молоко и дернула ногой в путах, с явным намерением лягнуть, потом развернула морду и посмотрела куда-то мне за спину. Я тоже напряглась, чувствуя опасность – близкое присутствие хищника! Живность заволновалась, тревожно замычали обе коровы, а я уже хотела резко обернуться, но мне не дали.

– Тсссс, не пугайся.

– Кир, у меня слов нет...

Кирилл присел на лавочку позади меня и буквально обтек мое тело, прижимая к себе, нависая сверху и подавляя своей мощью. Затем негромко сказал на ухо:

– Ты обещала научить меня доить и, вообще, поделиться умениями, – от его хрипловатого глубокого голоса все волоски на моем теле встали дыбом, причем явно от восторга.

Его теплое дыхание шевелило выбившиеся из-под шапки прядки волос над ухом, а по моей шее уже заструилась жаркая волна желания, растекаясь по телу. Ну что он со мной делает? Большие ладони скользнули по моим плечам, все теснее прижимая к себе.

– Ну, так как? Научишь? Давай прямо сейчас, зачем откладывать на завтра, что и так скоро произойдет?

До меня дошла двусмысленность его высказывания, но сопротивляться или возмущаться не было сил... воли, а может желания. Может Лида права? Я сглотнула, хотела сказать, давай, но поняла, что горло пересохло от переизбытка чувств. Поэтому лишь кивнула. Снова сглотнула, с трудом смочив горло, а потом прохрипела, попытавшись встать:

– Давай, я сбоку тебе советовать буду?! И подсказывать... – встать мне не дали, только еще ближе прижали к себе. Кирилл очень интимно расположился вокруг меня, теперь мои ноги и я сама была между его ног и

в окружении его рук.

– Нет! Давай устроим наглядный пример. Скажем так, ты мне передашь свой опыт из рук в руки. Ты держишь корову за вымя, а я положу свои руки сверху и научусь... правильно обращаться с сосками... коровы.

«Ну, совсем обнаглел сур лохматый!» – подумала я, но высказать ему отповедь за неприкрытую двусмысленность не успела, потому что его ладони скользнули вверх по моим рукам, и даже сквозь свитер я почувствовала их жар и твердость. Вот гад, что он со мной делает...

Он, чуть прикладывая усилие, нагнул меня, заставляя приблизиться к вымени коровы ближе, а сам все теснее прижимался пахом к моей попе. А-а-а-а, да что же это происходит, я же помру от возбуждения... Успокаивающе погладив по широкому боку животинку, начала уже привычные до автоматизма движения, и струйки молока снова потекли в ведро. Коровы уже успокоились, не обнаружив явной опасности, но Милка все равно нервно перебирала ногами и косила глазом на нас.

– Вот так обхватываешь... его сверху и крепко, уверенно сдавливаешь в кулаке, а потом проводишь рукой до самого кончика соска, как бы выжимая...

Крупные мужские ладони накрыли мои узкие ладошки и начали повторять мои движения. Теперь наши руки двигались синхронно, но наши совместные действия заставляли и наши тела двигаться в унисон, все теснее сближаясь и усиливая трение между нами. К концу дойки я уже только в голос не стонала, чувствуя, что до полного освобождения моему телу надо совсем немного. Я вся горела, низ живота пылал, а грудь... караул, может мне эту корову собою подменить...

– Все! С этой закончили, теперь вторая. – Прохрипела, откидываясь назад.

Ладонь Кирилла, вновь скользя по моей руке, добралась до плеча, разворачивая меня к себе, одновременно меня пересадили к нему на колено. И вот уже одна ладонь на моем затылке, а другая – держит подбородок. В течение мгновения мы обменялись жарким взглядом, а потом прижались друг к другу в поцелуе.

Я не знала, что это может быть так сладко, так больно и так томительно одновременно. Внутри все скручивалось от неудовлетворенного невероятного желания, вкус его рта был сладок, хотелось пробовать его еще и еще. Желать и стремиться к нему. Томительно, потому что ломало все тело, так хотелось сродниться с ним, слиться в единое целое, наполнить себя им до отказа.

Мои руки скользнули по его затылку, зарываясь в черные, оказывается,

жесткие волосы, массируя его затылок и вжимаясь все сильнее в его тело. Сколько счастья обладания, наслаждения... Он углубил поцелуй, и я не выдержала, содрогнулась в экстазе... и это только от поцелуя? Мой горячий стон и его звериное рычание слились. Руки Кирилла оказались на моей груди, сминая ее, забираясь под свитер, лаская кожу, а потом...

Потом раздался сильный грохот и ведро, наполненное молоком, расплескивая это самое молоко, покатилося по полу. Черт! Черт! Черт! Я словно ошпаренная кошка отскочила в сторону от мужчины. Сейчас мы оба смотрели друг на друга, лихорадочно горящими глазами и тяжело дыша. Только его глаза напоминали сейчас два черных омута, и даже лицо немного вытянулось, явно начиная частичную трансформацию. Жуть! Но хочу его до безумия и, яснее ясного, чем дальше, тем все сомнительнее обстоят мои дела, вон как крышу сносит основательно...

С трудом оторвавшись от его глаз, я посмотрела на источник шума и, честное слово, мысленно поблагодарила Милку. Похоже, она копытом специально ведро перевернула, устав изображать мирное животное. Вот вам, хозяйка, нечего тут... Если бы не она... то я... то меня прямо тут в коровнике бы и разложили, а я бы не сопротивлялась, я бы только помогла. Какой стыд попасть в подобную ситуацию такой женщине как я. С моим воспитанием и четкими устоями в жизни... Мои щеки горели, правда, не только от стыда, но и от пережитого оргазма, а от этого было еще дискомфортнее.

– Извиняться не буду! – черные омуты предупреждающе сузились, а голос... он скорее прорычал, чем проговорил. Это меня примирило со сложившейся ситуацией, потому что я отметила, что он сам на та-а-аком взводе, что дотронулся и все... привет котеночку. Или суру...

– Действительно не стоит, – изо всех сил беззаботно улыбаюсь, чтобы разрядить пикантную ситуацию, – мы же оба постарались.

Внимательный взгляд, и Кирилл резко встал, буквально за мгновение, оказавшись возле меня.

– Мы ненадолго ЭТО отложим, волчонок, сейчас я предлагаю помочь тебе убрать это безобразие и... подоить вторую корову.

– Я подумаю над ЭТИМ, пупсик, но от помощи не откажусь, а вот доить теперь будешь самостоятельно, но под моим чутким надзором... со стороны.

Сур хмыкнул, его черты вновь стали привычными. Продолжил, притягивая меня за локоть к себе:

– Не долго думай, волчонок, тебе это явно очень понравилось. Я даже не мечтал, что ты такой отзывчивой и чувствительной окажешься...

Я нахмурилась и, не подумав, призналась:

– Сама удивилась, поверь, со мной это впервые, а... – поспешно захлопнула рот, но вернуть слова уже не возможно.

– Я рад, что это впервые случилось со мной. – Кирилл притянул меня к себе, прижимая к внушительному и чувствительно твердому достоинству, при этом поглаживая мою спину. – Уверен, не в последний раз.

Упершись ему в грудь, отодвинулась. Ноги все еще дрожали от пережитого наслаждения, но я, твердо посмотрев ему в глаза, сказала:

– Кирилл, сейчас такое время... Понимаешь, я... у меня ребенок на руках, и я отвечаю за ее жизнь. Я тебя мало знаю, не уверена, что ты останешься здесь надолго, а мне нужна уверенность в завтрашнем дне. А если я за... ну короче, с двумя детьми я просто не выживу. Поэтому нам лучше не...

Снова навис, но уже не прикасаясь. Смотрел зло, и мне показалось, что скорее как зверь, нежели разумное создание.

– Я сказал тебе вчера, что охотником с тобой мне уже себя не почувствовать, разве что в играх... постельных. Но тебе не повезло, девочка, на тебя сработал мой инстинкт защитника. Видишь ли, ты меня сильно зацепила тогда... стояла с карабином наперевес, р-р-р-р, потрясающая женщина... моя. А потом те уроды спровоцировали меня, в миг разбудив все инстинкты. Так бы мы спокойно могли познакомиться, и со временем ты бы убедилась, что я подхожу тебе как никто другой. Но теперь... ты все равно поймешь очень скоро, потому что с каждым днем он все сильнее будет проявляться. Теперь я твой, ты моя, и я твой защитник, и это неизменно и навсегда. Так что можешь не переживать, я с тобой на всю жизнь.

Ошарашенная такими откровениями, в тоже время испытала облегчение и удовольствие, но тем не менее, его жесткий бескомпромиссный тон заставил хмыкнуть:

– Ну-ну, посмотрим.

Он тоже хмыкнул и предупредил:

– Ну смотри, только осторожнее.

Резко развернулся и подошел ко второй корове, на удивление мягко погладил ее широкий лоб, скользнув ладонью по влажному черному носу.

– Не спеши, сейчас мы ей ноги и хвост спутаем, вымя вымоем и подоим. – окликнула я.

Маруська на диво вела себя спокойно, наверное, более сильное существо почуяла, это не со мной пинаться и всякий раз угощение требовать. Поэтому, быстро управившись, я скомандовала, припоминая

наставления Михалыча:

– Садись как можно ближе с правой стороны, прямо, свободно, не перегибаясь в стороны и не наклоняясь вперед. Локти слегка прижми к бокам.

Кирилл уселся на скамейку, пристроил чистый подойник. Затем, повернувшись ко мне, поймал мой любопытный взгляд, подмигнул и приступил. Сначала неуверенно, приноравливаясь, а потом, уловив суть дела, уже четко и быстро работал. А я вновь засмотрелась на его смуглые сильные руки на дойках Маруськи. Корова еще какое-то время, нервно перебирая ушами, понаблюдала за мужчиной, а потом принялась за обычное занятие – пережевывание жвачки. Значит успокоилась.

Снова скользнув взглядом по широкой спине Кирилла, обтянутой свитером, ногам в джинсах в неубиваемых ботинках, вздохнула и поспешила закончить уборку. Как же мне повезло все же, что догадалась и сюда воду подвести, а то возилась бы сейчас...

Выйдя на улицу, тут же магией почистила нашу одежду, и пока шли в дом, наслаждалась этим утром. Ведь сегодня я впервые была не одна, разделив свои заботы, теперь можно сказать, с близким мужчиной, и это удивительно. Удивительно приятно и тепло на душе. А еще появилась надежда, что теперь действительно все будет хорошо. У двери бросила на Кирилла признательный, благодарный взгляд за свои сейчас испытываемые эмоции. Он успел поймать выражение моего лица, довольно ощерился, но этот оскал уже не пугал, наоборот, принес спокойствие и ощущение тепла. О-о-о, я теперь знаю, что могут эти бледные тонкие губы, и как сладок их поцелуй.

Возле дома к нам присоединился уже набегавшийся Федор, которого Кирилл тут же почесал за ушами. Интересно, и почему он больше никому из гостей подобного не позволяет, а к Киру сам ластится и постоянно сопровождает. Оглянулась, поискав глазами кота:

– Кис-кис, Семен.

– Я когда выходил, его в дом впустил, не любит рыжий лапы долго морозить. А мышей ловит?

– Он у нас больше домашне-декоративный, да еще страху натерпевшийся у бывшего хозяина. Зато красивый.

Мы еще чуть-чуть постояли, пока я рассказывала печальную историю кота и вытирала лапы Феду. Кирилл задумался, улыбнулся и, пристально посмотрев мне в глаза, признался:

– Ты необыкновенная, Кира, всех приютила, помогла. Встретить такую женщину – редкая удача.

Улыбнулась, приятно, когда комплементы говорят, а вот интересно много ли женщин было в его жизни, хотя какое мне до этого дело и все-таки...

В доме нас встретили восхитительный запах яичницы, жареных тостов и негромкие голоса. Лида выглянула на звук захлопнувшейся двери и весело поприветствовала нас:

– Привет ранним птичкам! Как дела? А я решила завтраком заняться, Кира, у нас хлеб заканчивается, я так понимаю, ты его сама печешь? Меня научи, пожалуйста, а то Павлуша с хлебом ест все...

Кирилл ласково коснулся моей спины ладонью и прошел дальше в комнату, где они разместились с Русланом. Я же, помыв руки и быстро переодевшись, вернулась к Лиде на кухню, помогать.

– Кирилл учился корову доить и за животными ухаживать...

– А-а-а, ну тогда понятно, мой Павлуша уже мысленно список составляет, что в первую очередь сделать надо. Оборотни такие деятельные, я тебе скажу... Особенно семейные, если бы не мое желание и не выкрутасы Руслана, мы бы уже давно обосновались где-нибудь и о гнезде бы своим заботились, а так...

– Тогда бы у меня не было такой хорошей подруги и соседки. – Улыбнулась, быстро проверила, есть ли кто-нибудь из мужчин неподалеку, а потом как бы невзначай поинтересовалась: – Лида, а у Кирилла были женщины... ну, после того, как вы встретились?

Женщина замерла, потом смирив меня веселым заинтересованным взглядом, помолчала, заставляя меня все сильнее нервничать и жалеть, что вообще спросила, а потом, расплывшись в широкой улыбке, заговорила:

– Поздравляю, Кира, значит вы уже пара? Я так рада! Были, конечно... пару раз предложения, но ты не переживай, сама знаешь, полиморфы очень темпераментные и тестостерон у них зашкаливает, но там все... Короче, Кирилл отказал, его мало что интересовало в то время. Он ел, пил и просто существовал. Нас охранял и... мне кажется, он не может жить без цели в жизни, а потеряв сына, лишился ее. А сейчас, вон, оживает с каждой минутой с тобой, они тут с Павлом уже запланировали...

– Лидка, ты опять меня закладываешь? Все наши секреты раскрываешь... – Раздался громкий раскатистый смех, и веселый голос Павла у меня за спиной заставил вздрогнуть или скорее подпрыгнуть от неожиданности.

Лида с нежностью посмотрела на мужа и сказала, снимая сковороду с печи и вываливая последние тосты на тарелку в горку к другим поджаренным и аппетитным:

– Кира теперь наш друг, соседка и товарищ по несчастью. Какие могут быть секреты?

– Да! Какие могут быть от меня секреты? – прищурилась и поддакнула я. – Что вы там с Кириллом придумали?

Руслан – заспанный, небритый и лохматый со сна – выглянул из-за мощного и широкого Павла, протянул руку и сцапал тост. За что тут же получил от Лидии лопаточкой по пальцам.

– Ты бы умылся, Лис, а то как из дикого леса, – с улыбкой предложила ему, и уже обращаясь ко всем: – К столу садитесь, нечего кусочничать.

– Эх, Лидия, кусок хлеба пожалела... – попытался вызвать снисхождение Руслан. – Да умоюсь я, умоюсь... – донеслось уже из коридора.

Пока накрывали на стол, я наслаждалась утренней суетой, присутствием кучи народа вокруг, нашими шутками и разговорами. Олег, громко зевая, бухнулся на стул, Лиза прибежала, начав его тормозить. Шум, гам, детская возня, но это, оказывается, так необходимо и приятно...

По плану у нас сегодня поездка на ферму и знакомство с остальными селянами. Перед отъездом Кирилл попросил Лизу подарить ему тетрадку и ручку, а я зависла от умиления, глядя, как они оба, держась за руки, отправились за подарком. Видимо Кирилл пытается со всех сторон войти в мою жизнь и обложить словно волчицу красными флажками, чтобы не смогла убежать.

Ехать решили в машине гостей, она больше моей, и в ней мы смогли уместиться все. По рации предупредили Михалыча, что скоро подъедем.

* * *

Нас встречали всем составом. Зинаида выглядывала из-за плеча Сереги Серого, но стоило ей разглядеть новеньких получше, она тут же выдвинулась вперед, что не укрылось от его внимания. Его светло-зеленые глаза тут же прищурились, и в них появились раздражение и злость. Я мысленно взвыла: «Вот только склок из ревности не хватало».

Семен одной рукой обнимал свою Марту, а дочь – другой, в их семье чувствовались единство, любовь и полное понимание. Они втроем смотрели с любопытством, оценивая разглядывая новеньких.

Дмитрий со своими сыновьями стоял чуть в сторонке, облокотившись на одну из машин для перевозки кормов. Окинул гостей внимательным пристальным взглядом и расслабился, словно за пару мгновений признал

их за своих и успокоился. Его парнишки с любопытством смотрели на Олега, который неуверенно мялся рядом с Лидой и Павлом. А Лиза тут же направилась к ребятам, чувствуя свое превосходство над Олегом, хоть в этом... Маленькая лиса решила похвалиться своим знакомством с пацанами. Ведь она знает их, а он нет.

Михалыч улыбнулся, от чего его серая шелушащаяся чешуя еще больше встопорщилась, а по щеке скатилась слеза, и громко поздоровался:

– Ну, что же, гости дорогие, приветствуем вас в нашей небольшой общине. Долго болтать не будем – дел по горло. Познакомимся в процессе общения, так сказать. Марта, хорошая моя, забирай девчонок, и идите обедом займитесь праздничным, а мы пока с парнями пройдемся по околице и ферме... – Кирилл и Павел настороженно огляделись вокруг, и Михалыч по их недовольным лицам сразу догадался, отчего им не понравилось его предложение. – Не переживайте, мужики, дорогу мы завалили и все следы к ферме припрятали, Зина магией постаралась. Здесь Серега с Зиной останутся и присмотрят за женщинами. И Фед, если что...

Судя по взглядам, которыми оборотни одарили Серегу, доверия он им внушал гораздо меньше, чем Федор. Но за Михалычем все же отправились, а мы привычно пошли в здание управления агрокомплексом. Детям предложили присоединиться либо к одной группе, либо к другой. Оставлять наши сокровища без присмотра никто не собирался. Ожидаемо девочки отправились с нами, а ребята и Лиза – с мужчинами. Понятное дело, ей хотелось пообщаться с новенькими. А тут столько дядей из которых можно веревки вить.

Я представила Лидию Марте, Зинаиде и их дочерям, затем мы начали готовить, при этом не забывая поболтать и поделиться новостями. Зина тут же поинтересовалась:

– Так, как я понимаю, самый здоровый – это твой муж, да?

Лида кивнула и осторожно заметила, бросив на меня короткий взгляд:

– Его зовут Павел, он – рысь, русоволосый Руслан – лис, брюнет Кирилл – сур и он... пара Киры.

Зинка, поизучав меня взглядом, видимо, пришла к своему какому-то мнению, пожала плечами и заметила:

– Стоящие мужики, в принципе, я рада, что вы теперь рядом жить будете.

Серега, зайдя к нам и услышав ее слова, недовольно дернулся и едко произнес, усаживаясь на стул в углу комнаты, где мы устроили кухню:

– Раньше ты полиморфов за зверей принимала, а теперь они у тебя стоящими стали? Может решила кого из них себе взять? Ты ж у нас

магиана, а я лишь чувствующий. Конечно, какие тут сравнения с оборотнями, да?

Зина, опустив плечи, виновато посмотрела на рассерженного и, похоже, неуверенного в ее чувствах мужчину. Проворно выскочила из-за стола, вытерев руки о передник, и прильнула своими аппетитными формами к Сереге, присев к нему на колени. Заискивающе заглянув в его глаза, женщина мурлыкнула, создавая у меня стойкое ощущение, что в ее крови точно полиморфы из кошачьих поучаствовали или лисьих:

– Сереж, ты же знаешь, я люблю тебя, и другие мне не нужны. Ты отец моим девочкам, и мы семья. Прости, не хотела тебя обидеть или задеть, но сам подумай... Почему бы мне не порадоваться? Чем больше у нас сильных мужиков, тем безопаснее наша жизнь и детей наших тоже, – она потянулась к его уху и шепнула что-то приятное, надо полагать. Потому что на лице мужа неверие тут же сменилось счастьем, даже глаза заискрились.

– Это правда? Точно? Ты уверена? А когда? – обрадовался Серега

Зинаида закатила глаза, выразив свое отношение к подобным вопросам, а Марта, прижав ладонь к груди, спросила мягко:

– Неужели понесла?

Зина раздраженно глянула на подругу и ответила передразнивая:

– Понесла-а-а! Я тебе что, корова? Я женщина и я, – она хмыкнула и весело закончила, – залетела от этого ревнивца, да и срок всего пару месяцев...

– А у меня три, четвертый, вместе растить будем, получается. – Лида, улыбаясь, посмотрела на женщин.

Зина нахмурилась, а потом наигранно обиженно заметила:

– Ну вот, теперь поздравлениями с тобой делиться придется?

Мы с Мартой посмеялись, поздравили Зину и счастливого Серегу и продолжили заниматься делами.

Вскоре к нам присоединились остальные мужчины. Удостоверившись, что с нами все в порядке, Павел и Кирилл уселись чуть в сторонке за большим офисным столом и продолжили что-то обсуждать. Кирилл быстро записывал под диктовку Михалыча и выглядел при этом очень внушительно. Точно настоящий полковник...

– Наконец-то снежная королева запала на мужика, а то я думала совсем замерзнешь в своей одинокой кровати... – Я недоуменно посмотрела на Зину, которая с незлой насмешкой уставилась на меня, после того как тихо прошептала свое неожиданное заявление.

– Зина, ты меня иногда убиваешь своими выводами и комментариями.

– Ну, я тебя точно не убью, а вот одиночество или неудовлетворенное

желание...

– Зин, главное, что тебе это не грозит, рада за тебя. Обо мне не переживай, этот сур не даст мне зачахнуть в одиночестве и замерзнуть в холодной постели.

Я думала, она обидится и не станет продолжать, но та, лишь расхохоталась, добавила напоследок:

– В этом я уверена, и пока Серега не слышит, признаюсь – даже завидую тебе.

– Зин, то ты на мою Лизу из-за второго лица кричала, а теперь завидуешь, что я пара сура? Ты вспомни, кто такие суры? – изумилась я.

– Ой, подруга, в наше время, только за спиной сура и почувствуешь себя спокойно, так что, забеременев в третий раз, я пересмотрела все свои убеждения. Поэтому рада, что ты их сюда заманила... Защитников!

Большие ладони сомкнулись на моей талии, прижимая к горячему твердому телу Кирилла, а его голос прозвучал вкрадчиво и возбуждающе:

– Боюсь вас расстроить, Зинаида, но скорее мы к Кире напросились, нежели она нас заманивала.

Вздрогнув, застыла статуей. Я все еще очень остро и немного с опаской ощущала его присутствие рядом, особенно после такого впечатляющего утра. Зина, прочитав на моем лице неуверенность и, возможно, еще много чего, хмыкнула, качнула головой и отошла к Сереге.

– Расслабься, волчонок, я не сделаю тебе больно или плохо... – едва уловимый шепот на ушко. Ладонь Кирилла скользнула чуть выше по животу, приближаясь к груди, а я даже сквозь свитер ощутила, какая она горячая.

– Послушай, Кирилл, я не хочу, чтобы ты ставил меня в неловкое положение перед... – я говорила тихо, но настойчиво, но договорить не дали.

– Ты в моих объятиях. – меня еще крепче прижали, а его голос стал тверже: – Это не неловкое положение и скоро станет привычным для тебя, так же очень рассчитываю на то, что и необходимым.

– Кир, не дави на меня! Чем сильнее на меня давят, тем большее сопротивление получают... – прошипела в ответ.

Кирилл развернул меня к себе лицом, все еще удерживая за талию обеими руками. Я столкнулась с взглядом холодных и неуступчивых голубых глаз... Возникло ощущение, что заглянул глубоко внутрь меня и просчитал.

– Хорошо, волчонок, давай поиграем в ухаживания. Заметь, иду навстречу твоим пожеланиям.

– Пупсик, ты своей иронией меня не достанешь, – решила не вестись на провокацию. А вообще, эти пикировки с суром стали какой-то отдушиной, возможностью отвлечься от ставшей тяжелой и рутинной жизни. Давненько за мной не ухаживали, не обольщали, не флиртовали. Хочу! Не выдержала и улыбнулась.

Голубые глаза сразу потеплели, в них появилось что-то игривое, нехарактерное для него. Хотя, много ли я узнала за три дня о Кирилле, чтобы утверждать, привычно это для него или нет?! Ведь каждый из нас был другим еще год назад. А теперь изменилась жизнь, изменились и мы. Есть четкое и даже осязаемое разделение: до и после.

– Придется потерпеть от тебя пупсика, волчонок, но, повторяю, недолго. А «доставать» тебя буду долго... всю жизнь, милая моя, – с невероятной теплотой в голосе прошептал он, обдавая шею жарким дыханием.

Я улыбнулась, чувствуя, что, несмотря на все, подчас странные и невероятные, события, которые с нами произошли или происходят, с каждым часом, проведенным в его обществе, мне все проще с ним общаться, а главное, интересно и, кажется, уже... необходимо. Но я была бы не я, если бы не попыталась оставить последнее слово за собой:

– Ну-ну! Жизнь покажет... пупсик. – Наверное, я уже говорила это.

– Я ей помогу в этом нелегком деле! – Сур, быстро наклонившись, коротко поцеловал меня в ухо и уверенной, чуть пружинящей походкой направился к мужчинам. Подхватив свою тетрадь со стола, тут же вступил в жаркую дискуссию с Павлом и остальными.

Я прислушалась, тоже подходя ближе. Мужчины так увлеклись, что забыли про обед. Сейчас настойчиво убеждал Паша:

– Да поймите же, нельзя укрываться за заборами, вы их столько не настроите, чтобы спрятаться от всего. Да и не устоят они против всего, и вас за собой не скроют! А если не вас, то ваших детей уж точно. Надо, наоборот, идти в город и искать выживших, спасти кого возможно, приводить сюда, давая шанс начать все сначала! Надо думать о будущем, о дальнейшей жизни, строить новый мир, формировать новое общество. Пусть все начнется с этой общины. Земли, чтобы прокормиться, тут много. Наши дети должны общаться, учиться, перенимать опыт и знания, не бояться будущего. Чтобы нам не страшно было когда-нибудь оставить их. Пока мы – их связь с уходящей цивилизацией, а что будет дальше, вы задумались? Одичают и начнут рвать друг другу горло. Мы обязаны передать им свой опыт, знания и научить, как жить дальше! Так что помимо людей, надо книги и информационные носители собирать.

Технологии тоже надо передавать, а для этого нужно знание как их создавать и использовать.

– Нам бы пока просто выжить... – начал было скептически настроенный Серега.

– Серега, – прервал его Паша, – у тебя третий ребенок на подходе, две девочки подрастают. Какое ты им будущее готовишь? Непосильный труд ради куска хлеба, роды в поле и скорая старость. Это если не прибьют такие, как та банда?!

– А ты что предлагаешь, Паш, сейчас в город идти и собирать народ, а потом жить всю зиму впроголодь? Мы ради кого-то все лето надрывались? А они сейчас на все готовое придут, а потом еще как отблагодарят – неизвестно! Получишь ночью нож в спину, и все, некому моих троих поднимать будет, – возразил Сергей.

– Серый, – не выдержала и влезла со своим мнением, – да у нас столько круп и консервов, что на пять лет хватит, так что мы полк спокойно прокормить сможем...

Паша тяжело вздохнул, а потом угрюмо продолжил:

– Сейчас адекватный народ не соберем, не поможем выжить более слабым, потом сами взвоем. С кем в конце концов останемся? С бандой у себя под боком? С обозленными голодными жителями? А они в эту же банду пойдут или скопом на нас повалят. Мороз и голод – страшная сила, тут любой озверееет. Или с прочими, которые из других мест придут в поисках пищи и покоя? Мы проехали по стране, и поверьте, у вас тут пока тишь да благодать. Ну, год так проживем, ну пять, а потом война за ресурсы начнется, это любому дураку понятно. Если никто ничего не производит, то и взяться нужному и необходимому неоткуда. А соль, сахар, лампочки, да еще миллион необходимых вещей... Нет, мы с Кириллом и Русланом однозначно намерены идти по другому пути – прятки не для нас. У нас семьи. И о защите побеспокоиться – уже наша забота. И мы этим вопросом займемся, не сомневайтесь.

Семен, хмуро глянув на Павла, Кирилла и Руслана тоже не забыв одарить злым взглядом, возмутился:

– Да вы только пришли... три дня здесь покрутились и уже все о нас и нашу жизнь знаете, да? Мы здесь всю жизнь прожили. Ферму эту поднимали...

– Вы ферму поднимали? – я снова возмутилась. – Вспомни, Семен, в каком состоянии все ваши хозяйства были, пока «Агропищтех» сюда не пришел? Вы тут индивидуальные хозяйства потихоньку тащили каждый на своем горбу, а потом, когда мы здесь свои интересы коммерческие

внедрять в жизнь начали, еще и митинги стихийные устраивали. Ваши хозяйства убогие включили в процесс, и вот тогда вы настоящие деньги впервые в жизни и увидели, и заработали, наконец. А сейчас ты этой фермой прикрываешься... Нет, дорогой, так не пойдет... Вот Михалыч создавал и поднимал, а вы лишь палки в колеса вставляли.

Уличенный во лжи Семен нахмурился, смутился, но сдавать свои позиции не стал. Тертый он калач, чтобы долго смущаться или маяться угрызениями совести, да и прав он, по сути.

– Это ты права, но извини, Кирюш, если бы не мы, ферма загнулась бы весной еще, а мы...

Михалыч встал и, подняв сухонькую руку, весомо заметил:

– Так! Мы тут что, ферму делим? Землю? Или что мы тут делим? Я не понимаю ваших споров. Я сначала, старый дурак, думал, мы тут собрались общаться и о жизни дальнейшей думать. О будущем: своем и детей наших. А Павлуша прав, Семен, и ты это сам понимаешь, только признать не хочешь. Еще пару поколений, и мы вернемся к каменным топорам и шкурам на голой заднице, ты сам до этого доживешь, Семен... и ты Серега – тоже. Если повезет... вообще выжить. Ты хочешь такого будущего своим детям? Этот рысь верно говорит, ты подумай и представь, Семен, что твоя Наталья через пару лет встретит свою любовь, а потом... рожать в поле или в бане как двести лет назад будет... или помирать в муках. Я это еще помню, ведь как раз тогда сюда приехал...

Семен побледнел, бросив взгляд на испуганное лицо Марты, которая судорожно прижала дочь к себе. Она только потеряла двоих сыновей и последнего ребенка... Да она даже думать об этом боялась, судя по ее круглым от ужаса глазам, и Семен, это понял. Я видела, как поникли его плечи, и он с нежностью поймал взгляд Марты. А потом повернулся к Павлу и спросил:

– И что ты предлагаешь? Какой у нас план? И вообще, насколько он реален?

Кирилл, все это время сидел молча, рисуя что-то в тетради и наблюдая пристальным взглядом за всеми, и главное, я думаю, за реакцией и выражением лиц селян, слушавших Павла. Про себя я решила, что они специально разделили с Павлом свои роли в этой невеселой интермедии и разыграли все по нотам, остался только завершающий акт, и я приготовилась его внимательно смотреть.

Кирилл повел плечами и встряхнулся, снова вызвав у меня ассоциацию с волком. А я, чувствуя себя глупышкой, старалась вслушиваться в слова и абстрагироваться от чувственной вибрации в душе,

которая возникала, стоило мне услышать его хрипловатый рычащий голос.

– Нам нужны людские ресурсы – это в первую очередь. Причем грамотные люди, а еще лучше – специалисты во всех областях. Михалыч, ты мне скажи, Васино – подходящая платформа для создания нового города?

– А чем тебе Тюбрин не подходит? – вмешался с вопросом Димон, с недоумением посмотрев на сура. Руслан закатил глаза, в насмешке, видимо.

– Тюбрин – кладбище, – спокойно ответил Кирилл. – Как мне сказала Кира, он только пару месяцев назад от пепла более-менее отмылся, благодаря дождям, и пожары прекратились. Сейчас это склад необходимого товара на ближайшую пару лет, пока ветра, время и вода не уничтожат. Рассадник заразы, крыс и пристанище бандитов с сумасшедшими... Собачьи стаи. Ты бы там захотел свою семью поселить? – Жесткий взгляд голубых глаз пронзил Димона, и тот, тяжело вздохнув, отрицательно мотнул головой. А Кирилл между тем продолжил: – Вот и другие не захотят, а нам важно, чтобы захотели...

– А с бандой что делать будем? – Серега сидел с Зиной на коленях, которая вслушивалась в каждое слово. Она ждет ребенка и теперь сама нервничает. Мне показалось, что слова Михалыча о родах в поле ее не обрадовали, а уж об отсутствии квалифицированной помощи врача – откровенно испугали и заставили задуматься.

Руслан криво ухмыльнулся и включился в разговор, скорее процедил лениво, чем сказал:

– Поохотимся! И лучше сейчас, чем весной, когда они голодные и злые будут. Сейчас они разомлевшие от беззакония, ведь реальной противостоящей силы, которая их к ногтю прижмет и заставит ответить за все...

– Какой ты смелый, однако, – покачал головой Димон, – мы вот уже пообщались с ними на военной базе и еле ноги унесли. Там ребятки с лицами интеллектом и совестью не отягощенными. Да и моральные принципы у них вряд ли присутствуют.

Кирилл ухмыльнулся уже привычной улыбкой, и взглянул на Димона, от чего тот вздрогнул и побледнел. А я мысленно усмехнулась. Я эту улыбку уже обожаю...Тьфу! Опять кто о чем, а я... не о главном, в общем.

– Эту задачу мы берем на себя, – медленно протянул Сур, – но с этого момента мы разделим обязанности, и каждый будет отвечать за свои головой. Все мужчины, включая подростков, обязаны – пока еще можно спокойно передвигаться – собираться здесь для тренировок, потом сделаем

три раза в неделю до весны. Наша безопасность зависит, прежде всего, от нас самих. Так что приемам самообороны и защиты, я берусь вас научить. И повторяю вопрос, Михалыч, Васино походит для нового города?

Старик задумался и, лишь хорошо подумав, выдал:

– Я летом ходил чуть ближе к городу, смотрел... думаю, лучше в Таюгре. Там домов много осталось от большого коттеджного поселка. Инфраструктура развита неплохо, и от Васино пять километров, между нами поля – есть куда расширяться при дальнейшем строительстве. Да и поля вокруг, многих прокормим если что...

– Значит, решено, новичков сначала здесь селим, а потом в Таюгре.

Семен внимательно посмотрел на Кирилла и осторожно предложил, при этом еще и своих друзей окинув пристальным взглядом:

– Что ж, сур, вижу, мужик ты деловой, ответственный, предлагаю тебя старшим назначить, а Михалыч твоим замом будет...

Остальные промолчали, Павел добродушно улыбнулся, а вот Руслан хитренько так ухмыльнулся, словно соглашаясь со своими мыслями, или он поспорил сам с собой и выиграл. И я так думаю, был практически уверен в таком исходе дела и принятии подобного решения.

Кирилл, внешне не обращая на все это никакого внимания, с абсолютным спокойствием кивнул, затем обратился к Семену:

– Тебе придется проехать со мной и Русланом, чтобы показать, где та военная база, на которой вы побывали.

Тот с недоумением уставился на только что избранного руководителя нашего поселка.

– Зачем? Я уверен, что эти... вывезли все, что может стрелять.

Кирилл ухмыльнулся, и к чести Семена, надо сказать, что тот не дрогнул от этого саркастического оскала.

– Семен, я так понял из ваших слов, что банда состоит в основном из котов и магов-отщепенцев. То есть, профессиональных силовиков среди них нет? – Семен согласно кивнул, потом отрицательно помотал головой, отвечая на слова сура. – На военных базах сверху лежит только стрелковое оружие... для охраны того, что спрятано внизу. Это первое, а второе – мне не только оружие требуется.

– А что еще там может храниться кроме оружия? – Серега подался вперед с горящими глазами.

– Связь, Серега! Без связи мы – село и все. Со связью мы – сила и будущее у нас, уж я постараюсь. – Он нашел взглядом мои глаза и посмотрел, так странно... обещая, успокаивая и... предвкушая. А я опять не могла вырваться из этого голубого плена, в котором смешиваются

льдинки и теплые смешинки, когда он смотрит на меня.

– А с кем нам связываться-то? – вновь переспросил Серега. – Друг с другом что ли? Так рации у нас уже есть...

Павел с Русланом недоуменно посмотрели на друга в ожидании ответа. Кирилл, наконец, оторвавшись от меня и заметив интерес и любопытство, которые, впрочем, уже у всех были написаны на лицах, ответил:

– Со своими попробую связаться... кто живой остался. У некоторых семьи, многие на западе, а еще на востоке части есть. Хочу попробовать, может быть новости узнаю...

– Ну, то что ты военный – любому видно, но чего ж со своими-то не остался, а сюда попал? – Семен с недоумением и легким подозрением уставился на Кирилла, лицо которого враз потемнело. Мне показалось, что ему сейчас не хотелось бы озвучивать причину. Приблизилась к суру и, встав у него за спиной и положив на окаменевшие плечи ладони, ответила Семену сама:

– Мы все потеряли близких, родных, и тебе ли не знать, как невероятно тяжело это пережить, а уж с детьми расстаться...

Лицо Семена тоже потемнело от неловкости и от своих переживаний. Он кивнул и, прерывая меня, тихо извинился:

– Прости, старший, не хотел...

– Ничего Семен, у нас у каждого горе, и с этим мы научимся жить... не извиняясь друг перед другом. Со временем, быть может. – негромко ответил Кирилл. Затем поднял голову, задирая подбородок и ловя мой взгляд, поймал мою соскальзывающую ладонь и поцеловал, вызывая краску смущения на моих щеках. И его голос уже не был тоскливым, он был... многообещающим: – Спасибо, милая ты моя защитница! Мне пр-р-риятно! Я, можно сказать, счастлив...

Мое охмурение прервал Павел, который жестко оборвал:

– Так, не отвлекаемся, у нас еще много вопросов на повестке дня!

– Паш, ты раньше секретаршей был или директором? – ухмыльнулся Серега.

Павел нахмурился, тяжело глянул на Серегу, но тот продолжал ухмыляться. Пришлось Паше отвечать:

– Нет! Я был командиром подразделения в пожарной части.

– Вот! Кирилл, – Семен встрепенулся и, ткнув в Павла пальцем, предложил остальным, – а почему бы нам не назначить его главным за город... Правильное строительство, пожарные, ну и куча всего, что в его обязанности включить можно...

– Павел относится к тем людям, с которым очень легко и приятно работать. Думаю, ты прав Семен. А ты тогда за агрокомплекс отвечать будешь, раз меня к Кириллу отфутболил. – улыбнувшись, заметил Михалыч.

– Михалыч, так я потому...

– Да знаю я, знаю, не переживай, мне лестно и приятно, что ты о моих умственных способностях так хорошо думаешь. – Махнул рукой хавшик.

Кирилл все записывал, похоже, назначения и мероприятия, которые требовались.

– Так, с этим утрясли, теперь дальше идем. Пока снега не навалило, надо с окрестными домами решить, те которые готовы к заселению протопить, посчитать и, вообще, составить реестр пригодных к проживанию домов. Если надо, окна и двери вставим. Это на вас, Серега и Зина. Еще необходимо озаботиться дровами для них и углем... на всякий случай. Это на нас с Пашкой и Русланом, нам еще и для своих топливо нужно. Серега, вы с Зиной еще списки необходимой мебели составьте и ее количество укажите, чтобы мы в городе не гадали чего и сколько. – получив согласный кивок, Кирилл продолжил. – Каждый составит свои собственные инвентарные списки: чего и сколько легко можете передать в дар новичкам, у которых ничего нет, касается это и продуктов.

Зинаида тяжело вздохнула и заметила:

– Эх, нам бы школу небольшую организовать, ведь знания – это важно, а у нас подростки...

– А педагогов где взять? – тут же озаботился Кирилл. – Мы ее однозначно организуем, это один из приоритетных аспектов нашего плана. Знания передавать будем, учить ими пользоваться – тоже.

– Я преподавала естественные науки в нашем университете, у меня же магия земли, хоть и слабенькая, но для учителя вполне достаточно.

Все сразу заинтересованно уставились на нее, а Кирилл, окинув всех мрачным взглядом, предложил:

– Отложим открытие школы до весны, но ты, Зинаида, теперь директор и первый ее преподаватель. Кстати, надеюсь не надо напоминать родителям, чтобы дети пока занимались самостоятельно, но под вашим руководством. – Отметив счастливое лицо Зины, продолжил. – И еще... сейчас каждый опишет свои умения и профессиональные навыки. Для этого надо создать регистрационную книгу жителей. Дмитрий, это на тебе. Посоветуйся с Кирой как правильно оформлять и регистрируй всех новичков тоже. Причем, подробно. Кто, откуда, когда и как? Понятно? – Димон смущенно улыбнулся, кивая, чувствовалось, что ему приятно получить какое-то ответственное дело, а Кирилл, между тем, вспомнив

что-то, тут же добавил: – Да, заведи еще две книги для регистраций браков и рождений... и смертей.

Вызванные первыми словами сура улыбки в конце сменились хмурыми минами, но такова жизнь. Кирилл повернулся к Руслану и мрачно произнес:

– Я чувствую, что пожалею об этом решении не раз, но уверен, что лучше так, чем... – немного подумав, выдал, – Руслан, ты назначаешься исполняющим обязанности полицейского. Выявляешь преступления, собираешь доказательную базу и выносишь на суд общественности.

Мгновение осмысления, а потом сначала загоготал Павел, затем мы с Лидой и Михалыч уже утирал бегущие от смеха слезы. Руслан же, невиданное дело, растерялся, пока Кирилл говорил, затем, все же собравшись с силами, осторожно спросил, с неудовольствием поглядывая на нас:

– Ты пошутил или наказать хочешь? – Кирилл мотнул головой, тоже оскалившись в ухмылке, поэтому Руслан, прищурившись, предположил: – Ага-а-а, это ты мне мстишь за флирт с твоей Кирюшей, да? – Кирилл тут же стер ухмылку и тяжело, можно сказать, убийственно посмотрел на друга, а тот сразу же пошел на попятную: – Ну, все, все, я понял, что сказал чушь. И вообще, я согласен... я же... я согласен и постараюсь оправдать ваше доверие. – Не выдержал проникновенно-покаянного тона и хихикнул.

Михалыч поднялся тяжело, все же преклонные годы просто так не приходят, и предложил:

– Ну что... горожане, пойдемте, отметим рождение нового города и новой общины?

Все с большим энтузиазмом приняли предложение Михалыча, потянувшись за ним к уже давно накрытому столу. Мы были последними. Повернулась спиной к Кириллу с намерением помочь Лиде и Марте с горячим, как меня, уже кажется привычно, обхватили большие сильные ладони, прижимая к телу сура, и тягучий рычащий голос выдохнул мне в ухо:

– Моя маленькая защитница... Заботишься, переживаешь, защищаешь, а как сладко целуешь, р-р-р-р, мой волчонок. – Ладони скользнули по животу вверх, а я судорожно вскинула глаза, проверяя, не смотрят ли на нас остальные. Нет, каждый занят своими делами и мыслями.

Тихо охнула, когда его длинные пальцы, добравшись до моей груди, ущипнули за вершинку. Я дернулась, словно между телами искра проскочила и разомлела.

– Ты что делаешь, сур бесстыжий? Здесь же... – попыталась гневно

прошипеть, но получилось скорее жалобно прохрипеть.

Меня легонько ущипнули уже за другую грудь, и я вцепилась в его руки. Какие же сильные ощущения – мои ладони на его руках, которыми он сжимает мою грудь. О, Триединый, дай мне сил выдержать и не растечься тут лужей.

Затрепыхалась в его руках, пытаюсь освободиться, но смогла только после того, как он сам неохотно отпустил, тут же сграбастав мою руку и прошептал:

– Ненадолго, милая, но оцени усилия в демонстрации лично тебе, что ты моя, а я твой. Навсегда!

Ноги дрожали от переживаемых ощущений: смущение, возбуждение, предвкушение... А еще, как ни странно, удовольствие от этой игры в провокации. Это было так, потр-р-рясающе, заставляло буквально кипеть мою кровь. Разгонять холод... Наверное, поэтому я ответила, провоцируя и... обещая:

– Оценила! – Искоса глянула на мужчину, который довольно ощерился, провожая меня к столу. Похоже, нам обоим нравится эта игра.

Домой мы вернулись как раз к вечерней дойке, и самое интересное, что мужчины этим делом занялись сами. На мой недоуменный взгляд Кирилл коротко пояснил:

– Дойть корову надо уметь теперь всем, но мужчин сам научу. – И нахально подмигнул мне. Я покраснела, а сур уже привычно довольно ощерился. Гад!

– Да не очень-то и хотелось, идите, пожалуйста, а у меня еще коза есть и птица, вот их и проведу.

Потом мы с Лидой перебрали грязные вещи, решив их завтра постирать, немного прибрались, но у меня все равно создалось ощущение, что делать нечего – раз доить не надо. Странное чувство. Зато позанималась с детьми, пока Лидия есть готовила. И спать легли рано, снова вернувшись к режиму, к которому мы привыкли с Лизой, пока у нас столько гостей не поселилось.

3 ноября

– Я хочу светлый диван! – Лида, уперев кулаки в бока, упорно гипнотизировала мужа. Павел уже начал раздражаться, почти час торгуясь с женой из-за каждой мелочи.

– Лида, диван – это надолго, а у нас дети... скоро появятся, а светлый цвет – не практичный и...

– Так, я что, уже ничего выбрать не могу для своего дома? Может я и не нужна уже на этом празднике жизни? Может я и тебе уже надоела? Да? Конечно, толстая стала, беременная... – обиделась Лидия.

Павел поморщился, словно лимон укусил, потом, заметив мокрые дорожки на щеках Лиды, тут же рванул к ней обниматься. Прижав Лиду к груди, он тихо, заискивающе зашептал:

– Ну что ты, девочка моя солнечная, любимая. Ну что ты расстроилась из-за какого-то дивана? Хочешь светлый, ну значит будет у тебя светлый... А беременную я тебя еще больше люблю... хотя куда больше – не знаю...

Огромный Павел нежно прижимал свою женушку к мощной груди и ворковал аки голубок, а мы дружно засмотрелись на эту картину, я так даже сама чуть не прослезилась, настолько трогательно она выглядела, хотя в самом начале спора этой парочки по поводу внешнего вида их гостинной веселились. Судя по слезам и всхлипываниям Лиды, ее гормональный фон вышел на уровень, когда беременность начала накладывать отпечаток на настроение и мышление.

– Надеюсь, ты мне такие фортели выкидывать не будешь? – Позади меня возник Кирилл, обняв за талию.

– И не надейся, уверена, буду еще хуже..., – высвободившись из его рук, весело ответила, скорее снова провоцируя, – но надейся...

Руслан насмешливо хмыкнул, зато Кирилл расплылся в хищной ухмылке и, снова притягивая меня к себе, поймав за локоть, философски заметил:

– Я чувствую прогресс, по крайней мере, ты не отказалась сейчас, а уже смирилась с мыслью, что у нас будут дети и... именно я сделаю тебя беременной. – Я закатила глаза в притворном раздражении, а Кирилл между тем добавил: – И только Триединый знает, с каким удовольствием я буду делать тебя беременной...

Шлепнула по руке сура, намекая, чтобы не увлекался, но не удержалась и спросила:

– Ты так любишь детей? – Его рука скользнула с моей талии вверх, пробежалась по груди, вызвав дрожь в моем теле, а потом замерла, обхватывая шею и часть подбородка, заставляя приподнять лицо и заглянуть в голубые глаза. Почему-то сейчас я видела в них целое небо, а не маленькие озера...

– Ника любил, а с чужими... Дети, они всегда дети и нуждаются в защите. Лиза будет моим ребенком, значит, я полюблю и ее. Насчет этого не переживай, никому ее в обиду не дам. А вообще, я это сказал, потому что хочу видеть тебя беременной своими детьми, а уж сам процесс их

зачатия... с тобой... просто дождаться не могу этого момента.

– А давайте больше не будем о беременности, – обреченно заныл Руслан, – а то у меня такое впечатление, что мир вокруг меня свихнулся, и все только и думают об этом. У нас сейчас столько более важных тем для разговора.

– Деревня, свежий воздух, парное молоко, – решила «успокоить» лиса, не упустив возможность поехидничать, – знаешь ли, способствуют.

Руслан раздраженно плюхнулся на раскладушку, разложенную посреди комнаты и являющуюся единственной мебелью помимо кухонного гарнитура. Раскладушка надрывно заскрипела под его весом, он нахмурился, раздумывая, – вставать или нет, но опоздал и провалился до самого пола. Теперь его колени потешно торчали в разные стороны, а лицо выглядело настолько уморительно-изумленным, что мы не выдержали и рассмеялись.

Слезы Лиды уже успели высохнуть, и сейчас она, заливисто хохоча, скорее проикала, чем выговорила:

– Ну вот, теперь и этой мебели лишились. Русик, это тебе намек на постельные обстоятельства сама судьба делает.

Рус вылез из развалившейся раскладушки и хмуро пробормотал:

– Чур, меня! Чур! У нас тут и так скоро детский сад будет: ты, да Зина, Кирка кривляться перестанет и сур ее...

– Руслан! – возмутились все.

– Следи за языком... полицейский все-таки! – угрожающе прорычал Кирилл.

– Так, мы тут уже второй час торчим, застряв на выборе цвета мебели, а дел еще невпроворот. Какая будет, такую и привезем. Нам еще о топливе побеспокоиться и в город съездить надо, – напомнил Руслан, смиренно подняв ладони вверх.

Все признали правоту Руслана и дело продолжилось. Мы с Лидой методично заносили в список необходимого различные вещи, которые мужчины должны привезти из города для двух домов. Одного – Лидии и Павла, другого – Руслана, хоть он и не стремился съехать в свой. Как он с веселым смешком заметил, там не кормят, в отличие от моего дома. А вот Кирилл даже не притворялся, что присматривает себе дом.

Он смотрел на мою собственность уже как на свою и придирчиво исследовал ее вдоль и поперек. Утром мы опять ухаживали за животными вместе, и дело шло в два раза быстрее. А потом во дворе целовались жарко-жарко, аж дыхание перехватывало и долго восстановиться не могло. После он заставил меня вернуться, а сам обследовал НАШ (пора признать этот

факт!) дом снаружи: хозяйственные постройки, забор, и все за ним тоже. Вернулся он к завтраку, после которого мы пошли составлять список необходимого.

Через час я с замиранием сердца наблюдала, как трое мужчин выезжают на моем «Кешаре» за ворота. Они сначала должны заехать на ферму и забрать оттуда грузовик, чтобы привезти максимально больше.

– Кирюш, как считаешь, все будет в порядке? – рядом раздался встревоженный голос Лидии.

Я повернулась и, заглянув в ее серые чистые и такие опечаленные глаза, мягко улыбнувшись, ответила:

– Не переживай, Лид, мое предчувствие сегодня отдыхает, значит, все будет хорошо.

– Я рада, тогда пошли учить меня хлеб печь, – она заметно расслабилась и уже более спокойно попросила, – А вечером мне покажешь, как корову доить, да за животными ухаживать.

– Лид, может пока не надо? – Я с намеком посмотрела на ее едва заметный пока животик.

– Кирюш, учиться нужно своевременно. Я же не тюки таскать буду, а с ведрами мальчики помогут, – весело ответила Лида.

Тесто мы еще вчера поставили подходить в тепло. Хлеба теперь больше требуется и печь нужно на несколько дней. Одновременно готовили обед под веселые истории Олега из жизни его деревни, но каждый из нас посматривал на часы и прислушивался в ожидании звука подъезжающих машин.

Наши мужчины обратно вернулись ближе к вечеру, быстро поели и приступили к разгрузке и сбору мебели. Все понимали, что мотаться в город за необходимым можно будет очень недолго. В нашем регионе еще максимум недели две, а потом дороги заметет снегом, и проехать можно будет в лучшем случае на снегоходе или на лыжах.

Теперь каждый день они исчезали с раннего утра и лишь набегали ели. Только поздним вечером мы собирались вместе за столом на ужин. Всю неделю стояла относительно теплая и сухая погода, позволившая нашим мужчинам съездить с Семеном на шахты несколько раз и привезти угля не только для Павла и Руслана, но и обеспечить им дополнительно еще несколько домов, готовых к заселению. К сожалению, пока из города никого не привезли. Жители словно мыши забились в свои норки и не показывали оттуда и носа, стоило им услышать или увидеть кого-либо, настолько городских запугала местная банда.

Дополнительно наши мужики вели разведывательную деятельность,

как я поняла из их разговоров, но стоило мне или Лиде поинтересоваться этим вопросом, они фыркали и переводили тему в другое русло, а то и вовсе просили «не забивать наши хорошенькие головки подобными проблемами». Достал меня этот мужской шовинизм...

В моем шкафу в спальне внезапно добавилась куча одежды. Как оказалось, это Кирилл перетащил туда всю свою, тщательно и аккуратно ее разместив. Первым порывом было возмутиться, и я уже рванула из спальни выяснять отношения, но потом, резко остановившись и глубоко вздохнув, мысленно махнула рукой и приняла как должное. ЭТО все равно произойдет, сколько бы я не откладывала момент признания Кириллу. Мы принадлежим друг другу, нуждаемся и вряд ли сможем жить друг без друга.

За неделю я это поняла, отметив некоторые мелочи или детали в его поведении. Стоило ему вернуться домой, как он сразу же стремился подойти ко мне и ткнуться носом в волосы, чтобы вдохнуть мой запах, коснуться губами или приласкать. Глупо отрицать, что он нуждается не только в моем теле, но и моей близости в духовном плане. Его радовала и смягчала моя забота, умиляли мои переживания за его безопасность, вызывало трепет мое желание тоже касаться его все время.

Даже Лиза прочно обосновалась в его большом сердце и уже активно училась вертеть грозным суром и находить слабости. Эх, мужчины! Что с них возьмешь? Такое впечатление, что маленькой очаровательной лисичке Елизавете никто из них ни в чем отказать не мог. Пока только Олег держался, но скорее из упрямства, но и тот уже часто со смиренной улыбкой прощал ей шалости или проказы.

Вот и сегодня, стоило усталым мужчинам привести себя в порядок и собраться перед камином после ужина, как в комнату влетела Лиза с обиженной заплаканной мордочкой. И впервые она рванула не ко мне, вызвав удивление и укол обиды в сердце, а сразу подбежала к Кириллу, с разбегу запрыгнув к нему на колени и утыкаясь заплаканным личиком в плечо. Такое случалось нечасто, и я, встревожившись, тоже подошла и, опустившись на колени перед Кириллом, погладила девочку по спинке, утешая. Кирилл же глухо спросил, склонившись над Лизой:

– Лисенок, что случилось? Кто обидел мою девочку, ну-ка признавайся?

В этот момент в комнату вошел насупившийся Олег. Он виновато посмотрел на нас, а я вновь – на свою дочь, все еще гадая, что такого могло произойти, из-за чего бы она так расстроилась. Девочка подняла заплаканное, но весьма хитренькое, а не такое уж трагичное лицо, как могло показаться и, заглядывая в лицо Кириллу, пожаловалась, хватаясь за

ворот его клетчатой рубашки:

– Олег сказал, что ему не интересно со мной играть, потому что я маленькая...

Кирилл приподнял брови, с легким веселым изумлением посмотрел на покрасневшего от смущения Олега. Затем, покачивая головой для усиления впечатления на ребенка, успокоил.

– Нет, Олег ошибается, ну какая же ты маленькая? Вон, смотри, какая ты большая... скоро маму догонишь...

Лиза быстро закивала и перехватила инициативу:

– Вот и я ему о том же сказала, а он говорит, что только маленькие с мамой спят, а большие все самостоятельные и...

Кирилл вскинул взгляд на Олега, у которого уже уши заалели, но тут увидела, как торжествующе вспыхнули глаза сура, можно сказать в них родилась новая звезда, так ярко они засияли, но его голос оставался все таким же понимающим и вкрадчивым:

– Ну, в этом вопросе я с Олегом, конечно, согласен полностью, Лисенок. С мамами спят либо совсем малыши, либо... папы. Давай так сделаем, вот когда Лидия, Павел и Олег переедут к себе домой, ты будешь спать в своей комнате, а я буду спать с твоей мамой... Тогда точно больше никто не скажет, что ты маленькая, потому что спишь с мамой и боишься спать одна. Договорились?

Ничего себе поворот, я даже растерялась от неожиданности. Руслан, Павел и Лида с огромным трудом сдерживали смех, а Олег, расслабившись и вернув себе прежний цвет лица, вальяжно уселся на стуле, с интересом поглядывая на нас.

Лиза нахмурила золотистые бровки, подумала немного, а потом осторожно спросила:

– А ты что, теперь мой папа? Ну, раз ты с мамой в одной кровати спать будешь?

Кирилл крепко прижав девочку к себе, поверх белокурой головки бросил на меня удовлетворенную плотоядную улыбочку, а девочке промурлыкал:

– Да, Лисенок! Теперь я твой папа. И если тебя кто будет обижать, оторву уши за свою девочку...

Нет, ну и как это называется!

– Кир, это непедагогично, такие высказывания... – вмешалась Лида

– Зато полностью отражает истину. – хмыкнул Кирилл.

– Мам, так это правда? – Лиза повернулась ко мне и с надеждой спросила. – Что дядя Кирилл теперь мой папа?

Скрипнув зубами и бросив предупреждающий о грядущих разбирательствах взгляд на сура, нарисовала улыбку и... И не смогла отказать надежде, засветившейся в ясных зеленых глазах девочки. Я только кивнула.

Лиза радостно повопила с минуту, прыгая на Кирилле, потом слезла с его колен, предварительно чмокнув довольного собой новоявленного отца в щеку, а затем с торжествующей миной на хитрющем лице прошествовала мимо Олега. Потом все же не выдержала и, показав ему язык, умчалась играть дальше. Я же попросила Олега:

– Олежек, может ты тоже пойдешь поиграешь?

Мальчик, поняливо хмыкнув, вышел следом за Лизой. Я же рассерженной кошкой резко повернулась к Кириллу, который с интересом наблюдал за мной. И никакого раскаянья на его лице не наблюдалось. Ни граммульки. Затем тихо прошипела, чтобы дети не слышали:

– Нельзя, слышишь, нельзя использовать ребенка в наших с тобой играх. Это аморально и не правильно, и вообще, подло. Ты понимаешь это?

Увиденные мною раньше небеса в голубых глазах Кирилла потемнели, словно буря приближается. Он поднялся слитным, грациозным и очень опасным движением – подобно хищнику, подобравшемуся для нападения. Подошел ко мне и тихо сказал на ухо:

– Я понимаю, Кирюш, ты играешь. – Его ладони легли на мои руки, слегка погладив. – Это для тебя игра и, соответственно, так ты и воспринимаешь многие мои поступки и слова. А я, увы, не играю, милая моя. Для меня это жизненно необходимо – привязать тебя к себе всеми доступными способами. Сейчас наша дочь мне в этом немного помогла, но я не считаю это подлостью, потому что не соврал ей. Сказал, что я теперь ее отец, и это правда, и от своего слова никогда не откажусь. Сказал, что вместе спят папы и мамы – это тоже правда, разве не так? А раз ты мама, а я папа, значит спать мы будем вместе... А дальше жизнь покажет...

– А ты, конечно же, ей в этом поможешь?! – напомнила, раздраженно хмыкнув.

– А ты как думала? – Кирилл ощерился в злой усмешке, но мне показалось, за ней он спрятал... боль? Печаль? – Я же сказал тебе, что очень деятельный мужчина. И ждать у моря погоды не намерен, я сам творец своего счастья, и тебе стоит с этим смириться.

Нечаянно замеченная боль в его глазах вызвала странную усталость от всех этих споров и игр, поэтому я честно сказала:

– Знаешь Кирилл иногда я восхищаюсь тобой, у тебя куча достоинств и... и в тоже время ты похож на танк – прешь без разбора куда, не замечая

препятствий, а между тем этими препятствиями иногда бывают мои чувства.

Кирилл приподнял мой подбородок и тихо спросил:

– А может это страхи, а не чувства? – замерев, я уставилась на него.

И тут начался своеобразный допрос, причем не обращая внимания на невольных зрителей в лице Павла, Лиды и Руслана, но они сидели тихонько и не вмешивались.

– Я противен тебе?

Я только отрицательно мотнула головой, краем глаза замечая, как невольные свидетели нашего выяснения отношений начали покидать гостиную.

– Ты хочешь меня?

Смутилась и покраснела. Пальцы на моем подбородке напряглись, не давая опустить голову, а синие глаза не отпускали мои.

– Вот... хочешь! И я это вижу, чувствую и ощущаю, и счастлив поэтому. Скажи, я нужен тебе? – Уставилась на него, не зная как ответить, а точнее, стесняясь. Но он вынуждал ответить честно: – Если я исчезну из твоей жизни, тебе станет легче или приятнее?

Мне стало плохо, ощутила, как кровь отхлынула от лица. Страшно, если он исчезнет, да, несомненно. И судя по его удовлетворенному взгляду, он это заметил.

– Я вижу, ты уже не хочешь отпустить меня навсегда? – он пристально смотрел на меня и ждал ответа. Ждал с упорством и настойчивостью, чтобы я сама призналась. Ему, а главное – себе.

Судорожно сглотнув, я испуганно посмотрела на него и попыталась кивнуть, но его пальцы твердо держали мой подбородок. Пришлось отвечать:

– Нет, не хочу, чтобы ты исчезал.

Кирилл, улыбнулся мягко, нежно и спросил, чуть склоняя лицо ко мне:

– Значит, мы – семья?!

Вздрыгнула от этого слова и необратимости последствий своего ответа. Сур-сур, ну дал бы мне еще чуть-чуть времени, чтобы привыкнуть, осознать, а он давит, отвоевывает каждый сантиметр моего личного пространства, заполняет мою жизнь собой без остатка. Но я чувствовала, если сейчас откажусь или отступлю, предположить его дальнейшее поведение не реально. Он не зря меня предупреждал не так давно, что инстинкт защитника снять невозможно и вылечить тоже, да и некому. И не хочу. Похоже, у меня он тоже в отношении него сработал, только по-другому, наверное...

Твердо посмотрела на него и ответила:

– Я согласна, мы – семья! – Порадовалась, что в моем голосе не было и нотки сомнения или неуверенности.

Кириллу тоже понравилось, он склонился ко мне и впился в губы поцелуем. Жестким с легкой горчинкой моего поражения и его победы, но буквально через несколько секунд губы смягчились, показывая, что он сам побежден. Теперь точно мой, навсегда, как бы невероятно раньше это слово для меня не звучало. Р-р-р, какой сладкий стал поцелуй, такой нежный и зовущий. Предлагающий откликнуться на чувства, раскрыться и довериться...

Кирилл медленно, нехотя отстранился от моих губ, напоследок лизнув. Проследил взглядом, как я тоже их облизала, при этом его глаза озарились пламенем желания, и это мне очень-очень понравилось, а потом мы еще какое-то время постояли, переводя дыхание, я уткнулась лбом в его грудь, слушая, как постепенно успокаивается сердце и прошептала:

– Кажется, мы всех отсюда разогнали, надо извиниться что ли.

– Только в этот раз, пожалуй...

Общество, уютно расположившееся на кухне, встретило нас широкими понимающими улыбками, одна из них, правда, кривоватая, ну уж какая есть.

– А мы тут плюшками с чаем решили развлечься, так что на нас можете внимания не обращать, милуйтесь себе на здоровье! – радостно сообщила Лида. – Вас можно поздравить?

– Может мне тоже подумать о женитьбе? – подключился Руслан. – А то вы все тут... Раньше Пашка с Лидкой спать своими стопами и воплями не давали, сейчас хоть пыл поумерили, слава Триединому, а теперь вы начнете... Вон уже и Лизку переселяете, можно сказать, последние денечки спокойного сна...

– Можешь не расстраиваться, дружище, наши стоны тебе не помешают. Мы завтра переезжаем, Олега забираем с собой, а ты переселяйся в СВОЙ дом. Так что по ночам будешь спать спокойно, – обнадежила его Лидия.

Лис поперхнулся чаем, который цедил мелкими глоточками и, прокашлявшись, спросил с трагизмом в голосе:

– А кто меня там кормить будет? И вообще, мне, можно сказать, душевные раны нанесли недавно, и я еще не оправился. Связался с недостойной...

Я с хохотом прильнула к своему мужчине всем телом, и тут же руки Кирилла обвили меня, а потом услышала, как он со смехом говорит

Руслану:

– Ну, на обед и на ужин ты всегда можешь к нам приходить... пока! Но настоятельно рекомендую отыскать в загашнике свой инстинкт защитника и найти себе подходящую пару, которая согласится тебя кормить и поить. Потом, обернувшись ко мне, тихо шепнул на ухо: – Сегодня, я сплю отдельно от тебя последнюю ночь.

Мне, слава Силе, не пришлось отвечать – Лида обратилась ко всем:

– Мальчики, мы с Кирой очень хотим в город. Мне нужно набрать детских вещей, колыбельку и еще массу всего необходимого.

Заметив как лица мужчин сразу стали непроницаемыми, она прошептала, хитро поглядывая на моего теперь фактически мужа.

– Уверена, что Кира тоже может подсуетиться... заранее, так сказать...

– Спасайся, кто может! Ну вот, о чем я и говорил, сплошной дурдом и детский сад. Мир к Адосу катится, а бабы только о беременности и о шмотках думают. Ничего не изменилось...

Кирилл переглянулся с Павлом, вполне возможно, они уже мысленно общаться научились за время совместного путешествия, а потом Павел, поморщившись, кивнул, а Кирилл ответил:

– Завтра мы с Семеном на военную базу смотаемся, а послезавтра поутру отправимся все в город. Лизу и Олега Михалычу оставим, и вы под нашей охраной сможете поискать, что вам нужно.

Лида запрыгала, хлопая в ладоши, Павел засуетился вокруг нее наседкой, Руслан, криво ухмыльнувшись, глядя на Кирилла, покачал головой, как бы говоря: «И ты туда же». Я же поспешила поблагодарить:

– Спасибо! Ты не представляешь, насколько Лиде важно самой выбрать колыбельку, кроватку детскую и вещички, пеленки...

– А тебе, милая? – И тщательно скрываемая тоска в глазах, словно сомневался в том, что я хочу от него детей... и вообще хочу его.

– И мне тоже. Сейчас такое время, что обо всем лучше подумать заранее. А на всякий случай все равно пригодится. Правда?

Напряжение из его глаз ушло и вернулось тепло. Губы расплзлись в едва заметной улыбке, а у меня при виде нее потеплело на душе.

– Правда, милая!

Не выдержала и спросила:

– А может, вы все вместе завтра поедете? Ты же слышал наших мужиков – опасно это и...

– Не думай о плохом. Завтра все пройдет нормально, в штатном режиме. Вдвоем проще... мне. И о банде не думай, скоро ее совсем не

станет. Этот город мой, и я не позволю всякой мелочи путаться у меня под ногами. Свои тылы я сделаю чистыми и безопасными. И мужики мне в этом активно помогают. Ты бы видела, как вчера Димон одного наглого самоуверенного кошака прис... – в этом месте он очнулся, заметив мой приоткрывшийся от любопытства рот, и коротко закончил: – Налъешь мне чайку погорячее, родная моя? – попросил, не реагируя на мое возмущенное лицо. – Пойду проверю обстановку наружи, так, на всякий случай, на ночь.

Федор, увидев собирающегося на выход Кирилла, тут же устремился за ним, цокая по полу когтями. У-у-у, не разлей вода.

12 ноября

Я впервые за несколько месяцев проспала последний час перед самым рассветом, когда привыкла вставать и идти заниматься своим живым хозяйством. Вспомнила, что час назад Кирилл разбудил меня нежным поцелуем, буквально на мгновение вырвав из сладкого сна, чтобы сказать, что он сам сегодня подоит и накормит животных. И самое странное, почувствовав где-то на грани между сном и явью вкус его поцелуя на губах и услышав его тихий голос (старался не разбудить Лизу), я не испугалась и продолжила спокойно спать дальше.

Сейчас, открыв глаза, я глупо улыбалась, ощущая себя счастливой, как никогда. Обо мне позаботился мой мужчина: дал возможность подольше поспать, взяв мои обязанности на себя. Хотя накануне вечером, дождавшись его с прогулки, за кружкой горячего чая сказала, что доить и кормить в деревне считается женским занятием. Тогда он лишь усмехнулся и, зарывшись в мои волосы на затылке, всей пятерней перебирая пряди, сказал, что никто не помешает ему облегчить мою жизнь. А кормить – пожалуйста, он съест все, что приготовлю.

Лизы рядом уже не было, она у нас ранняя пташка. Одевшись и умывшись, прошла в гостиную с твердым желанием позаботиться о самом вкусном завтраке для своего мужчины. Впрочем, как и для остальных, но в гостиной оказались только Лиза и Лидия, они пили компот и играли в домино. Изумленно окинув их взглядом, спросила:

– Доброе утро! А где все? – Лида кивнула, приветствуя меня, Лисенок подскочила, быстро чмокнула в щеку и тут же вернулась обратно, резвой козочкой запрыгивая на стул.

– Пашка с Русланом и Олегом пошли заниматься одним из свободных домов, который на этой улице. Туда и Димон с Серым подойдут, а Семен с Кириллом отправились на военную базу. Они всего полчаса назад уехали,

ты не переживай – немного пропустила. А зачем так рано подскочила? В кои-то веки поспать дали, а ты упускаешь такую возможность.

Я пожала плечами, опечалившись, что не застала Кирилла утром. Не увидела, не прикоснулась... Поймав себя на этой мысли, на мгновение замерла, чувствуя, будто со мной сейчас откровение случилось. Я влюбилась, и совсем не поверхностно... Я люблю, люблю впервые в жизни, и, оказывается, это страшно! В тоже время осознание принесло облегчение, сняло внутреннее напряжение, устранив многие противоречия, мучившие меня последние несколько дней.

Я люблю! Как прекрасно знать и ощущать это всем телом, каждой клеточкой, всей душой чувствовать любовь к другому существу. Не к своему ребенку, родителям или друзьям, а именно любовь к мужчине – Кириллу. Вот так, пребывая в приятных мечтах от этого открытия, прошла на кухню, и так же молча, укрывшись в своих мыслях, позавтракала. Ну а потом Лида отвлекла множеством насущных дел.

Мы затеяли переезд. Потихоньку перетаскали вещи в теперь уже их дом. Определились с продуктами, которые они возьмут себе. Постепенно мы с Кириллом заберем все, что принадлежит мне, но находится на их территории. А на освободившемся месте они будут размещать свое добро. Уже ближе к вечеру задира-петух переехал к Лиде в оборудованный курятник вместе с парочкой курочек, чтобы не скучал. Чуть позже Михалыч выделит Павлу еще кур, и различную скотинку, и комбикорм, и сено для организации личного подворья. Руслан от «подобного счастья» пока отказался, сказав, что он до весны подождет, а там, научившись хоть чему-то, тоже задумается о своем хозяйстве. Отлынивать ему, конечно, не удастся: кто не работает, тот не ест. А на ферме дел всем хватит.

Мы с Лидой расставили и разложили все по местам, нашли новые занавески и повесили на окна. Короче, у нас очень насыщенный и ответственный день выдался, но, что ни говори, с приятными хлопотами. А едва начало смеркаться, вернулись Павел и Руслан, и почти сразу за ними – Кирилл с Семеном, и мы вышли во двор их встречать. Фургон грузовика был заполнен оружием, но больше всего меня заинтриговала странная установка с кучей рычажков и датчиков, которую мужчины осторожно вчетвером перетаскивали в дом и разместили в кабинете.

С вопросом опередил Руслан:

– Ну и что это за штука? – Судя по довольному лицу Павла, он уже догадался о назначении «штуки». Семен, еще совсем недавно скептически настроенный к планам Кирилла, заинтересованно суетился вокруг и только что руки довольно не потирал.

– Это мощная радиоустановка, – ответил Кирилл, – она может ловить сигналы по всему миру. Нам повезло, ко всему прочему достался список частот различных военных баз и правительственных учреждений. Хотя это не главное, с помощью нее мы сможем поддерживать связь с другими городами, с теми, кто выжил и хочет жить нормально. А еще я свяжусь со своими сослуживцами... Если остались живые, то подобная идея придет им в голову, однозначно, и они начнут искать такую возможность.

Дальше мы болтали, разгружая фургон: часть оставили Семену и селянам, а часть наши мужчины выгрузили для себя. Наблюдая за их трепетными прикосновениями и восторженными восклицаниями, когда к ним в руки попадала очередная машина для убийства, я удивлялась. Они ведут себя как дети с игрушками, а ведь это оружие. Как его можно любить и восхищаться им? Мне этого никогда не понять.

Разместившись за столом на ужин, мы делились новостями о проделанном за день. И я в очередной раз думала: «Как же приятно сидеть в компании близких, радоваться щебету веселых и общительных ребятишек, слушать стук столовых приборов, стаканов. Ощущать тепло и заботу окружающих и знать, что теперь я не одна».

Мы решили, что завтра, как обещали мужчины, съездим в город и наберем всего для будущего малыша Лиды. Вновь поймав горящий, предвкушающий взгляд Кирилла, вспомнила, что мне тоже надо серьезно подойти к этому вопросу. В груди комком застыли неуверенность и томительное ожидание, ведь завтра я в полном смысле стану женщиной сура, его половиной, а ведь он еще не знает, что я люблю его. И так захотелось услышать, что он тоже меня любит. Надеюсь, все придет со временем.

13 ноября

Задумавшись возле гардероба, как лучше одеться в поездку, неожиданно ощутила напряжение. Вот и мое предчувствие вернулось. Слабое и едва ощутимое, но уже трепещет, неприятно задевая сердце тревогой. Надела футболку, свитер, а потом колготки и утепленные штаны. Потопталась немного, мысленно касаясь нервного клубочка, который ощущала внутри себя.

– Ты оделась, волчонок? – Вздогнув, резко подняла голову и уставилась на заглянувшего в комнату сура. Видимо он заметил мое напряженное состояние, потому что тут же зашел в спальню, прикрыв за собой дверь.

– Что случилось милая? – Его руки скользнули по моим плечам, чуть сжимая, а голубые глаза пристально следили за выражением лица.

Я вздохнула и приникла к нему в поиске успокоения и защиты. Меня тут же обняли и крепко прижали к широкой груди, а над ухом раздался его хрипловатый резкий голос с яркими рычащими нотками:

– Я с тобой, Кирочка, своих девочек никому в обиду не дам. Ты и Лисенок теперь самое дорогое, что у меня есть. Не томи меня... – его слова помогли успокоиться и расслабиться и, странное дело, тревога тоже отступила, лишь отдаленным злобным тывканьем ощущалась на грани сознания.

– Не знаю, Кирюш, просто предчувствие проснулось, а это явно не к добру. Правда, неприятные ощущения пока слабые, но, боюсь, очередные пакости жизнь сегодня подкинет.

– Может, тогда отложим поездку на пару дней? – Кирилл скорее констатировал факт, чем предлагал другой вариант.

– Нет, нет, Кирилл! – поспешила с ответом. – Посмотри на небо. Уверена, что к вечеру начнется снегопад, и тогда мы уже никуда не сможем съездить... Если только на лыжах. А какие лыжи могут быть для Лиды в ее состоянии?! Мы должны поехать, но будем более внимательны и осторожны.

– Нет, тобой я рисковать не намерен. Я думаю, что мы можем завтра...

– Кирюш, – прервала и убежденно заверила, – тревога слабая, и с чем она связана – непонятно, если вдруг она станет более ощутимой, я тебя сразу предупрежу. А Лида будет нервничать, если не сможет позаботиться о вещах для маленького... Пожалуйста, я не отойду от тебя ни на шаг.

Сур посверлил меня взглядом мгновение-другое, затем его лицо внезапно озарилось клыкастой ухмылкой, от которой перехватило дыхание, но теперь не от страха, а в предвкушении очередной выходки.

– Хорошо, от меня ни на шаг, и все это только потому, что ты так ласкова со мной. Трудно в чем-то отказать, когда ты называешь меня Кирюшей.

Засмотрелась на него, а потом сама потянулась к губам, приподнявшись на цыпочках и цепляясь за воротник свитера. Ухмылка на его лице дрогнула, сменившись загадочным выражением: может восторга, а может нежности, смешанной с удовлетворением. Ведь он добился, наконец, того, что я сама тянусь к нему, нуждаюсь в нем. Прошу о поцелуе...

Страстный поцелуй разбудил обоюдное желание, но громкий голос Павла с первого этажа, позвавший нас, заставил прийти в себя и неохотно

отстраниться друг от друга. Уже выходя из спальни за руку с Кириллом, неожиданно почувствовала неприятный укол тревоги, заставивший резко остановиться на первой ступеньке лестницы и внимательно посмотреть на него. Он уже спустился на пару ступенек ниже и с недоумением взглянул на меня, вопросительно приподняв смоляную бровь. Я сглотнула и словно с обрыва вниз головой рухнула, выдохнула, заглядывая в его голубые глаза, в которых вновь видела целое небо. Мое личное небо.

– Я люблю тебя, Кирилл! Странное чувство, ведь раньше я любила только родных, а сейчас оно глубоко внутри, и заставляет ощущать себя неуверенно, незащищено, сомневаться в себе и бояться тебя. Но хочу сейчас признаться, потому что чувство буквально переполняет меня и заставляет на все смотреть другими глазами. Я просто хочу, чтобы ты знал – я люблю тебя.

Мои личные небеса потемнели от заполнивших их эмоций. Кирилл поднялся на одну ступеньку, а потом неожиданно резко подхватил меня на руки. В первый момент я испугалась, что мы свалимся с лестницы, но мой сур стоял, словно приколоченный. Сильно, до хруста в костях сжал в своих объятиях, затем наклонил голову, зарываясь во впадинку между плечом и шеей и, глубоко вдохнув, ответил:

– Я догадываюсь, что заставило тебя признаться именно сейчас, но я рад. Точнее, счастлив услышать твое признание.

Кирилл начал спускаться по лестнице, а я, нахмурившись, ткнула его в грудь и прошипела с недоумением:

– И что? Это все? Больше тебе нечего сказать?

Мужчина хмыкнул и расцвел в широкой довольной улыбке. И только когда заметил, что я покраснела от смущения и обиды (по крайней мере, свои пылающие щеки чувствовала прекрасно) ответил:

– Я рад. Понимаю, что тебе важно услышать, волчонок. Я люблю тебя не меньше. Точнее, уверен, что гораздо больше, чем ты, потому что чистокровные полиморфы выбирают пару навсегда и любят до гробовой доски, – серьезно и настолько убежденно сказал, что у меня не возникло ни тени сомнения – все правда. – Знаешь, нам надо кольца поискать обручальные.

Я замерла, слушая его, а потом, обвив его шею руками, положила голову ему на плечо и мурлыкнула, счастливая:

– У меня есть куча золота. Я его пару месяцев назад в магазине... набрала. На всякий случай.

Снова веселый хмык, а потом Кирилл уточнил:

– А с двойным ободком полиморфов там есть?

Я восторженно уставилась на него и скорее выдохнула, чем спросила:

– Ты уверен, что нужен именно двойной, ведь мы же еще не...

– Уверен, милая! Мне кроме тебя никто больше не нужен и никогда не понадобится. А для тебя не так?

Я еще сильнее прилипла к нему, усиливая захват на его шее и, заметив друзей, с довольными улыбками ожидающих нас, прошептала ему на ухо:

– У меня так же, любимый! До встречи с тобой меня никто особо не интересовал, а сейчас нужен только ты. Мой лохматый и любимый сур! – последнее я уже проурчала довольной жизнью кошкой. Похоже, Кирилл прав, я не волчица – во мне рядом с ним рождается что-то кошачье. Стоит ему появиться рядом, хочется об него потереться, помурлыкать, когда он касается меня. В общем, сразу начинается март и желание спариваться. Кошмар!

К нам подбежала Лиза, которая, вцепившись в свитер Кирилла, настойчиво попросила, подпрыгивая от нетерпения:

– А меня? Я тоже хочу на руки, папа. Почему маме можно, а мне нельзя?

Кирилл хмыкнул и, повинуясь моей молчаливой просьбе, опустил меня на пол, напоследок нежно поцеловав, а потом подхватил Лисенка на руки, громко, смачно тоже поцеловал ее в щеку с симпатичной ямочкой и спросил с хитринкой:

– Лисенок, знаешь, как я тебя люблю? – Девочка с сияющими от восторга зелеными глазами покачала головой. Кирилл неожиданно подбросил ее вверх с криком: Вот как сильно! – и поймал.

– Еще, еще, папа! – И снова взлет и падение в сильные надежные руки с громким, счастливым детским смехом. А я удивилась, насколько же сильны полиморфы, если вот так легко подбрасывают довольно тяжелую восьмилетнюю девочку. Учитывая, что оборотни тяжелее, чем представители других рас.

Олег с восторгом и с завистью в глазах наблюдал за Лизой, потом с надеждой посмотрел на Павла, тот хмыкнул и, приподняв руки ладонями вверх, со смехом покачал головой:

– Не-е-е, Олег, ты что? Хочешь, чтобы у меня грыжа образовалась? Ты же лось здоровый, чтобы как Лизка летать. Мало ли, а то мы Кирюхам потолок твоей головой проломим...

Я расхохоталась, услышав как Пашка, назвал нас с Киром. Потом с глубоким чувством посмотрела на своего любимого мужчину и дочь. Полеты прекратились, и сейчас Кир тискал Лисенка, доводя ее щекоткой до икоты, но при этом одарил меня очень многообещающей улыбкой. За

всеми этими шутками и смехом я совсем забыла о проснувшемся предчувствии.

Уже выходя из дома, Кирилл подхватил со стола в подсобке веревку и, продев ее в шлевки моих штанов вместо ремня, завязал мудреным узлом. На мой вопросительно-недоуменный взгляд бесстрастно ответил:

– Кроме меня вряд ли кто развяжет... – затем за эту веревку, воткнул маг-пистолет облегченной модификации со словами: – Береженого Триединый бережет.

* * *

Снова до боли знакомый магазин «Детский мир» с многочисленными отделами на нескольких этажах. Здание опять неприятно поразило гулкой тревожной пустотой, а еще крупинками мелкого снега, кружившими на сквозняке по мраморным плиткам пола. Кое– где возле стен скапливались небольшие сугробики, и от этого угнетающее чувство безысходности все сильнее давило на психику. Раньше здесь было тепло и весело, сейчас – холодно, сумрачно и тоскливо, несмотря на столь радостный повод для нашего появления здесь.

Отыскав, кажется, еще нами с Лизой оставленную возле входа красочно раскрашенную тележку, мы отправились за нужными вещами. По дороге нашли еще одну, потом еще и, гулко ступая по плитке тяжелой зимней обувью, начали обход отделов. Нашли детские кровати, и мужчины, подчиняясь нашим указаниям, понесли сразу несколько уже даже собранных вниз к грузовику, на котором мы приехали. Зинаида, когда мы оставляли у нее наших детей, тоже попросила кровать ей привезти. Так что сейчас мы сразу пять штук загрузили в машину. Как сказал Кирилл, улыбаясь, мало ли что...

То же самое произошло с постельными принадлежностями и еще множеством вещей согласно нашему с Лидой списку. Очень скоро мы забыли обо всех тревогах, зайдя в отдел одежды для новорожденных. Со смехом и умилением сгребали все, что видели. Наконец, мы запаслись всем, что хотели и даже больше, и отправились вниз. Остались игрушки. Я пообещала Лизе парочку новых, Паша с Лидой хотели взять Олегу книги. Еще накануне мальчик просил «что-нибудь интересное, да разных игр, чтобы не скучно было долгими зимними вечерами». Поэтому мы дружно направились к отделу на первом этаже. Все это время мужчины не спускали с нас глаз. Пока мы ехали сюда по пустынным улицам города,

Кирилл как бы между делом предупредил остальных о моем предчувствии. А ведь даже я о нем забыла, но мой сур все помнит и ничего не упускает из виду.

Мы зашли в отдел, и тут мужчины как по команде насторожились. Шорох в углу, и Павел мгновенно обеих затолкнул в угол и закрыл своим телом. Кирилл и Руслан скользнули в сторону темного закутка, скрытого полками с игрушками. В этот момент в мой чувствительный нос ударил запах мочи, пропавшей кислой еды и немых тел.

Кирилл с Русланом преодолели преграду и уставились на что-то, пока нам троем неведомое. Лис присвистнул, расслабившись. Это стало для нас сигналом: чтобы там ни было – угрозы нет. Втроем подошли к Кириллу и Руслану, выглядывая из-за них и чувствуя, как на глаза наворачиваются непрошенные слезы.

Нам предстала жалкая картина: в темном закутке, заваленном одеялами и засаленными грязными подушками, среди картонок, банок и упаковок от еды, прижавшись к стенке, сидели три хавшика. Пацаненок лет десяти, худой и бледный, вылез вперед, угрожающе шипя. За ним спрятались малыш лет шести и взрослый парень на вид лет двадцати. Но мое удивление такой расстановкой сил сменилось невольным пониманием, почему здоровый парень прячется за ребенка в два раза младше. В младенческом взгляде взрослого хавшика смешались детская невинность и непосредственность, страх перед миром и чужаками, искреннее непонимание происходящего вокруг. Я уже поняла, что этот хавшик потерял память, видела подобное по телевизору после первой волны эпидемии. Тогда было жутко видеть такой пустой, не сформированный опытом и развитой личностью взгляд у взрослого человека. Именно этот взгляд мучил меня в кошмарах, когда я боролась с болезнью и страшилась больше всего на свете обрести похожий.

В нос с новой силой ударил неприятный запах. Я выскользнула из-за спин своих друзей и, применив бытовую магию, вычистила и это место, и одежду фактически троих детей. Лида тоже подвинулась ближе, участливо спросив:

– Вы давно здесь... одни?

Мальчишки недолго думали.

– С мая! – ответил старший с бледной чешуей и золотистым ежиком волос на голове.

– С июня! Меня Герман подобрал, а потом мы нашли Тишку! – сообщил шестилетний малыш, при этом качнув головой на последнем слове в сторону третьего парня.

– Он ничего не помнит. Когда мы с Данилом его нашли, ходил под себя и пачкал свою одежду, был грязный, голодный и ничего не знал. Даже говорить не умел, зато сейчас мы его многому научили, он как будто вспоминает и быстро все учит, – тяжело вздохнув, печально добавил Герман.

У меня защемило сердце от боли и жалости. Кирилл тихо спросил, обращаясь к «старшему» этой троицы:

– Мы живем за городом, у нас теплые дома, пища. С нами живет один старый хавшик. Михалыч добрый, и его любят все наши дети, он много знает, умеет заботиться о животных и нас учит. Если вы согласны поехать с нами, то уверен, Михалыч будет счастлив, если вы станете его семьей. Своей у него нет. А мы все поможем вам освоиться и защитим в случае опасности. Согласны?

Оба младших паренька с надеждой посмотрели на нас, затем осторожно спросили в унисон:

– Вы нас всех с собой возьмете?

– Естественно, всех троих. – Кирилл, почувствовав их внутреннее согласие, кивнул, все же добавив: – Мы хотим, чтобы всем было хорошо и чтобы как можно больше хороших людей окружало нас.

Троица кивнула, а Лида предложила тут же позаботиться об одежде и для них. Ведь у Михалыча вряд ли найдется одежда для детей и для парня. Так, потратив еще час на экипировку малышни, решили ехать домой. Снаружи разыгралась пурга, и мороз все крепчал. Пока мужчины грузили вещи, нам велели посидеть в «Кешаре». Неожиданно Тишка, как называли его маленькие хавшики, рванул из машины. Я в удивлении спросила у Германа:

– Куда он?

Тот, открыв дверь со своей стороны, побежал за угол дома за своим другом, на ходу крикнув:

– А мы его приучили на улице свои дела справлять. А то воняет очень...

Пожав плечами, я попросила Лиду посидеть в машине с младшим Данилом, а сама рванула за Германом и Тишкой. Выскочив за угол, заметила скрюченную фигуру парня, который пристроился возле стены, рядом с ним переминался с ноги на ногу Герман с кислой миной на лице. В груди взорвался холодный комок, с утра заметно подросший и так некстати давший о себе знать.

– Тишенька, давай быстрее, чую я, грозят нам неприятности.

Парень без стеснения встал, закончив свои дела, надел штаны и

потрусил к нам. В этот момент из-за угла показались двое мужчин в теплых куртках и с оружием за спиной. Завидев нас, особенно меня, резко вскинули оружие, направив его в мою сторону, и приказали:

– Не двигайся, детка, а то пожалеешь.

Мои ребята застыли статуями, а я потянулась за пистолетом, но не успела – ко мне шустро подскочил один из мужчин и двинул в живот кулаком, заставив сложиться пополам, даже приличный слой одежды не спас. В его желтоватых мутных глазах увидела знакомую черную кайму полиморфа. Второй мужик отпихнул Германа к стене, с легкостью, даже не прикасаясь, и я ощутила фон магической ауры. Полиморф и маг – необычная пара. Жизнь слишком изменилась, раз и такие союзы образуются среди бандитов.

Я застонала, но крикнуть не хватило сил. Маг обыскал меня и вытащил пистолет из- за веревки, куда мне его засунул Кирилл. Тишка неловко развернулся и рванул за угол в сторону наших. Его догнал оборотень, который саданул беглеца прикладом по голове в толстой вязаной шапке и с кривой ухмылкой проследил за падением.

– Ненавижу чешуйчатых, вся эта бадяга из-за таких уродов... – в этот момент он, скорее всего, увидел наши машины. – Сматываемся, они не одни.

Оборотень, резко развернувшись, рванул ко мне, подхватил под мышки и потащил к противоположному углу. О Германе, который скулил возле стены, валяясь на земле и поддерживая, вероятно, сломанную руку, они не думали. Оказалось, за углом стояла их машина. Меня закинули на заднее сиденье, рядом со мной плюхнулся оборотень, а маг прыгнул за руль. Еще не закрыв дверь, ударил по газам, с визгом срываясь с места. Именно в этот момент из-за угла выскочил Кирилл, а за ним – Руслан, вскинувший карабин и начавший прицельно стрелять по колесам.

Глотая воздух, все еще отходя от удара, приподнялась и увидела, что за нами бежит Кирилл, при этом не вставая на траектории пуль. Одно из колес лопнуло, машину повело, но маг выправил ее каким-то образом. А я с надеждой наблюдала за упрямо преследовавшим нас Кириллом, на бегу скинувшим куртку и свитер.

– Смотри-ка, упорный...

Руслан остался позади, а Кирилл продолжал бежать, мощно работая ногами и руками. И не смотря на весь ужас положения, я восхищалась им в этот момент. Полиморф, вытащив карабин из окна, сделал пару выстрелов по Кириллу. Я с воплем кинулась на него, пытаясь помешать. В итоге, мне снова досталось кулаком, в этот раз по скуле, так что звездочки завели

мутный тошнотворный хоровод перед глазами и в ушах зазвенело. Обмякнув, я сползла по спинке сиденья. Но краем глаза успела отметить, что сур резко свернул в переулок.

Маг в очередной раз, посмотрев в зеркало заднего вида и не увидев Кирилла, фыркнул:

– Слабак! – Я промолчала, делая вид, что потеряла сознание. Маг обратился к оборотню, – Кер, мы ее здесь разделим или...

– Ага, – оборотень тут же перебил подельника, – пока ты ее тут делить будешь, сам не заметишь, как с дулом в заднице окажешься. Не нравится мне этот мужик, слишком хорошо бегают... А второй слишком метко стреляет.

– Ты считаешь, это те самые? Конкуренты? – Маг помрачнел.

– Да мне плевать, кто они. Но сейчас я предпочитаю побыть на базе среди своих. А не изображать здесь мишень в стрелковом тире, – рявкнул оборотень, злясь на спутника, на меня и на весь мир.

– Там ее Зорк может забрать, – неуверенно сказал маг.

– Ты что, совсем придурок, Митяй, радуйся, что у тебя только бабу заберут, зато жизнь оставят.

Маг, стрельнув на меня злым взглядом в зеркало заднего вида, насутился и замолчал. Лишь пробормотал негромко:

– Тогда зачем нам вообще понадобилось в эту заварушку лезть? Пулю чуть не схлопотали, а, в конечном счете, все Зорку достанется. А нам, вон, ни шиша, только башки того и гляди поотрывают непонятно кто или пулю в лоб. Словно мстит кто...

Кер смерил подельника тяжелым взглядом, но ответом не удостоил. Я же сделала вывод, что подрывная и разведывательная деятельность Кирилла и наших мужиков дала свои плоды. Сейчас мне стало страшно до жути, до трясущихся поджилок, но я лежала неподвижно и молилась. Истово молилась, чтобы Кирилл успел меня вытащить из этого кошмара. Чтобы меня не тронули... Ну пусть, пусть я отделаюсь как в прошлый раз ушибами, синяками да слезами. Пусть бьют, оскорбляют, но только не... это слово я даже мысленно не могла воспроизвести столько жуткого смысла и последствий в нем видела. Жить с этим дальше может не каждый, и не уверена, что я смогу.

Через несколько кварталов мы подъехали к туристической базе на окраине. Бывшая зона отдыха представляла собой огороженную территорию с деревянными летними домиками для гостей, каменным гостиничным одноэтажным зданием для зимнего сезона, баней, альпинистскими стенками и даже с небольшой, протекающей рядом

речушкой, в которой ловили рыбу.

Деревянные ворота открыл маг, не выходя из машины. Известное дело, сама так умею. Снегопад и ветер все усиливались, и хотя температура из-за снегопада была не очень низкая, погода не располагала к долгим прогулкам. Автомобиль, гремя искореженным колесом по тротуарной плитке, которой выложен большой участок перед основным зданием, остановился. Меня за шиворот вытащили из машины на холод. Тут же тщетно попыталась осесть на землю, изображая полуобморочное состояние, отчаянно желая потянуть время хоть таким наивным способом, но в этот раз под ребра пнули ботинком. Кер, сволочь, что б ему икалось всю жизнь оставшуюся...

Задохнулась, вновь шипя от боли, но все равно слышала, как за углом надрывно кричит женщина и ругается мужчина, проклиная бандитов. Выходит, я не единственная неудачница, попавшаяся этим уродам. Сквозь злые слезы боли увидела с интересом наблюдающих за нами нескольких мужчин. Некоторые выглядели настоящими бандитами, как их в фильмах показывали, другие – словно из бизнес-центра только вышли и на обед собираются в дорогой ресторан. Пижоны! Кривляки! Но от этого не легче. Тем более, при ближайшем рассмотрении, сразу стало понятно, что это скорее такой способ выделиться из общей бандитской массы.

Один из этих пижонов сразу обратил на себя внимание: рослый, мощный, я бы сказала, что выглядит впечатляюще. Даже в сравнении с Кириллом. Весьма опасный тип, и я тут же отметила по поведению моих похитителей, что это их лидер. Возможно, тот самый Зорк, которого в машине обсуждали. Весь какого-то серого цвета с головы до ног, даже короткая дубленка на нем тоже серая. И узкие глаза с черной каймой по окружности радужки тоже поразили чистым серым цветом. Бр-р-р, как же мне на оборотней везет-то. Он вальяжной походкой подошел к нам и встал так, что я, скрючившись от боли, чуть ли не носом упиралась в его дорогие кожаные ботинки.

– Одни идиоты беременную с мужем притащили, сейчас развлекаться пытаются, вторые бабу калечат. Я ничего не понимаю, у нас что, баб так много, что вы последних уродуете?

Митяй с Керром промолчали, но серый мужчина им приказал:

– Покажи мне ее лицо! – Митяй с неохотой рванул вверх мою голову, схватившись за шапку. Вязаная шапка такой грубости не выдержала, оставшись в его руках. Волосы шоколадной волной упали на плечи и повисли перед лицом, скрывая от меня этот жуткий мир.

Серый присел на корточки и приподнял мой подбородок, удерживая

его тремя пальцами. Я столкнулась взглядом с серыми и, как оказалось, совсем пустыми, без малейших проявлений чувств, глазами. Души в них точно нет, даже на самом доньшке этих мертвых глаз царила пустота. Не последствие перенесенной болезни – вторая сущность. Мне стало холодно, только не снаружи, а внутри. Предчувствие уже не билось в истерике как пару минут назад, когда мы подъезжали к базе, сейчас оно, похоже, в глубоком обмороке. И я мечтала к нему присоединиться, но никак не получалось.

Мужчина встал, и я проследила за его движением затравленным взглядом, судорожно гадая, как спастись и не дать своим ввязаться в опасную затею по моему спасению, но пока выхода не видела. А факт, что спасти придут, сомнению не подлежит. Кирилла я успела неплохо изучить.

Серый, окинув все еще распахнутые ворота бесстрастным взглядом, неожиданно резко подхватил меня под локоть, вздергивая на ноги.

– Спасибо за подарочек, на будущее учту вашу ретивость услужить.

Митяя перекосило от злости, Кер стоял соляным столбом. Серый кошмар, заметив гримасу мага, не отпуская меня, придвинулся к нему ближе. При этом трансформировал свое тело так легко и непринужденно, что у меня перехватило дыхание от ужаса. Я с трудом сдержала шипение, когда его когти впились в мой локоть, прорезав рукав куртки.

– Ты хочешь поспорить? – жуткая полуволицья мохнатая морда уставилась в лицо

Митяю, и тот не выдержал прямого взгляда зверя, отступил, быстро мотая головой:

– Нет, Зор! Конечно, какие проблемы – баба твоя! – И сунул мне в руку шапку.

А я тем временем переваривала тот факт, что этот жуткий тип – волк-полиморф, и есть тот самый волчара – главарь банды. Хуже быть уже не могло.

Удовлетворившись испуганной миной покорно замершего Митяя и его дрожащим голосом, Зорк потянул меня в здание. Судя по дымку из нескольких труб, оно отапливалось. Неожиданно, краем глаза скорее почувствовала, чем увидела мелькнувшую пару теней. Волк дернулся, резко притормаживая и с легким беспокойством всматриваясь в сторону, где мне почудились тени. Значит, не показалось. Мужчина обернулся и холодно приказал:

– Проверить весь периметр, а то расслабились, твари. Ворота не закрываете, несмотря на то, что уже нескольких наших нашли мертвыми.

Понаблюдав, как после приказа народ во дворе засуетился, закрывая

ворота и рванув в стороны проверять территорию, Зорк продолжил путь. Мы зашли внутрь, и я сразу отметила, что здесь на дровах не экономят и уголь тоже не берегут, даже жарко. В одной из комнат четверо легко одетых мужчин резались в карты. Зорк, недовольно на них зыркнув, повел меня дальше по коридору, я же спиной чувствовала пристальные изучающие взгляды мужчин, провожавших нас глазами. В тепле сразу почувствовала, как наливается болью и отекает щека, наверняка под глазом приличный синяк.

Взглядом цеплялась за мелочи, чтобы найти хоть одну возможность удрать отсюда.

Гадала, как использовать свою магию, чтобы задержать их хоть на несколько минут, получив фору для побега. Но вокруг столько мужчин, что мне не справиться в одиночку. С одним-двумя – да, даже с тремя – еще можно, а когда вокруг столько народа, который так и жаждет добраться до меня – вряд ли.

Меня привели в довольно большую комнату, содрали куртку и грубо толкнули в кресло. Из мебели: кожаный диван, три кресла вокруг низкого столика, полированный шкаф-гардероб, несколько шкафчиков поменьше и стеллажей. В открытой двери в соседнее помещение, обмирая, увидела угол кровати... Зорк встал напротив, разглядывая словно дикушку, потом наклонился надо мной, упираясь в кожаные подлокотники. Его лицо уже вернуло человеческий вид, и сейчас я могла ближе, чем хотелось бы, рассмотреть острые, немного угловатые черты. Отвратительный тип, хотя внешне вполне привлекательный, но что-то внутри него дико пугало и отталкивало. Что-то изначально нездоровое в блеске стальных глаз.

Он провел прохладным носом по моей щеке, вдыхая запах, от чего я все сильнее вжималась в спинку кресла, мечтая испариться отсюда. Хмыкнул, не разжимая губ, и отстранился, жаль недалеко.

– Магии слишком много, но кровь богата запахом зверя. Четвертинка! – холодный, бесстрастный голос неприятно резанул слух.

Он присел на подлокотник, демонстрируя под натянувшейся тонкой шерстяной тканью брюк от делового костюма неплохо развитые ноги.

– Что скажешь, если я поведаю тебе о том, что у меня сработал на тебя инстинкт... защитника? – вкрадчиво поинтересовался Зорк.

– Ты ошибаешься, волк! Или издеваешься! – тихо, но твердо ответила, сделав над собой усилие, чтобы голос не дрожал. Если буду трястись, то только спровоцирую его. Я должна справиться, Кирилл вытащит меня отсюда.

– Хм-м, смелая или глупая? – В его глазах блеснуло первое замеченное

мною чувство – любопытство. Рука коснулась моих волос, трогая их на ощупь.

– Нет, всего-навсего реально смотрю на вещи и стараюсь не обманывать себя, – горло пересохло, и я скорее прохрипела.

– Понятно, значит ты женщина со здоровым цинизмом?! – я едва заметно пожала плечами, а он продолжил: – В любом случае ты меня заинтересовала. – Ну что же, поговорим, пока ничего лучше в голову не пришло.

– Как охотника, волк? – опять прохрипела, все еще пытаюсь выиграть время. Чем дольше длится болтовня, тем больше шансов выбраться живой.

– Вполне возможно, четвертинка, вполне возможно. Ты вкусно пахнешь. Да и охотники часто становятся впоследствии защитниками...

– Я в курсе, волк, но тут есть один нюанс, который ты забыл уточнить. Инстинкт охотника изменить невозможно, он со временем трансформируется, конечно. Но охотник лишь привыкает владеть и защищает жертву как свою собственность. О чувствах тут не идет никакой речи, да и за здоровье жертвы поручиться никто не сможет, как и за жизнь в целом, когда игрушка надоедает... Я не мазохистка, поверь.

– Смотри-ка, умная девочка, жаль недоверчивая, а мне так хочется защищать тебя, Снова пронизывающий до костей, пристальный взгляд, не вязавшийся с проникновенным голосом, и любопытство в серых мертвых глазах.

– А если у меня есть защитник? – осторожно спросила. – Который не любит когда трогают его собственность? – в этот момент в коридоре раздался странный шорох, а потом короткий хрип. Буквально мгновение, и все опять стихло.

Зорк встал и быстро направился к входной двери в его апартаменты. Открыл и крикнул, выглядывая в коридор:

– Давид? Крыс? Что у вас там опять случилось? – Молчание, от которого у меня волосы зашевелились на голове и проснулась странная надежда-предчувствие.

– Ничего, Зорк, прости, что побеспокоили. Все нормально, это Ретро... подавился, – к моему разочарованию, раздался голос одного из мужчин.

Зорк мгновение прислушивался, потом недовольно скривился и захлопнул дверь.

– Придурки! – Волк злился, и я поняла, что эта злость скоро перекинется и на меня.

– Раздевайся! – резкий злой приказ я проигнорировала и только

головой мотнула.

Он оскалился в довольной усмешке, а я с удивлением поняла, что хищный оскал не пугает. Еще бы, по сравнению с Кирюшиным, этот – плохо сработанная маска, рассчитанная на слабых.

– Ну что ж, вкусняшка, значит, мы с тобой поиграем по моим правилам.

Он медленно расстегнул две пуговицы на своем пиджаке, небрежным движением скинул его и отбросил на соседнее кресло. Потом также неторопливо снял рубашку, оставшись в красивых черных туфлях и брюках и продолжая пронизывать меня взглядом.

Покрасоваться решил! Ну что же, можно сказать, меня впечатлил его мускулистый торс в татуировках. Мышцы красиво перекачивались на груди, а с ними и татуировки, создавая эффект двигающихся на коже линий и таинственных рун. Впечатлил, да, но не заинтересовал абсолютно. Я так и сидела затравленным напряженным зверьком, безмолвно следя за ним, изо всех сил пытаясь выглядеть спокойно. Зорк хмыкнул, разглядывая меня, затем направился к небольшому столику, на котором стояло несколько бутылок с алкоголем. Плеснул себе в широкий бокал немного и выпил одним глотком, налил еще и снова повернулся ко мне:

– Занятно, обычно женщинам нравится мое тело, и они сами готовы на любую мою прихоть.

Я откровенно опешила от такой наглости и себялюбия. Интересно, что за женщины с таким ожившим кошмаром хотели быть? Но это я мысленно спросила, вслух же осторожно ответила:

– Послушай, волк, у меня есть защитник, и я люблю его, а ты... – он сначала улыбнулся кривой ухмылкой, а потом и вовсе расхохотался.

– Послушай, волк, у меня есть защитник, и я люблю его, а ты... – он сначала улыбнулся кривой ухмылкой, а потом и вовсе расхохотался.

– Дура, да мне плевать, кто у тебя есть или был, – смех резко прекратился, и голос зазвучал зло: – Теперь ты моя подстилка и будешь делать то, что я прикажу. Не понравятся твои старания – отдам своим мужикам, они тебя быстро научат прилежанию.

Он подскочил ко мне и выдрал из кресла. Я заорала и задергалась, почувствовав, как его рука пытается развязать веревку у меня на талии, чтобы сорвать штаны. В этой кутерьме ни один из нас не обратил внимания на открывшуюся дверь и две тени, скользнувшие в комнату. Мой крик прекратился резко, стоило почувствовать, как Зорка оторвали от меня, и он, сделав приличный кульбит, приземлился в противоположном углу. Тут же вскочил на ноги, принимая боевую стойку и трансформируя тело.

Чувствуя, как меня бьет дрожь от страха и паники, обернулась и снова чуть не заорала. На меня смотрели двое оборотней в трансформированном виде. Жуткое зрелище

– два оборотня в футболках, обросшие шерстью, с головами и конечностями животных. Один из них – рыжий лис с желто-кариими глазами, второй – сур. По телевизору видела...

Более широкая, чем у волка, морда, покрытая черным, жестким на вид мехом, с внушительными зубами, заставила меня сделать пару шагов назад, обняв себя руками за плечи. Но стоило столкнуться взглядом с голубыми глазами, в которых горела фанатичная жажда убийства и... боль, поняла, наконец, кто передо мной. Неуверенно спросила, обращаясь к суру:

– Кирилл? Руслан?

Рус ощерился довольно, наверное, а я икнула, заметив его острые зубы. Зато Кирилл общаться не спешил, резко прыгнул в сторону Зорка, но тот успел отскочить. Выхватил из носка нож и выставил вперед, делая обманные движения. Кирилл оскалился и, странно расслабившись, кинулся на Зорка. В первый момент мне показалось, что Кирилл сам на нож сейчас напорется, но он незаметным взглядом движением ушел в сторону, в последний момент вывернул руку волку и воткнул этот самый нож тому в шею, а потом медленно провернул его в ране, глядя в глаза захлебывающемуся кровью врагу.

Меня стошнило, потом еще раз, стоило услышать жуткий звук, когда Кирилл добил своего врага. Скорее всего, не меньше чем голову с плеч снял, но проверять я не отважилась. Мне одного вида кинжала в горле и струйками бьющей крови на всю жизнь хватит для ночных кошмаров.

Я так и сидела, привалившись к креслу и пытаюсь отдышаться, когда рядом со мной опустился Руслан и протянул бокал с чем-то янтарным и на запах терпким. Покорно проглотила, не чувствуя вкуса, но сразу разлившееся по желудку тепло подсказало, что это алкоголь. Подняла мокрые от слез глаза. Руслан все еще в образе лиса смотрел с грустью и сочувствием. Потом грубоватым из-за измененной глотки голосом пробормотал:

– Прости, что так долго. Мы следили за вами и расчищали обратную дорогу. Не упускали тебя из виду, но Зорк все время стоял рядом, и мы боялись, что он может воспользоваться тобой как щитом, поэтому ждали момента, когда он потеряет бдительность.

– Ничего, я все понимаю, чувствовала, что вы здесь, ждала и болтала как можно дольше думала время выиграть... – просипела, чувствуя, что, несмотря на выпитый алкоголь, у меня во рту все еще горько.

– Умница, ты все правильно делала, не провоцировала, но и интерес узнать себя получше поддерживала...

– Пора уходить! – позади Руслана появилась внушительная фигура Кирилла. На черной футболке я разглядела пятна крови. Не его. Второе лицо уже не пугало. Главное, он пришел за мной, чего бы это ни стоило. Руслан помог подняться. Чувствуя, как от пережитого дрожат ноги, подхватила куртку, натянула на себя, но все сильнее замерзала. Потом подошла к суру и, потянувшись, поцеловала в его мохнатую щеку.

– Я знала, что ты придешь за мной! – Глаза сура довольно блеснули, на миг прижав] себе, молча повел на выход. Руслан пошел впереди.

В комнату, где совсем недавно сидели четверо мужчин, я даже не заглянула, на расстоянии почувствовав металлический запах крови. В коридоре Лис выглянул из-за шторы в окно, проверяя обстановку на улице, потом зло пробурчал:

– Вся сволота сюда стеклась, ощущение, что они тут размножаются...

– Что там? – прервал лиса сур.

– Ворота закрыли. Трое стоят возле них, вон еще четверо ссорятся, похоже, кому мясо жарить. Интересно, откуда зверушка? Ферму что ли нашли, где еще есть живность... или собачка...

– Руслан... – прервал Кирилл друга.

– Кирилл, – вспомнила одну важную деталь и поспешила сказать, – в конце другого коридора есть второй выход, запасной или черный. Я здесь отдыхала с друзьями пару лет назад, не думаю, что хозяева что-либо изменили...

Мы рванули к черному входу. Неожиданно прямо перед нами из комнаты появился верзила. Я бытовой магией заставила дверь резко закрыться, ударив его по лицу, на мгновение оглушив. Меня протолкнули чуть дальше, но я все же услышала знакомый жуткий хрип. Но жалеть не стала, здесь невинных нет.

Снова проверили выход и, не обнаружив бандитов, вышли. До нас донеслись хриплый плач женщины и стоны мужчины. А ведь совсем недавно мужчина громко ругался, а женщина кричала. Руслан осторожно выглянул за угол и насторожился. Мне показалось, я ощутила волну звериной ярости, исходящей от него. Не раздумывая, он рванул вперед. Кирилл выругался и, толкнув меня к стене, кинулся за Русланом. Я не выдержала и выглянула.

Снег уже выбелил поземкой плитку во дворе, и сейчас на этом тонком белом полотнище лежал сильно избитый окровавленный мужчина. Рядом с ним стоял еще один, который с азартом следил за двумя своими

подельниками. Одни из них держал за руки женщину, лежащую на деревянном столе. А второй суетился рядом, снимая с нее одежду— Я ужаснулась, заметив, что женщина на приличном сроке беременности, а эти изверги маги. Настолько остро ощущалась магическая аура всех троих. Пусть слабая, но это маги. А ведь я скорее ожидала увидеть звериную жестокость и бесчеловечность со стороны полиморфов. Так, исподволь, из года в год пропагандировалось магами, а здесь и сейчас... Меня снова затошнило. Хрип прекратился, и женщина, всхлипывая, свернулась на столе клубочком, стоило моим мужчинам расправиться с ее несостоявшимися насильниками. Похоже, сегодня не только меня спасли от насилия. Вовремя! Я еще в потрясении от увиденного и осознания крушения всех своих стереотипов хватала ртом воздух.

Нет, оказывается мы все... все расы одинаковые. Несмотря на различия, мы все — гнилые внутри, злые, завистливые, жадные и продажные. Звери более праведные, чем мы, ведь они убивают для того, чтобы защититься или прокормиться, а мы — еще и получить удовольствие от самого процесса или развлечься. Жуткая жуть эта жизнь, и как же мне и моему ребенку повезло столкнуться с хорошими людьми...

Я подошла к женщине и, прилагая усилие, помогла ей подняться и слезть со стола. Быстро застегнула и поправила на ней одежду, прижала к себе. Она рыдала, вздрагивая всем телом, совсем выбившись из сил. Я бы тоже поплакала, но нет возможности. Нельзя! Руслан проверил мужчину, кивнул Кириллу и взвалил его себе на плечо, вырвав из окровавленного тела стон боли. Женщина дернулась, но я прошептала ей на ухо: «Тише, мы уходим, соберись с силами».

Кирилл забрал у Руслана стрелковое оружие и, выдвинувшись вперед, приступил к зачистке территории. Мы буквально пробежали небольшой открытый участок до ворот, где уже лежали трупы охранников, сраженных пулями сура. Мгновенно открыв одну из створок, мы выскользнули наружу. Бежать с практически висящей на плече женщиной было тяжело, но она как могла, помогала, а Кирилл прикрывал наш отход.

Звук взревевшего мотора заставил похолодеть, но из-за поворота показался знакомый фургон и притормозил возле нас. Герман с Даней махали нам руками, а Тишка сидел возле стены. Я облегченно выдохнула:

— Живые! Слава Триединому!

Руслан, стараясь действовать осторожно, уложил в кузов раненого и тут же помог залезть туда женщине. Затем, ощутиمو двинув под зад, отправил меня к ним. Не вежливо, но зато своевременно. Сам запрыгнул следом, закрывая створки, но я закричала, заметив как из-за угла

выскочила целая толпа вооруженных мужчин. Они быстро нагоняли нас, и Кирилл принялся еще активнее вести огонь. Причем все его пули находили цель.

Женщина тоже закричала, на рукаве Руслана расплывалось красное пятно, но он продолжал прицельную стрельбу. Избитый мужчина уже немного очухался и сейчас пытался закрыть своим телом женщину и Данила, при этом еще и дергая Германа за полу длинной куртки, чтобы тот спрятался за мебелью, сложенной позади нас.

А потом снова закричала я, зовя Кирилла, но он, махнув рукой, видимо, Павлу в кабине, рванул на себе майку. В сторону отлетел карабин, и пока Руслан стрелял, скинул штаны и ботинки. Но его обнаженная задница мерзла недолго, уже через мгновение в сторону нападающих полетел, низко стелясь по земле огромный черный сур. Издалека его можно было бы принять за волка, но сейчас на фоне белого снега и при дневном освещении слишком хорошо видно, что это сур. Здоровые, похожие на тигриные, лапы, мощная грудь и квадратная морда с плоским коротким носом. Хотя и считалось, что суры относятся к семейству волчьих, но волкам до суров далеко. Последние крупнее обычного волка раза в полтора, с более длинным мехом и гораздо более злобные, и сильные.

Вот таким перед нами предстал мой Кирилл. Полиморфы редко проходили трансформацию полностью, уж слишком энергоемкий это процесс, и после него сип у оборотней хватало ненадолго. Но зато именно в полной трансформации они представляли наибольшую опасность, и равных им среди оборотней и людей не было.

Еще успела заметить, как некоторые нападавшие побежали назад к базе, отстреливаясь беспорядочными очередями. Другие тоже перекидывались, но судьба их была плачевна, а смерть – ужасна. Наша машина свернула за угол и резко притормозила, обвалив некоторые вещи на нас. Руслан выскочил из кузова и пока закрывал створки, я, всхлипывая, закричала:

– Мы не можем его там бросить одного!

Руслан яростно посмотрел на меня, но смягчился через мгновение:

– Присмотри за новенькими. Павел вас отвезет, мы здесь «Кешар» твой оставили, так что я за Кириллом. Без вас мы справимся без особых трудностей, – последнее он договаривал уже сквозь закрытые двери, а фургон погрузился в темноту.

– Ты же ранен, возьми меня с собой, я клянусь, стрелять буду не хуже тебя...

Голос Руслана я услышала с трудом, он удалялся, а мы начали движение.

– Меня Кирилл за тебя приберет, если что случится. Не бойся за своего сура, он живучий.

Я ударила еще пару раз по дверям, а потом сползла на пол, рыдая. Случившееся, наконец, навалилось на меня, грозя смыть плотину спокойствия и выдержки, которую я так долго выстраивала. Через пару минут я, почувствовав вокруг напряженную тишину, смогла прекратить и замолкла. Именно в этот момент в темноте раздался мужской хрипловатый голос:

– Спасибо, что спасли нас.

Я всхлипнула последний раз, шмыгнула носом и ответила:

– Мои друзья, они... Они самые лучшие и не пройдут мимо чужого горя или несправедливости, – сделала еще одно усилие над собой, все-таки здесь всем досталось, а вдруг раненые есть, – мальчики: Даня, Тиша, Герман, с вами все в порядке?

– Да, тетя, нас не задели, а синяки пройдут скоро.

Молчание, потом снова спросил мужчина:

– Куда мы едем?

– Неподалеку от города есть поселок, где мы образовали нечто вроде общины, – уже более спокойным голосом ответила.

Женщина зашевелилась, вызвав у мужчины легкий болезненный стон.

– Прости, Свен! Ты как? Хоть что-нибудь целое осталось? Гады!

Мужчина ответил через пару секунд, видимо проводил самодиагностику:

– Нос сломан, пару зубов выбили, твари, пару ребер, наверное, тоже сломали, все остальное ты подлатаешь... Потихоньку, – «успокоил» он свою женщину, потом обратился ко мне, одновременно пытаясь сесть:

– Девушка, а вы уверены, что нас там будут рады принять? Может вам проще высадить нас где-нибудь по дороге...

– А потом нас опять возле дома выловят... – удрученно прошептала женщина.

– Послушайте, – я поспешила пояснить ситуацию, – вас никто не бросит на дороге. Тем более, куда везут, не видите, так что если вам у нас не понравится, вернут в город, куда скажите.

– Вы уверены, что... – снова озабочился мужчина.

– Да! – прервала его, на полуслове твердо заявляя, – я уверена! Мы хотим организовать город, куда соберем всех нормальных, порядочных людей. Тех, кто хочет жить достойно, чтобы наши дети были в

безопасности, сыты, в развитом, адаптированном социально обществе. Чтобы женщины, дети и мужчины думали о будущем, а не о том, как выжить, что есть и как отбиваться от бандитов или диких животных. Вот сегодня встретили этих трех молодых хавшиков, они тоже будут жить с нами. Приглашаем и вас присоединиться. У нас есть уже готовые к заселению дома, едой и топливом поделимся...

– Это невероятно! – потрясенный голос мужчины. Затем его же вопрос: – Я счастлив, что встретил людей, которые нашли в себе силы и волю заняться подобным. Сейчас, так быстро после того, что произошло...

Я усмехнулась, перед тем как ответить:

– Пока в нашу деревню не пришли оборотни и не решили поселиться со своими семьями, мы еще пару недель назад думали как вы. Моя новая подруга Лидия тоже беременна, и одна из наших женщин тоже, она, кстати, тоже из Тюбрина переселилась с детьми. Наши мужья хотят спокойствия для нас и поэтому жестко следуют своему плану. Мы хотим пригласить к нам специалистов разных уровней и профессий. От сантехника до профессора. Будем учить наших детей и... Так, что-то я развыступалась. Скоро приедем, и у нас будет время для болтовни. Мальчики, как вы там?

Кто-то немного повозился, а потом меня в темноте коснулась холодная детская рука, заставив вздрогнуть от неожиданности. Голосок Данила спросил:

– Тетя, а Михалыч точно нас к себе возьмет? – Ручонка у Дани просто ледяная. Хавшики изначально родом с материка с более жарким климатом, и их физиология приспособлена лучше переносить жару, нежели наш холод. Подхватив мальчика, я пересадила его к себе на колени и укрыла полами. Он обвинил мою талию руками, но так и дрожал, прижимаясь ко мне. В кузове довольно холодно, и хавшиками это, скорее всего, ощущалось более сильно, чем магами или полиморфами.

– Я уверена, что Михалыч возьмет вас к себе. Но чтобы вы не волновались, если он все-таки откажется, хотя я уверена в обратном, вы будете жить с нами. У нас с Кириллом уже есть маленькая девочка, и она будет только счастлива новым друзьям. Просто наш демаро лучше знает, как воспитывать и заботиться о хавшиках, и он так одинок...

– Демаро? Но вы же маг, тетя? Как он может быть вашим демаро? – это уже Герман спросил и тоже прижался ко мне, но уже с другой стороны. Я обняла его за плечи свободной рукой и применила бытовую магию, пытаясь согреть фургон хоть немного, чтобы Тишка и женщина с мужчиной не замерзли.

– Меня зовут Кира... э-э-э, Силуянова теперь, по мужу. А Михалыч, он

для всех нас демаро. Он самый лучший дед на свете для всех деревенских детей, но вы станете его собственными. Он будет счастлив, я уверена.

– Меня зовут Свен Карсун, а это моя жена Инесса Розанова. Теперь, правда, тоже Карсун, – мужчина, представляясь, смутился, когда произнес неверно фамилию.

Я предположила, что они, так же как и мы с Кириллом, вместе недавно. А еще я отчетливо ощущала их магическую ауру. Теперь у нас в деревне на два мага больше. Мужчина продолжил представляться, сделав тяжелый судорожный вздох, дышать ему явно тяжело, впрочем, как и говорить долго.

– Инесса – врач общей практики, я – биохимик, но тоже имею медицинское образование, просто другая специфика меня больше увлекает, чем лечение. Хотя в это время...

– Сейчас, Свен, ваши специальности наиважнейшие, – тут же возразила, услышав его скептический настрой. – Сейчас любая профессия важна и жизненно необходима. Летом организуем вам лабораторию, и вы будете работать по тем темам, которые будут важны для нас. Думаю, сейчас любую специальность можно обратить на благо. А уж врач общей практики... Для нас чудо встреча с вами, Инесса.

– Да, уж... чудо! Теперь я таких чудесных встреч бояться буду как огня, а уж нашу встречу никогда не забуду, – несмотря на произошедшее, она уже более спокойно ответила, и даже с легким, едва слышным смешком.

– Прости, любимая! – Свен снова тяжело вздохнул, а потом неожиданно тихо произнес, скорее для Инессы, чем для всех. – Я никчемный мужик, не смог защитить тебя, когда ты в этом нуждалась, когда мы оба в этом нуждались.

Шорох одежды позволил предположить, что Инесса обняла Свена, а затем тихо сквозь слезы прошептала:

– Ты столько раз меня спасал за эти месяцы... Эта ситуация не в счет. Я люблю тебя, и мне больно, что ты винишь себя сейчас. Мы не виноваты, что на земле есть такие мерзавцы. Зато можно радоваться, что хороших, как видишь, больше, и мы теперь с ними.

Наши разговоры прервались, стоило машине сильно подпрыгнуть на ухабе и затем затрястись по грунтовке. А еще я услышала звук клаксона своего «Кешара» позади нас. Сердце ускорило бег от радости. Они здесь, с нами, и большего мне не надо.

Через несколько томительных минут услышала знакомый скрип ворот, наконец, фургон остановился. Руслан распахнул дверцы и внимательно разглядывал нас всех, через несколько секунд к нему присоединились

Павел с Лидией, которая радостно посмотрела на меня серыми заплаканными глазами, видимо, не в состоянии что-либо сказать. Я же вытаращилась на Руслана, тоже не в силах задать самый главный вопрос, мучавший меня.

– Жив и даже не ранен, но сама понимаешь, полная трансформация забрала все силы, пару суток проваливается поленом, потом станет лучше прежнего, – не заставил себя ждать лис, и меня мгновенно отпустило.

– Это кто вам такую чушь сказал, уважаемый? – усомнилась Инесса, помогая приподняться Свену.

Руслан усмехнулся, оценивающим взглядом прошелся по фигуре женщины, театрально тяжело вздохнул и только после этого ответил:

– Потому что Кирюша сейчас будет бабочкой порхать над своим Киром и трепыхаться от жалости и сочувствия, а главное, любить будет еще крепче и... возможно чаще.

Лида закатив глаза, пнула в бок Руса, и тот резко зашипел, ведь я, спеша к «Кешару», не успела предупредить подругу, что он ранен в руку. В итоге, теперь Лида бабочкой порхала возле Руслана и рассыпалась в извинениях и сочувствии. Я же, открыв заднюю дверь, уставилась на Кирилла, который, скрючившись, лежал на сиденье абсолютно обнаженный, лишь курткой Павла прикрытый. Живой! Глаза закрыты, но дышит ровно. Павел отодвинул меня в сторону и, подтянув друга за ноги, взвалил на плечо и потащил в дом. Я прикрыла столь аппетитную пятую точку своего мужчины курткой и рванула за ними, но опомнилась и, неуверенно потоптавшись, крикнула ему:

– Неси его в нашу спальню, я пока ребятишками займусь и сразу прибегу.

– Не беспокойся, пара царапин не принесет вреда, сейчас ему нужен только отдых, – коротко ответил Павел.

С трудом преодолев жгучее желание последовать за ними, все же вернулась к фургону. Мы с Русланом сначала помогли вылезти Инессе, и Лида увела ее и хавшиков в дом, потом осторожно вытащили Свена. Облокотившись на нас, он сам дошел до дома. Наша троица, словно группа подвыпивших товарищей, раскачиваясь, неуверенно прошла в гостиную, и оба мужчины буквально упали на диван.

Здесь уверенно руководила Инесса, успевшая вымыть руки, и сейчас, вытирая их, командовала:

– Аптечку, все что есть. Стерильные инструменты, если нет – иглу, и огонь в камине подойдет, спирт или, на крайний случай, алкоголь.

Мы носились по дому, выполняя ее указания, а потом с замирающим

сердцем наблюдали, как она зашивала раны на лице Свена, затем обрабатывала и бинтовала руку Руслана. К счастью, пуля прошла навывлет, разорвав мягкие ткани и не повредив кость. Им обоим повезло, что Инесса настоящий врач, да еще с магией исцеления, так что их раны заживут быстро, а шрамы, даже если останутся, будут незаметными.

Пока мы занимались ранеными, вниз спустился Паша, и я попросила баню протопить, чтобы мальчишек согреть и помыть; бытовая магия только одежду и волосы чистит, но тело так и остается грязным. Да и Карсунам смыть с себя это событие не помешает, Свен весь в крови, и Руслан немногим лучше. Тем временем быстро накрыла на стол, и пока взрослые занимались делами, осмотрела хавшиков на наличие ран после стычки и заставила плотно покушать. Уговаривать их не пришлось.

Затем с тарелкой супчика пошла наверх к Кириллу. Он открыл глаза. Отставив тарелку в сторону, я забралась на кровать и осмотрела несколько царапин, которые заметила еще в машине, сейчас они уже не кровоточили – запеклись. Но оставить их без внимания не могла, поэтому, сбегав вниз за водой, антисептиком и заживляющей мазью, осторожно, с трепетом обработала его раны, опустив одеяло до талии, ниже смущение не позволило, но помнится, там все было нормально. Все это время Кир молчал, наблюдая за мной благодарным взглядом.

При помощи магии приподняла его и подложила под спину подушки, чтобы было легче покормить. Затем не удержалась и всем телом приникла к нему, обвивая шею руками и утыкаясь в нее. Потерлась носом о кожу с терпким мужским запахом. Одежда мешала, и уже жарко стало, поэтому быстро стянула свитер и снова обняла Кирилла, ощущая сквозь майку его тепло. Сейчас он не был горячим как раньше. Да-а-а, слишком много энергии ушло на эту трансформацию, и все ради нас. Меня.

Кирилл так и лежал, не шевелясь, лишь прошептал едва слышно:

– Я люблю тебя, волчонок!

– Я так испугалась за тебя, за нас обоих, Кирюш, – всхлипнула, целуя подбородок, шею, грудь.

– Покормишь?! – вновь прошептал он.

Смотрела на это разговорчивое «полешко» и счастливо улыбалась. Скормила ему весь суп, потом еще одну тарелку, а затем он уснул. Я же еще полежала рядом, обнимая и поглаживая его грудь, просто для себя, чтобы чувствовать его, слушать ровное биение сердца, тихое дыхание. Чтобы ощущать, что мы по-прежнему вместе, и все будет хорошо. Но дела требовали моего внимания.

С облегчением и благодарностью узнала, что Лида позаботилась обо

всех наших гостях и более того, Паша уже съездил за Олегом и Лизой, а главное, Михалыча привез. Он сейчас сидел на диване и беседовал со своими новыми подопечными. При этом поглаживая по голове заснувшего рядом Данила. Жаль его будить, но помыться им не мешало, в итоге, первыми в баню ушли Инесса и Свен, которому Паша помог туда добраться, а потом пошли хавшики – вчетвером.

Я не ошиблась. Наш демаро, аки насадка над птенцами, суетился вокруг младших сородичей. Самое любопытное и приятное, что Михалыч относился к взрослому Тишке, маленькому Даньке и даже к более настороженному и ответственному Герману одинаково, как к малышам. И хотя Герман периодически возмущенно сопел, ведь за эти месяцы привык чувствовать себя взрослым и ответственным за «малышню», но забота и суета Михалыча явно задела его за живое и весьма понравилась.

Мы решили, что Михалыч со своей ребятней, уже сонно клевавшей носами, останется сегодня у нас, а завтра утром Паша отвезет их на ферму. Хавшиков отправили отдыхать на второй этаж, в соседнюю с Лизиной комнату. Свена после помывки и кормежки уложили в кабинете на удобном большом диване. Ему еще пару дней рекомендовалось поменьше двигаться. Они с женой даже из бани, быстро смыв грязь и кровь, тут же вернулись, чтобы не распаривать раны и гематомы. Лида и Паша с Русланом без меня познакомились с новенькими и уже были в курсе, кто они и чем занимаются.

Сегодня мои друзья, кроме Руслана, переночуют у себя в доме. Рус останется здесь в гостиной на диване, пока Кирилл в себя не придет. Лиза, вернувшись домой, не отходила от Олега. Оба, оценив обстановку, сидели мышками.

Разобравшись с делами и позаботившись о животных, с которыми сегодня мне помогал Павел, я поднялась на второй этаж. Моя доча спала, подложив ладошку под щеку, свернувшись клубочком под боком Кирилла. Накрыла ее сверху детским одеялом. Затем, переодевшись в пижаму, скользнула под одеяло к Кириллу с другого бока. Прижимаясь к нему, почувствовала себя безмерно усталой, но чрезвычайно довольной сытой кошкой. Мой мужчина и мой ребенок рядом, значит, все хорошо.

14 ноября

Это было первое утро, когда я проснулась в руках Кирилла. Он лежал на боку и прижимал меня к себе. Замерла, прислушиваясь к своим ощущениям. Тепло, уютно, спокойно. Восхитительно! Позволила себе

немножко посмаковать ощущения. Но было нужно вставать. Подняв голову, осмотрелась. Усмехнулась тихонько, увидев ноги Лизы на талии Кирилла. Раньше я мучилась с Лисенком, которая за ночь успевала сменить сотни поз, и на мне все время оказывались то руки, то ноги, а иногда и попадало из-за ее резких неожиданных движений. Но я уже привыкла, а крепко спавшему Кириллу, из которого вчерашнее происшествие вытянуло все силы, ничего не мешало. сотни поз, и на мне все время оказывались то руки, то ноги, а иногда и попадало из-за ее резких неожиданных движений. Но я уже привыкла, а крепко спавшему Кириллу, из которого вчерашнее происшествие вытянуло все силы, ничего не мешало.

Осторожно выбравшись из его рук под недовольное сонное ворчание, поцеловала в колючую, темную от щетины щеку. Погладила ножку Лизы и, забрав одежду, выскользнула из комнаты. Переоделась в коридоре и заглянула в комнату Лизы проверить хавшиков, потом зашла к Инессе. Она лежала на боку лицом ко мне и хмурилась во сне. Что поделаешь, у каждого свои кошмары...

Тихо спустилась вниз. Оказалось, Руслан уже встал и неловко, стараясь не потревожить раненную руку, одевался.

– Ты чего так рано встал? – посочувствовала, помогая ему попасть в рукав.

Руслан потер помятое со сна лицо и сказал:

– Надо проверить обстановку, послушать... заодно и тебе помогу.

– Руслан, ты с одной рукой не справишься, а на разведку, если так действительно надо, можешь сходить. Но лучше лишний раз полежать и руку не дергать, чтобы быстрее зажило. А то ты всю работу Инессы испортишь.

Мужчина хмыкнул, потер уже шею, а потом, махнул здоровой рукой:

– Нет, все равно надо проверить окрестности.

– Ну, тебе виднее.

Прошла к кабинету, тихонько приоткрыла дверь, чтобы проверить Свена. Этот спал, раскинувшись в позе звезды, и громко сопел. Бедная Инесса...

Закончив с утренними делами, переоделась в более легкую домашнюю одежду, причем, странное дело, именно сегодня выбрала легкое трикотажное платье и старательно убеждала себя, что это не для Кирилла, а для собственного удобства. Приготовила завтрак и пошла проводить своих.

На площадке второго этажа перед туалетом увидела Кирилла, который нетвердой походкой возвращался в спальню. Подлетев к нему и подставив

плечо, обняла за талию и заворчала:

– А что, меня подождать никак нельзя было или Руслана крикнуть?

Сур бросил скептический взгляд и мрачно ответил:

– Поверь, такими делами я привык заниматься в одиночестве... – потом, видимо мой внешний вид не давал покоя, сочувствующе с болью в голосе спросил, – Кирюш, сама-то как, щека очень болит?

– А, ерунда, – заверила я, – мне Инесса вчера помогла, до свадьбы заживет, добавила со смешком, и мы, наконец, добрались до кровати, на которую он осторожно улегся.

Лиза заворчалась и, открыв заспанные глазки, сладко зевнула. От вида пробуждения маленького солнечного Лисенка у меня сердце защемило, и всепоглощающая любовь разлилась в душе, грозя перелиться через край. Кирилл тоже с нежностью и любопытством смотрел на девочку, откинувшись на спинку кровати. Лиза тем временем окончательно проснулась и спросила:

– Ну что, пап, тебе лучше? А то ты вчера так напугал маму, что она забыла меня у тети Зины.

Мне стало стыдно, ведь я действительно в тот момент совсем не думала о своем ребенке. Села рядом и, притянув Лизу к себе, прошептала:

– Прости, доча, я виновата!

– Я понимаю, мам, Олег сказал, что мы должны не мешать взрослым, потому что зевают неприятности.

– Что делают? Зевают? – переспросил Кирилл и, хохотнув, поправил: – Назревают, Лисенок. Олежек, конечно, молодец и парень умный, но сейчас не совсем прав. Неприятности закончились, теперь начнутся приятности. Мы еще пару проблемок решим, и все будет отлично. Иди, буди Олежку, завтракать пора. Я по запаху чую.

Лиза подпрыгнула, обняла нас обоих и рванула из комнаты, только на минуту задержавшись, когда я предложила потихоньку забрать из соседней комнаты костюм и переодеться, чтобы гостей не разбудить. И тоже вышла за ней, сказав Кириллу, попытавшемуся меня ухватить за руку: «Отдыхай, я скоро вернусь».

Быстро спустившись, набрала поднос еды и пошла наверх. Под пристальным взглядом Кирилла закрыла дверь спальни и присела рядом, предварительно поставив поднос на тумбочку. Как только я освободилась, меня притянули к горячему большому телу и впились в губы жестким поцелуем. Непередаваемо голодным и собственническим. Его руки прошли по моему телу, забрались под юбку, а потом и в трусики – убедиться, что я для него уже влажная и жаждущая. Удовлетворенный рык,

и я вмиг оказалась под ним, лежа поперек кровати. Изогнулась, помогая ему стянуть с себя трусики, свои пижамные штаны он приспустил, а потом резко, одним движением до самого конца вошел в меня. Мы словно сошли с ума от желания быстрее получить обоюдную разрядку, уж слишком долго мы играли и ходили вокруг да около.

Мои пальцы впивались в его плечи, впрочем, как и зубы, чтобы не кричать в голос.

Я стонала в его плечо, чувствуя как нарастает томительное, болезненное напряжение, сводящее с ума и заставляющее вскидывать бедра ему навстречу, стремясь вобрать его глубже, плотнее. Ощущения были острыми, непривычно глубокими и, вообще, не такими, как с Савелием. С Кириллом секс был словно открытие новой вселенной: острый, жаркий, раскованный, без ложного стеснения, липших мыслей и с полным набором ощущений и наслаждения, которое нас обоих настигло довольно быстро.

Я буквально впилась в него всем телом, переживая свой взрыв, а он сжал мои плечи так сильно, что, казалось, они вот-вот затрещат, но больно не было, стало еще приятнее. Мы соединились не только там – в средоточии наслаждения, но и на более глубоком уровне. Разделили волшебное, ни с чем не сравнимое удовольствие физической и душевной близости. Это была последняя мысль, которая на миг мелькнула где-то на периферии сознания, но тут же испарилась, потому что я ощутила твердеющую плоть и толчок.

– Что, опять? – удивленно прохрипела.

Кирилл ткнулся носом в шею, лизнул мою вспотевшую кожу, и прошептал, скорее извиняясь, чем констатируя:

– У меня уже год секса не было, прости, но я тебя слишком сильно хочу с первой минуты, как увидел, – новый толчок, и я в ответ раскрываюсь, приглашая к продолжению.

– У меня тоже больше года никого не было, так что я только за, любимый.

Второй раз был неторопливым и чувственным. Глядя глаза в глаза. Как мне показалось, после первого оргазма у мужа явно прибавилось сил. В этот раз мы еще и целовались, с удовольствием изучая вкус губ, кожи, выясняя как и где больше нравится. Я зализала укусы на его плече и после этого его движения усилились и стали резче, мощнее, а ощущения – острее. Новый пик, и я снова кусаю его плечо, подавляя стон, а он тихо рычит от удовольствия и восторга:

– Моя волчица! Да, моя девочка! Никому не отдам...

Через пару минут он откатился в сторону, давая мне возможность

перевести дыхание, все же он слишком массивный и тяжелый. Но тут же подгреб меня поближе и уткнулся в ложбинку между плечом и шеей. Большая широкая ладонь забралась в ворот моего платья, расстегнула пару пуговичек и нашла мою грудь. Руки успевали всюду – они сжимали, гладили, ласкали, а губы жадно целовали и пробовали на вкус. А потом его руки начали сводящий с ума путь вниз, задирая уже смятый и местами влажный подол многострадального платья. Его губы накрывают вершинку моей груди, а пальцы творят волшебство внутри меня, и я тоже проникаю руками в его штаны, чтобы поблагодарить за полученное наслаждение. Моему изумлению не было предела, потому что он вновь твердый и готов продолжить...

– Мама, папа, а чего это вы там делаете? – Стук в дверь застает нас в самый неподходящий момент.

Мы, тяжело дыша, замерли, видимо на пару судорожно решая, что ответить Лизе. И неожиданно, одновременно беззвучно хмыкнув, рассмеялись, отчаянно стараясь не издавать звуков. И я почувствовала, как он пульсирует у меня в руке, а сама изнываю под его ладонью, так хочется вновь ощутить себя наполненной им.

– Попались... – едва слышно выдавил Кирилл, продолжая беззвучно трястись от смеха.

– Тсссс... может сейчас уйдет? – с надеждой вторю ему, сдерживая рвущийся наружу хохот.

Но Лиза неумолимо вновь постучала в дверь и уже взволнованным голосом спросила:

– Мама, папа, вы не заболели?

– Поверь, эта болезнь не страшная, – в этот момент на площадке послышался хохот, и голос Руслана включился в разговор, – они друг другом болеют, и боюсь, это неизлечимо. Пошли вниз, сейчас они лекарства побольше примут, и им немного полегчает.

Быстрый топот детских ног, бегущих вниз по лестнице, а затем мы услышали приглушенный голос Руслана, обращенный к нам:

– Только вы недолго лечитесь, болезные, а то дел многовато, да и Кириллу все же лучше спать больше, а не трудиться... усердно... – затем мы услышали удаляющиеся шаги.

– Заботливый наш...

– Зато своевременно...

Кирилл убрал мою руку от себя, коленом раздвинул мои ноги и устроился между бедер. И снова томительное наполнение, и потом уже в ускоренном режиме, словно конец света не за горами, и хочется успеть в

последний раз насладиться самым любимым делом.

Несколько минут лежали, после того, как смогли прийти в себя от третьего раза, а потом я мышкой скользнула в санузел и ополоснулась холодной водой. Кириллу принесла влажное полотенце и сама с огромным удовольствием поухаживала за ним. Он сопротивлялся, конечно, мотивируя тем, что раз у него сил на ТАКОЕ хватило, причем три раза, то уж до душа он как-нибудь доберется, но я попросила потерпеть до вечера, а уж тогда сама его в бане помою, лично. Это стало самым убедительным аргументом. Чувствую я, что баня у нас станет очень любимым местом, и посещать мы ее будем более чем регулярно.

Пока мой любимый, сидя на стуле, с аппетитом уничтожал завтрак, быстро перестелила кровать, а потом, чмокнув мужа в щеку, уложила его отдохнуть после столь бурного утра. Пострадавшее платье я тоже сменила, пообещав мужу далеко не прятать приглянувшуюся ему вещицу. Вниз спускалась на подрагивающих ногах, все же такие утренние занятия мне непривычны, да и случались давно, мышцы отвыкли, но как же приятно снова их к этому приучать, кто бы знал...

– О, болезненные соизволили появиться! – мое благодушие смыло волной смущения и раздражения, а Руслан продолжил: – Судя по тебе, хорошо полечились. Везет же, прямо завидно.

В гостиную вошли Павел и Лидия.

– Чему завидуешь? – спросила Лида, весело рассматривая нас и стряхивая с волос капельки от растаявших снежинок.

Ее муж, подойдя к нам, неожиданно повел носом рядом со мной, и с веселым изумлением ответил жене:

– Они закрепили брачные отношения... физически. Так что можешь поздравить подругу, а я пойду пошепчусь с Киром.

Придержала Павла рукой и твердо сказала:

– Он отдыхает... спит, – покраснела по самые уши, но все равно уперто смотрела ему в глаза. Руслан хохотнул, и удостоился моего гневного вопроса: – Так, ты уже здоров, я смотрю. Когда к себе переедешь?

Руслан замер, потом, нарисовав на лице просительную мину, выдал:

– А кто будет в щекотливый момент отвечать твоей дочери на вопрос: «Мама, папа, а что это вы за закрытыми дверями делаете?»

Слушать его писклявый голос, подражающий Лизе, было утомительно, но брать свои слова обратно не стала. Руслан меня за пару недель буквально до белого каления довел. Но не оставлять же последнее слово за ним?

– Да-а-а, без тебя нам, несомненно, не справиться, любезный ты

наш! – иронично похвалила я.

– Вот и я о том же! – сразу нашелся неутомимый насмешник. – Кир, ну так я пойду чего-нибудь перекушу?

Видимо услышав наши разговоры, со второго этажа спустилась Инесса, и я, наконец, при дневном свете и без нервов смогла неторопливо и подробно ее рассмотреть. Стройная, но как говорят, ширококостная женщина. С крутыми бедрами и крупными руками. Натуральная блондинка с толстой пшеничной косой и яркими синими глазами. Уголки полных губ смотрели вверх, а мимические лучики-морщинки возле глаз указывали, что эта женщина любит смеяться.

Мы дружно с ней поздоровались, и она, еще позевывая, тщательно закрывая рот, уселась на диван и накрыла ладонью свой внушительный живот. Лида тут же поинтересовалась:

– Какой срок?

– Шесть! – Инесса с нежностью погладила живот. – Мы пару месяцев назад пробрались в мою больницу, и я сделала себе УЗИ. У нас мальчик, причем в мою породу, крупный.

– Ты хочешь сказать, что тебе в мужья дохляк достался непутевый? – В комнату вошел Свен Карсун, с веселым ехидством интересуясь у жены.

Он, немного ссутулившись, прижимал руку к груди, наверное, ребра болят. Инесса тяжело поднялась, хотя Свен и попытался остановить ее жестом, но она упрямо подошла к мужу и заставила сесть на рядом стоящий стул. Ловкими профессиональными движениями начала водить по его телу руками, и я сразу почувствовала всплеск магии. И только закончив с утренними лечебными процедурами, Инесса ответила мужу, обнимая за шею и прижимаясь лицом к его небритой щеке.

– Нет, любимый! Я сказала то, что хотела, а ты у меня самый лучший. И ты это знаешь, только каждый раз напрашиваешься на комплименты.

Я с любопытством смотрела на эту парочку, пытаясь разглядеть под синяками лицо Свена, но пока безуспешно. Единственное, что четко увидела – это зеленые глаза и темно– русые волосы. В целом он похож на Руслана: высокий, сухощавый и подвижный.

Скоро к нам присоединились и хавшики с Михалычем. Мальчишки только проснулись и сейчас, словно голодные зверьки, накинулись на еду. Мой недельный запас яиц был уничтожен в один присест, хлеб снова придется замешивать и, вообще, готовая еда таяла, как прошлогодний снег. За завтраком решили, что Паша отвезет хавшиков к Михалычу на фургоне, там выгрузит и их вещи, и детскую кроватку для Зины, вчера не до этого было. А завтра, когда всем нам станет немного лучше, да и отойдем после

вчера, приедем с остальными знакомиться на ферму.

Мы с Инессой пошли собирать им со Свеном одежду на первое время, потому что сейчас ехать в город опасно, да и некому. Но сходить и выбрать дом поблизости они могли запросто, что и сделали, когда вернулся Павел. Правда, сначала он все выгрузил в своем доме. Пока Кирилл спал, а Олежек с Лизой играли с Федом во дворе, мы с Лидой пошли наслаждаться разбором детских вещичек. Делили уже на три части и лишней раз порадовались, что привезли несколько детских кроваток: Инессе пригодится.

К ужину мы переделали массу дел, позаботились о своих животных, выбрали дом, и Паша сразу привез туда часть продуктов и кое-что по мелочи. Свен потом с мужчинами съездит в город и привезет их личные вещи, как попросила Инесса. Ей будет легче осваиваться в новом доме в окружении своих привычных вещей. И разве кто-то может ей в этом отказать?

За столом в гостиной собрались всем составом, лишь хавшики отсутствовали. Кирилл чувствовал себя гораздо лучше, потому что к ужину спустился сам, перед этим побрившись и переодевшись в джинсы с футболкой. Шел вполне уверенно, не шатаясь да еще сияя радостным оскалом, от которого у новеньких слегка побледнели лица.

Кирилл подошел к Свену и протянул руку, представляясь. Карсун, вернув первоначальный цвет лица, а точнее, снова наливаясь синюшным оттенком из-за гематом, ответил ему с мягкой улыбкой:

– А мы про вас уже наслышаны. Самый лучший, самый сильный, самый добрый и справедливый и так далее, и тому подобное.

Кирилл с веселым изумлением повернулся ко мне, потом переключился на Инессу и быстро за руку поздоровался с ней. Причем уважительно, как с партнером, а не как с красивой женщиной. И, похоже, это ей очень понравилось, она тут же расслабилась и уже более раскованно и дружелюбно смотрела на сура. Кирилл присел на стул и уставился на меня голодным взглядом. Мы с Лидой уже накрыли и всем налили наваристого супчика, поэтому я быстро уселась рядом с Кириллом. Лисенок уже привычно устроилась рядом с Олегом, между Павлом и Русланом. Она вообще теперь следовала за парнишкой тенью.

Я даже не сразу поняла, что скользнуло у меня по ноге под подол платья. Другого уже платья... Тут же уставилась в тарелку, чтобы глаза меня не выдали, когда дошло, чья горячая левая ладонь сжала мое бедро и, поглаживая, двинулась вверх. Мои щеки вспыхнули, словно их кипятком обдали, ясное дело, что это не прошло незамеченным. Опять шутник

Руслан, негромко хохотнув, «посочувствовал»:

– Кир, ты ей хоть поесть-то дай, а потом она вся твоя будет.

Рука медленно вылезла из-под юбки и легла на край стола, постукивая по столешнице. При этом Кирилл, как ни в чем не бывало, поглощал суп.

– Кира говорила, что у вас есть планы на будущее. Можно узнать какие? Мы с удовольствием поучаствуем в них, – спросила Инесса, ни к кому конкретно не обращаясь.

Мои друзья, не перебивая друг друга, но дополняя, рассказали о наших планах. Только Кирилл пока был не в курсе, что новенькие врачи. Но его быстро просветил Павел. Я заметила, что Павел больше идеальный помощник или заместитель, нежели лидер: исполнительный и чересчур ответственный. Повезло Лидии с мужем и будущим отцом ее детей. Правда, мне повезло еще больше, я так думаю и уверена в своих мыслях.

А еще в течение разговора следила, как ведет себя Лиза и радовалась, что она выглядит вполне довольным жизнью общительным ребенком и благополучно выкарабкалась после страшной болезни и ее последствий.

Ну и, конечно же, не отказывала себе в удовольствии поглядывать на Кирилла, наслаждаясь видом его мужественного профиля. Причем, муж неоднократно подлавливал меня на этих самых восхищенных взглядах, и в его глазах все сильнее ощущалось ответное тепло и удовлетворение. После очередного такого взгляда, он наклонился ко мне вплотную и тихо прошептал на ухо, обдавая жарким дыханием:

– Не смотри так, а то мыться пойдем прямо сейчас и надолго...

Стало жарко от его предупреждения, и я затрепетала в предвкушении. Кирилл это тоже ощутил, и глаза его довольно вспыхнули. Погладил мою коленку и, оставив на ней ладонь, вновь повернулся к чете Карсун. Свен как раз в этот момент спрашивал Павла:

– То есть, вы совсем не против, чтобы к вам присоединялись другие? И раса не важна? А специальность?

Павел, откинувшись на спинку стула, ответил, твердо глядя ему в глаза:

– Мы обеими руками ЗА! Будем рады любым: старым, молодым, главное, чтобы они были нормальными и с горячим желанием жить и работать в здоровом социальном обществе, а не в хаосе, насилии и анархии. У нас есть правила, но все они преследуют только одну цель: безопасное будущее для нас и наших детей.

Свен молча слушал, но тут Кирилл поинтересовался, пристально вглядываясь в лица супругов:

– А что, у вас есть претенденты на переселение?

Свен переглянулся с Инессой и осторожно ответил:

– Мы знаем еще несколько выживших, они живут неподалеку от нас, и изредка мы встречались, когда пищу искали. Паника, мародеры, собаки, спятившие, многие магазины пусты... Вот мы и ходили иногда в поисках не одни... Среди них профессор Сорин, который раньше преподавал биологию в университете, еще мой учитель... Васильев из местного жилищного управления, он электрик, с маленькой дочерью остался, но девочка без памяти. Он боится ее надолго оставлять. Валентина Ивановна совсем одна осталась, инженером на ТЭЦ работала. Ну и еще несколько людей встречали, иногда разговаривали и примерно знаем, где они живут.

Теперь Кирилл переглянулся с Павлом и Русланом, а потом предложил:

– У нас пока немного готовых к зиме домов, но уверен, что нам здесь вместе лучше, чем в городе и по одиночке. Еще есть время, и можно доделать пару домов. Если возникнет необходимость, внутренним ремонтом можно заниматься, когда в них тепло будет. Если сразу всем взяться, то до сильных морозов успеем. Надо найти снегоходы и сани, чтобы в город за необходимым добираться в любое время и искать выживших.

Мы с Лидой добавили в унисон:

– И детей искать.

– Да, – Кирилл пожал мою коленку, соглашаясь, – детей – самое главное, они самостоятельно зиму могут не пережить, в отличие от взрослых.

– А с бандой как быть? – хрипло и мрачно спросила Инесса. – В последнее время от этих мразей никакого житья не было, уже дошло до того, что мы были вынуждены, как мыши, прятаться. Тут у всех горе – супруги, дети, родители погибли, а эти выродки охотятся на женщин и словно скотину... а мужиков батрачить заставляют.

Кирилл помрачнел, но мою коленку начал поглаживать ласково и успокаивающе. Как будто меня утешал... Я положила на его руку свою ладонь и сжала, поддерживая. Во всем.

– Займемся вплотную. На нашей территории банд больше не будет, никаких, и любую подобную деятельность будем пресекать на корню. Силы и возможности у нас есть и будут еще больше и лучше.

– Вы так в этом уверены? – Свен немного неуверенно спросил, но с надеждой в глазах.

– Я уверен! – Кирилл так мрачно ощерился, что Карсун вновь побледнел, впрочем, напряглись и остальные мужчины. А сур между тем

продолжил.

– Уверен, подобная вчерашней ситуация больше не повторится. – Едва уловимо коснулся пальцем кровоподтека на моей щеке, а в его глазах опять мелькнула боль. – Моя жена будет жить и ходить не опасаясь, что ее за углом украдут или... Об этом я позабочусь. – Бросил предупреждающий взгляд на меня, потом на Лиду. И строго предупредил: – И запомните, больше я на ваши женские слезы и обиды не куплюсь. Сказал – опасно, значит, никуда не едем, не идем и даже не ползем, а сидим дома. И ты, моя любимая, если твое предчувствие хоть шевельнется, предупреждаешь любого из нас, а лучше всех сразу. И если хоть кто-то не доложит мне или не примет к сведению и не отреагирует должным образом, голову оторву. Любому!

Судя по лицам присутствующих, все прониклось его словами-угрозами, я тоже. Свен осторожно спросил, нарушая тяжелое молчание:

– Значит, мы можем в ближайшее время перевезти сюда вещи из города и пригласить наших знакомых?

– Не можем, а обязаны, но через два дня. Мы должны быть в форме, – снова ответил Кирилл.

Ужин прошел вполне продуктивно, и после мы уже беседовали более спокойно и весело. К концу Кирилл все пристальнее смотрел на Павла, и тот, похоже, догадался, о чем ему намекает друг. Помог подняться Лиде и, попрощавшись и забрав Олега с Русланом, удалился в свой дом. Я убрала в гостиной, а когда перемыла посуду, выяснилось, что Инесса выразила желание сегодня спать с мужем, причем в кабинете. Заметив мое возмущенное лицо, Кирилл пояснил:

– Я тоже сказал ей, что негоже беременной на диване ютиться, а она ответила, что рядом с мужем ей спится лучше. Да и диван у тебя такой широкий и мягкий, что получше кровати в детской будет...

– Ты уверен, что...

– Уверен! – прервал убежденным голосом. – Дважды пытался переубедить, но она выбрала кабинет и мужа. Я бы тоже тебя выбрал.

Пожав плечами, позвала Лизу. Сегодня дочь впервые будет спать в своей комнате. Пока Кирилл проверял обстановку на улице в компании Феда и кота Семена, постелила Лизе в детской, вымыла ее в бане и уложила спать. Лисенок, набегавшись за день и получив много впечатлений, которыми поделилась, пока парилась, быстро заснула. А я, напоследок поцеловав и подоткнув ей одеяло, тихонько спустилась вниз.

Кирилл уже ждал меня, комфортно расположившись в кресле у камина и о чем-то размышляя. В свете угасающего пламени черты лица

еще больше заострились, мышцы рельефно выделялись, и сейчас он был похож на демона ночи, таинственного и опасного, от чего у меня перехватило дыхание. Оживший темный огонь. Грозный хищник в мужья мне достался...

Темный коридор, по которому мы, держась за руки, шли в баню, создавал особое настроение. В предбаннике горел небольшой светильник, и его света было достаточно, чтобы не спотыкаться о различные предметы и вполне отчетливо видеть. А розоватый свет придавал окружающему пространству сказочности и волшебности. Дверь мы на всякий случай закрыли, чтобы как в прошлый раз нас никто не побеспокоил. Кирилл, сказал, что сейчас сам обо мне позаботится: раз я обещала его искупать, то он тоже желает проявить любезность. Неторопливо раздел меня, превратив это занятие в необыкновенно приятное и чувственное. Для себя самого ему понадобилось всего несколько секунд, зато на меня потратил много долгих минут. Восторгаясь, любуясь и поглаживая каждый открывшийся кусочек тела.

Обнаженными прошли в теплое нутро бани, где нас сразу обволокло паром и живым ароматным теплом. Я впервые за этот весьма насыщенный день невольно задумалась о том, что гнала от себя. Невероятно, тело вроде расслабилось в жарком влажном воздухе, а мысли покоя не давали... Большие ладони мягко легли на мои плечи, а к спине прижалось жесткое сильное тело мужа.

– Кирюш, рассказывай.

– Я там... на базе... – выдохнула тяжело, но очень хотелось поделиться тем, что так сильно мучило, – думала, если это все же случится, то жить дальше...

Кирилл, решительно развернув к себе лицом, хриплым, сейчас странно чужим от металлических интонаций голосом скорее приказал, чем попросил:

– Все это хрень, любимая. Поняла?! Главное, чтобы ты жила, чтобы мы жили и всегда были вместе, что бы ни произошло. В такое время может многое случиться, и вместе можно все пережить. Но без тебя мне ничего не нужно. Больше никогда не думай о смерти, волчонок, только о жизни, о Лизавете, обо мне и наших будущих детях. Всегда помни о том, что мы нуждаемся в тебе... Я теперь живу тобой.

Я прилипла к нему, обнимая и чувствуя, как одинокая слеза, скользя по моей щеке, упала ему на плечо. Молча кивнула, а потом снова, как вчера утром, не выдержала странной нужды сказать ему о своих чувствах и прошептала:

– Я люблю тебя, Кирилл! Так сильно люблю.

– Свела с ума меня! Забрала мою душу! Я умру за тебя! Любимая! – выдохнул мне в волосы, сминая плечи и прижимая к себе...

Попарились и не только мы основательно. Сперва Кирилл налил водички в таз, проверил температуру и начал намыливать мое тело. Я тоже намылила руки и, нежно изучая и восхищаясь, касалась его тугих мышц на плечах, груди, животе, и наконец, мои руки спустились в пах и убедились, что Кирилл более чем готов. Вскинула глаза, поймав темный в скудном банном освещении взгляд его глаз, в которых горел огонь. Жуткий, голодный огонь, и если бы я не чувствовала, не знала, о каком голоде идет речь, померла бы от страха.

Он наклонился и, подхватив большой таз, окатил нас водой, смывая мыльную пену. На этом выдержка Кирилла закончилась. Мы опробовали поверхности как в парной, так и в предбаннике. Кожаный диван ему особенно понравился... Из бани я разве что не выползала, зато опять заметила благотворное влияние супружеской близости на самочувствие мужа. От крайне бледного внешнего вида и, скажем, печального – сегодня утром, не осталось и следа. Он шел рядом обычной легкой походкой, а потом и вовсе, подхватив меня на руки, словно пещерный человек, понес в свою берлогу. Правда, доставил в теперь уже нашу общую кровать. Заснула я как убитая.

Утро встретило томлением в груди и в низу живота, где во всю хозяйничали руки Кирилла. Соитие в этот раз было немного болезненным, все же к таким частым интимным играм я не привыкла... Но что ради любимого не сделаешь, хотя я и сама получила массу удовольствия.

Немного отдышавшись, Кирилл приподнялся, благодарно поцеловал и прошептал, собираясь уйти:

– Волчонок, поспи еще, я сам все сделаю и сразу вернусь к тебе в постельку.

Хмыкнув, качнула головой и, обняв за шею, повисла у него на спине и тоже на ухо тихо ответила (мы все время помнили, что через площадку спит наш ребенок, поэтому изображали мышей):

– Не-е-е, не пойдет, давай вместе. Так дела пойдут веселее, приятнее и закончатся быстрее.

Кирилл завел руки за спину, поддерживая меня, и встал с кровати. Затем покружил по спальне, а я тихо смеялась, покусывая его ухо. А потом мы оделись и пошли кормить животину и доить наших кормилиц.

Я ощущала буквально всем телом счастье, переполнявшее меня и, держа за руку мужа, мечтала об одном: до конца своей жизни чувствовать

его тепло и надежность.

К завтраку проснулись гости. Потом мужчины обстоятельно говорили о своем хозяйстве, животных и еще тысяче дел. Мы с Инессой тоже о многом побеседовали, а еще обе порадовались, что наши дома расположены неподалеку. Подтянулись остальные, и мужчины ушли благоустраивать дом Карсунов: возили продукты, вешали полки, съездили на ферму и привезли оттуда овощи и кое-какую живность. Свен потом весь вечер, сильно жестикулируя, рассказывал, как его напугал кабанчик, который лихо погонял его по свинячьему загону. А еще подарок называется! И теперь он гадал, как ему с ним налаживать отношения. Мы еще не успели успокоиться, а Свен перекинулся на шумных кур и оголтелого петуха, запрыгнувшего на плечи и попытавшегося ему дырку в голове пробить. Предположил, потирая затылок, что петух решил, якобы недотепа – биохимик пришел топтать его курочек. Слушая и мысленно представляя забавные ситуации, мы уже скорее лежали на столе, рыдая от смеха.

А еще я улучила момент и, затащив Лиду на кухню, испытывая неловкость, спросила:

– Лида, скажи, э-э-э, а у вас с Павлом, э-э-э, как часто ЭТО бывает?

Лида, в первый момент с недоумением на меня посмотрев, тут же расплылась в ехидной усмешке:

– Часто, Кира, очень часто, и ты с этим ничего поделать не сможешь. Мне было проще уступить, чем слушать стоны Паши о том, что я его не люблю, игнорирую, не хочу, думаю о другом, раз не хочу его, и еще тысячи причин, почему я ему отказываю. Причем, самые элементарные, что сейчас не время, не место и, вообще, настолько часто просто сил никаких не хватит, он пропускал мимо ушей...

Дверь тихо открылась, и вошел Павел. Похоже он свою жену даже на минуту из поля зрения не выпускает. Он выглядел смущенным, но на симпатичном добродушном лице расплывалась мягкая улыбка. Я тоже смутилась, потому что, к своему стыду, поняла, что мужчина все слышал – виноватый вид выдает. А потом он подтвердил мои подозрения:

– Кира, это природа нас заставляет. – Лида, закатив глаза, скептически хмыкнула, но Павел продолжил: – Требуется любыми способами привязать свою женщину к себе. И беременность – самый весомый аргумент. Так что пока Кирилл не удостоверится, что его, хм-м-м, интенсивные занятия не увенчались успехом, тебе придется смириться с, хм-м-м, некоторыми неудобствами.

Я кивнула, чувствуя, как уши пылают от стыда, еще бы, решилась столь

интимную тему обсуждать с подругой, а теперь к этим прениям еще и ее муж подключился, не хватает еще Руслана и...

– А что это вы тут делаете? – Руслан с Лизой выглядывали из-за двери, а мне захотелось завуть с досады. Я, наверное, еще больше покраснела.

Паша хмыкнул, обреченно покачав головой, а Лида, отметив мое состояние, открыла дверь и проводила Руслана по коридору со словами:

– Вот тебя тут точно не хватало.

А я начала греметь кастрюлями, чтобы абстрагироваться от неловкой ситуации.

Перед тем как все легли спать, я в очередной раз наблюдала, как Кирилл сидит в кресле перед станцией радиосвязи и пытается получить ответ на свои запросы.

16 ноября

Рано утром нас всех – женщин и детей – перевезли под охрану Семена и Димона, которые, хорошо вооружившись, бдительно контролировали близлежащие окрестности и подъезды к ферме. А я с парнишками Димона помогала нашим мужчинам подготовиться к поездке. Они, тщательно экипировавшись, отправились в город сразу с несколькими задачами. Самая главная – тотальная зачистка банды, как жестко и бесстрастно выразился Кирилл, заставив помрачнеть лица окружающих.

Второстепенными, но тоже важными делами должен был заниматься Свен. А именно: найти своих знакомых и убедить их переехать в Васино и Таюгру. В Васино домов на всех не хватит, а в Таюгре множество пустых, готовых к зиме, вполне обжитых – с мебелью и прочим домашним имуществом. Тому поселку, в отличие от нашего, было уже несколько лет. Кроме того, Кирилл не хотел, чтобы все дома в Васино занимали чужаки, надеясь, что откликнутся его сослуживцы, да и территорию надо обживать более обширно. Также Свену предстояло паковать вещи и мебель в фургон, чтобы перевезти в новый дом.

Между этими самыми главными делами мужчины отыскивали специализированный магазин, где все еще стояли новенькие снегоходы, к которым можно приспособить фургон на полозьях. Зимой в город, возможно, придется ездить часто, и такая повозка придется кстати.

Кирилл предупредил, что иногда они не будут возвращаться ночевать домой, и нам надо будет вести себя осторожно. Но теперь мы все постоянно на связи – с рациями в карманах. События шли полным ходом.

По удовлетворенным лицам полиморфов я догадывалась – с главной

задачей они справлялись успешно. Внешне мужчины как обычно упорно отмалчивались о своих делах, мотивируя это все той же причиной: не желаем «забивать ваши хорошенькие головки» и, вообще, «мы и так целыми днями в заботах о вас, и дома хочется пообщаться на более приятные темы, нежели...» Что ж, забот действительно хватало.

Одновременно с боевыми действиями в Тюбрине в нашем пока еще образующемся городке селились новые жители. Всех найденных детей разбирали по домам. Так у нас с Кириллом появился мальчик-маг пяти лет, и Лиза тут же взяла над ним шефство. Для него под вторую детскую мы освободили от различных запасов одну из комнат. Ее же было решено использовать про запас – лишняя комната не помещает в доме, где гости появлялись часто, внезапно и в непредсказуемом количестве.

Павел с Лидией приютили у себя двух девочек-близнецов, как выяснилось, рысей– полукровок. Им по тринадцать лет, и ведут они себя все еще очень настороженно и пугливо. Олег теперь напоминал петушка в курятнике, сопровождая на прогулку трех девочек, и мы втихомолку с Лидой над ним посмеивались. Но мальчик обещал вырасти настоящим сильным мужчиной, охотимо помогал с хозяйством и, по словам Павла, охранял женщин. Кирилл часто давал уроки боевого мастерства парню. Впрочем, как и всем остальным жителям Таюгры и Васино.

Таким образом, у каждого из жителей Васино и у всех наших соседей появились приемные дети. Так же мы подобрали парочку потерявших память. Больше таких нам не встречалось – не выжили в суровых условиях нового мира. Кирилл внес предложение выделить пока отдельный дом поближе к ферме под детский и реабилитационный центр. Решение было принято единогласно.

Тем временем за неделю всю группировку бандитов уничтожили, а в поселке заселили двадцать один дом, и с каждым днем ждали пополнения. Наши мужчины на многих указателях в городе вешали объявления-приглашения присоединиться к таюгринцам. Мы уже даже неосознанно называли Васино Таюгрой или новой Таюгрой, так что скоро, я уверена, это название прочно войдет в обиход местных жителей.

Жизнь кипела и бурлила, несмотря на установившуюся морозную погоду; мы часто между делами собирались на ферме в административном здании и скоро начали именовать его мэрией. А Кирилла так все и звали – мэр или старший. А я незаметно стала его личным секретарем по всем вопросам.

Прибывавшие из Тюбрин в Таюгру переселенцы, сперва боязливые и настороженные, довольно быстро осваивались и начинали чувствовать себя

увереннее, а главное, их уверенность в завтрашнем дне становилась все более твердой и весомой. Каждый понимал, что поодиночке не выжить, а всем вместе – вполне по силам.

Теперь на собраниях, которые проводились в конференц-зале, часто звучало множество голосов, обсуждавших вопросы различного характера. Иногда профессор-маг излагал свои мысли высокопарным, заумным слогом, и тут же его оппонентом выступал работяга-чувствующий или деляга-лис из бывших торговых рядов. Все хотели, чтобы работяга-чувствующий или деляга-лис из бывших торговых рядов. Все хотели, чтобы жизнь вернулась на мирные рельсы, ведущие к комфортной, сытой и безопасной жизни и надо сказать, что прилагали для этого все усилия. С каждым днем возникали все новые должности, и люди, наделенные соответствующими обязанностями и полномочиями, чувствовали себя ответственными.

Так же Кирилл лично и совершенно прямолинейно предупреждал каждого новенького, селившегося в Таюгре, что анархии и хаоса не потерпит, и законы прежнего мира на территории нового города действуют гораздо эффективнее, чем в былые времена, а наказания за преступления гораздо жестче. Каждый был в курсе, насколько жестоко и безжалостно Кирилл и его соратники расправились с бандой, трупы участников которой до сих пор поедают дикие животные как бы в назидание другим желающим поживиться на чужом горе или слабости.

В тоже время на общем собрании Михалыч вынес предложение узаконить обещание Кирилла. И теперь в общем своде правил и законов, который составил наш новый судья, бывший адвокат Дирк Рыбаченко, который переселился в Таюгру одним из первых, самым главным и суровым стал закон Силуянова. Закон Силуянова гласил: «Любой, кто будет уличен в организации бандформирований, вхождении в подобную группу, организации иных подобных групп с целью установления анархии и насилия над гражданами самопровозглашенного города Таюгры будет подвергнут смертной казни.» Против принятия этого закона не было ни одного, как не было и воздержавшихся: каждый почувствовал на себе, что такое хаос.

В последнее время у нас дома появилась традиция. Кирилл садился в кресло составлять списки необходимых дел. Он очень любил все систематизировать и отмечать выполненное, а я сидела у его ног или рядышком, играя в различные игры с детьми.

Тепло и свет камина создавали уютную домашнюю атмосферу, а родные любимые существа заставляли мое сердце петь от счастья в такие

вечера. Даже Федор и Семен подружились, и толстый рыжий кот часто грел лапы нашему главному четвероногому охраннику. После появления в нашей семье Артема у Федора удвоились обязанности по охране детей, а Семен, видимо со скуки, ходил везде за псом следом. Хотя, вполне возможно, наш психически травмированный кот просто чувствовал себя в безопасности рядом с более крупным и зубастым товарищем.

И каждый вечер Кирилл искал по радиосвязи своих сослуживцев, и однажды его услышали.

25 декабря

Меня разбудил нежный поцелуй Кирилла и его руки, ласкающие мою грудь, сжимающие и теребящие ее вершинки. Мой отклик последовал незамедлительно, хотя сознание еще не полностью проснулось...

Когда несколько дней назад наступили критические дни, муж расстроился. Гораздо сильнее меня, хотя виду не подал и был чересчур заботлив и предупредителен, но я чувствовала – опечален, еще бы, вся его упорная работа не принесла ожидаемого результата. Вернее результат был, ведь за прошедшие полтора месяца наша связь усилилась, сейчас мне казалось, что мой сур стал буквально одержим мной. Впрочем, как и я им. Чем бы мы не занимались, всегда знали, что половинка где-то рядом. С той самой первой близости нас словно постепенно сковало невидимой цепью. Но увы и ах – с потомством не получилось. Пока. Но что нам мешает продолжить? С удовольствием!

Кирилл плавно, медленно вошел в меня, заставив выгнуть спину от наслаждения, прижимаясь ягодицами к его паху. Его движения были томительно-медленными и размеренными, и очень скоро я буквально впивалась в подушку, чтобы не застонать в голос. Затем он ускорился и очень скоро мы оба почувствовали взрыв маленькой вселенной. На несколько сладких мгновений там, за гранью, мы стали единым целым, и это было невероятно прекрасно. И не было никого, кроме нас, двух половинок, накрепко спаянных любовью.

Наша близость становилась с каждым днем все более раскованной, и мы узнали друг о друге многое. Слишком многое, и это сближало сильнее, хотя мне все время кажется, что еще ближе просто некуда.

Я забралась на мужа сверху, распластавшись по широкой мускулистой груди. Мне дико нравится всем телом ощущать его горячую кожу, чувствовать, как перекачиваются подо мной мускулы, как стучит сердце, которое принадлежит мне. А еще обожаю в этой серой предутренней мгле

заглядывать в его сверкающие счастливые глаза и чувствовать, как его руки скользят по моей спине, лаская и прижимая к его телу. Мы оба полюбили вот так хотя бы недолго полежать в кровати, наслаждаясь друг другом, не торопясь возвращаться в подчас слишком суровую реальность.

Неожиданно я почувствовала, как напряглось тело Кирилла, и руки застыли на моих ягодицах. Он приподнял голову, внимательно, напряженно прислушиваясь, потом решительно переложил меня рядом на спину, а сам вскочил и начал быстро одеваться, и только в тот момент я услышала далекий звук двигателя большого автомобиля. Инстинктивно прислушалась к себе – предчувствие молчало, что помогло немного успокоиться.

– Как ты думаешь, кто это? – Пришла мысль, что это очередные переселенцы, надеюсь так оно и будет.

Кирилл натянул носки, быстро наклонившись, поцеловал меня в губы и строго сказал:

– Сиди дома! Как выясню, свяжусь с тобой.

– Кирюш, будь осторожнее!

Замерев на миг в проеме двери, услышав мою просьбу, улыбнулся:

– Все будет хорошо, волчонок, я люблю тебя и одну никогда не оставлю.

Вслед за ним из постели вылезла и я, быстро смыла с себя сон холодной водой в душевой. Жаль, что насос не умеет еще и воду подогревать... Потом оделась и спустилась вниз. Животных оставила на потом, с ними зимой можно не торопиться – молока гораздо меньше, а пока решила заняться приготовлением завтрака. Мало ли кого к нам принесло, и горячая еда будет весьма кстати.

Через полчаса ожила рация. Кирилл предупредил:

– Кирюш, я возвращаюсь домой и со мной двенадцать человек – мои друзья. Накрывай на стол, они голодные и усталые, и баню затопи.

– Хорошо, любимый! – я начала носиться по дому, собирая на стол. Сбегала в баню и растопила печь, достала кое-какие заготовки, соленья и вчерашний суп. Благо пекла хлеб и варила суп теперь в больших количествах из-за непредсказуемого числа едоков. А ведь еще осенью гадала, кто всю прорву еды, что мы с Лизой насолили, засушили и заготовили, есть будет?! Нашлись желающие, как выяснилось.

Скоро по шуму с улицы я поняла, что вернулся Кирилл с новыми гостями.

Выглянула из окна во двор и наблюдала, как из огромного вездехода выпрыгнули мужчины, а затем помогли женщинам вылезти из высокой машины. Первым делом отметила, что среди прибывших двое детей

разного возраста, но особенно сильное впечатление произвели трое мужчин. По манере поведения понятно, что такие же военные, как и Кирилл, а еще чем-то неуловимо похожи на мужа. Я предположила, что именно это его долгожданные сослуживцы. Один из них – самый высокий и широкий в плечах – вел за руку девушку лет двадцати. Вновь с тяжелым вздохом констатировала, что это очередная потеряшка, как мы теперь называли всех потерявших память после болезни.

Второй из приметной троицы держал на руках мальчика лет трех, а рядом с ним шла немного полноватая невысокая женщина. Сразу видно – семья, и я от души порадовалась, что удалось выжить всем. Третий мужчина о чем-то говорил с Кириллом, потом оба рассмеялись, и я, задохнувшись от счастья, наблюдала, как сильно изменилось лицо моего мужчины. Он рад, очень рад, что эти мужчины здесь, как будто родня нашлась, хотя воинское братство ведь не зря так называется...

Среди гостей оказался хавшик с тросточкой, определенно интеллигент в... цатом поколении и не меньше, чем профессор. Интеллектуал до мозга костей, чтобы ни случилось.

Мужчина с девочкой лет десяти, руку которой не выпускал из своей, опять же с болью отметила, что взрослый из потеряшек, а девочка нормальная. Страшно представить, что пережил ребенок, очнувшись после болезни и увидев своего отца таким... В ее-то возрасте! Остальные трое: мужчина в возрасте с двумя парнями лет по восемнадцать-двадцать.

Улыбнулась, увидев спешащих к толпе Павла и Лидию, достала рацию и соединилась с Русланом. Выяснилось, что он тоже слышал шум двигателя, но узнав в чем дело, успокоился и сказал, что через пару минут подойдет.

– Мама, что случилось? – рядом появилась Лиза в пижамке и смешных лохматых тапках и встревожено посмотрела на меня.

– Ничего страшного, родная! Иди переодевайся, у нас опять гости, много гостей.

Следом за Лизой пришел Артемка, который с опаской заглядывал в гостиную. Все еще словно испуганный зверек – всего боится. Меня поражало в Кирилле, то терпение, с которым он возился с малышом, стараясь, чтобы Артемка забыл о своих страхах или научился с ними бороться, привык к нам. И мальчик буквально боготворил мужа, меня же скорее ценил за заботу и ласку. Зато Лизу полюбил безмерно и ходил за ней хвостиком.

– И Артемку возьми с собой, потом приходите с новенькими знакомиться.

– Доброе утро, Кира, там полно голодных! – В гостиную зашла Лидия и приветственно коснулась моего плеча, и пока мы шли на кухню сообщила: – Они из-за морозов два дня ехали без остановок и питались всухомятку. Боялись, что топливо замерзнет, и тогда конец всем будет. Бр-р-р, там эти друзья твоего мужа, и от них не меньше, чем от Кирилла когда-то пробирает.

В этот момент в дом начала заходить вся эта разношерстная группа товарищей. Все здоровались, представлялись, с любопытством разглядывая меня, раздевались и, по очереди быстро помыв руки, садились за стол.

Конечно, я особенно заинтересовалась друзьями Кирилла, которых он лично представил, при этом, как показалось, чересчур крепко прижимая меня к себе. Мужчина с девушкой-потеряшкой – Даниил Ротов. Такой же огромный как Павел, и, самое примечательное, тоже сур. Внешность весьма впечатлила: наголо обритая голова, серые глаза, широкое скуластое лицо, нос с горбинкой – все произвело на меня весьма неоднозначное и внушительное впечатление, особенно глаза – стальные острые клинки. Как оказалось, девушка – его сестра Вероника, очень милая и, можно даже сказать, красивая, если бы не несоответствующий возрасту взгляд. Как у моей восьмилетней Лизы: детский и наивный. Даниил обвел меня чрезвычайно пристальным оценивающим взглядом, но, заметив потемневшее лицо Кирилла и его ладонь на моей талии, стальной взгляд убрал, заменив его на теплый и любопытный.

Второй представился Максимом Бурей. Голубоглазый блондин-волк тепло и осторожно пожал мою руку, а потом познакомил со своей женой Ольгой. Этакая аппетитная пышная булочка – вся такая кругленькая, белокожая, румяная. Но выглядела серьезной и, судя по ее карим вдумчивым глазам, была очень спокойной и выдержанной особой. Здороваясь со мной и Лидией, она улыбнулась, несмотря на усталость, очень живой и яркой улыбкой, преобразившей ее до неузнаваемости, превратившей в очаровательную, беззаботную молоденькую женщину. Я поняла, что на одну подругу у меня станет больше. После ее муж познакомил нас с их сыночком Егоркой – своей уменьшенной копией.

Третьим был полиморф-волк – Назар Стахов, немного угрюмый мужчина. Он сдержанно кивнул мне, Лиде и совершенно неожиданно подарил скупую улыбку. Отчего – то стало яснее ясного, что нам буквально повезло получить редкий подарок. Потому что, глядя на него, сразу подумала, что Назар не умеет улыбаться. А может, разучился. Со временем узнаю.

Профессорского вида хавшик представился Давидом Насером.

Политолог из Москаны. Я пообещала познакомить его с нашими хавшиками, и он заметно оживился и повеселел.

Солидный мужчина с двумя парнями – Эльдар Каплун, а сыновья – Тимур и Рустам. Они явно ощущали себя не в своей тарелке и стеснялись, но мы с Лидой постарались как можно шире и гостеприимнее им улыбаться. Все трое – чувствующие.

Последними были Наум и Катя Мосеры. Девочка, судя по слишком взрослым глазам и поджатым губам, детство перешагнула слишком быстро. Я побоялась даже гадать, что пережила эта девочка, после чего ее серо-зеленые большие глаза превратились в тусклые выжженные пустыни на бледном личике с впавшими щеками. Мужчина рядом с ней смотрел похожими глазами, но в них отражались детский страх и неуверенность.

Жутко видеть такие похожие глаза у взрослого и ребенка, понимая, что их выражение не соответствует возрасту. Перепутано! Назар Стахов усадил их рядом с собой. Заметно, что он взял шефство над этой парочкой. А на девочку смотрел странным тоскливым взглядом. Кирилл чуть позже шепнул мне, что Назар потерял всю семью, и Катя слишком сильно напоминает ему умершую дочь. Сейчас у угрюмого волка неосознанно включился инстинкт защитника, и тот опекает их как родных.

Все молчаливо и усердно налегли на еду. А у меня в который раз сердце защемило от жалости, при взгляде на голодных и измученных гостей. Сколько же их еще таких неприкаянных бродит? Даже мои ребяташки тихонько сидели, поглядывая на новеньких исподлобья. После завтрака я предложила всем помыться в бане, вызвав небывалый энтузиазм. Намерзлись и намучились наши гости знатно. Ольга забрала с собой Катю и Веронику, а мужчины остались за столом, и я налила им горячего травяного чая.

Пока женщины мылись, мужчины беседовали. Пришел Руслан с ведром молока. Как выяснилось, Кирилл перехватил его во дворе и попросил позаботиться о нашей живности. Я очень горячо поблагодарила за помощь. Кирилл же, услышав мои благодарственные излияния, лишь насмешливо сказал, что Руслану давно пора не только учиться, но и хозяйством обзаводиться, а он все волынит.

– Так вот же, отрабатываю вкусные обеды, – моментально нашелся Лис и быстро подольстился, приложив руку к сердцу, – Кирочка, я всегда готов прийти на помощь.

– Проходи завтракать, помощник, – пригласила и кивнула в сторону гостиной,

– раз заработал.

Вернувшись с тарелкой для Лиса, устроилась за спиной мужа, положив руку на плечо. Очень хотелось послушать новости. Лидия устроилась на диване с Артемкой и Лизой, и они дружно развлекали Егорку, пока Ольга купалась с девочками в бане. Кирилл перетянул меня к себе на колени и прижал. Даниил, пока пили чай, рассматривал меня из-под полуопущенных ресниц весьма загадочным взглядом, и я почувствовала, как невольно напрягся Кирилл. Но стоило мне оказаться у него на коленях и прильнуть к плечу, как муж расслабился. Ротов, скорее всего, отметив что-то для себя, глазами усмехнулся другу, но на его лице при этом не дрогнул ни один мускул.

– Если не сильно устали, может, расскажете, как добирались? – Кирилл предложил всем, но глядел на Ротова.

Тот пожал плечами и быстро обвел своих спутников взглядом, только после этого начав говорить:

– Когда началась вторая волна, мы были на Володаре, помнишь, Кир? – в этот момент он бросил вопросительный взгляд на Кирилла и, получив его мрачный утвердительный кивок, продолжил: – Заболел весь отряд, выжили только мы трое. – Кирилл потемнел лицом и окаменел. – В самом Володаре выживших практически не осталось. Сам понимаешь, весна, половодье, наводнение приличное... мы там сами в воде очухались... Короче, жутко было даже мне: вода кругом и трупы плавают. Мы своих под крышу гарнизонной казармы всех перетащили и подожгли... Потом в сторону Москаны двинули. Пару недель добирались, а там... – Лица всех мужчин стали еще более мрачными, а Назара перекосило от ярости. Ротов продолжил.

–.. смерть, анархия, хаос, мародеры и дышать от смрада и смога невозможно. Я Нику нашел, она от голода умирала, все, что было в свободном доступе, съела, а открыть банку не могла... память отшибло. Все остальные мертвы. Забрал Нику и к Буре, хоть ему повезло больше...

Я заметила, что стоило Даниилу упомянуть Бурю, как взгляд того затравленно метнулся к сыну Егору на диване и в сторону, куда ушла жена. Похоже, он еще не забыл выворачивающий душу, дикий страх неизвестности, который вытравить из себя никак не в силах. А Даниил между тем продолжил, украдкой посмотрев на Назара:

– Помогли Назару похоронить... всех... Он невменяемый был, а потом решили уходить из Москаны. Плана четкого не было, все в таком раздразе находились, что просто шли или ехали куда глаза глядят, а везде тоже самое... В Салое вроде решили обосноваться, но там совершенно непотребное началось. Сектанты власть захватили и людям мозги

задурили. Костры жечь начали с отступниками и неверующими, судный день объявили и показательные суды устраивать начали...

Тут Давид Насер встрепенулся. Протер платочком слезящиеся глаза и быстро добавил:

– Я в Салое на конференции был, когда все опять началось, и сам слег... А потом тамошнему главе сектантов пытался объяснить, в чем ошибочна их теория построения подобного будущего, которую они пропагандируют. В конечном счете, они решили, что я не верую истинно в судный день и Триединого, и вообще, отношусь к проклятому племени и лично виноват в эпидемии. Осудили на казнь сожжением. Мне повезло, что в этом мире остались смелые понимающие люди, – Насер говорил с болью в голосе и очень экспрессивно, явно до сих пор не мог поверить и принять происходящее вообще, и случившееся лично с ним – в частности.

– Уважаемый, – Кирилл с совершенно серьезным видом обратился к хавшику,

– у нас имеется вакантное место на должность политолога. А главное, нам необходимо создать и воплотить в жизнь самую простую, но наиболее действенную модель политического устройства нашего города. Он растет, и скоро потребуются вертикаль власти с различными уровнями, так что мы будем рады, если вы останетесь с нами и возьметесь решать эту проблему. За различные варианты мы будем голосовать после обсуждения на общем совете, но это необходимо сделать в самом начале, чтобы новенькие перенимали ту модель, которую мы уже примем и будем воплощать в жизнь.

Давид Насер преобразился, выпрямил плечи, довольно улыбнулся. Как мне показалось, Кирилл ему сейчас предложил исполнение его тайной заветной мечты. Разве мог этот, в принципе, еще молодой хавшик предположить в прошлой жизни, что ему представится такая возможность – создать свою политическую и социальную модель для общества, пусть и ограниченного размерами.

– Конечно-конечно, я согласен и постараюсь предложить вам наиболее оптимальные варианты... – Кирилл усмехнулся мягко и с пониманием, чем тут же успокоил хавшика, и тот замолчал.

Скорее всего, профессор уже погрузился в свои мысли и планирует, как лучше подойти к возложенной на него миссии. Клянусь Триединым, я еще больше восхищаюсь своим любимым мужчиной. Так много умных идей у него голове. Кирилл повернулся к Даниилу и, ожидая продолжения рассказа, уставился на друга.

– Что, ждешь окончание сказки, командир? Ну что ж. Из Салое мы

ушли. Не прощаясь. Шлялись без цели в поисках пристанища, но каждый раз случалась очередная напасть. В одном городе попали в заварушку между тремя бандами, те дружно решили, что мы тоже претендуем на их территории, снова пришлось уйти, правда, предварительно значительно проредив каждую из банд...

– В Салое шахты угольные, и бандиты, тоже прикрывающиеся верой, мужиков в рабов превращают, заставляют пахать на них, – в разговор включился Эльдар Каплун, кашлянул и продолжил рассказ. – Они просчитали, что зимой все к ним за углем пойдут, и тогда королями станут... Я отказался работать, когда Тимур сломал руку, а они его еще и избили за это, потом меня тоже до полусмерти избили. Но Даниил и его друзья помогли... разогнали охранников и освободили нас и мужиков из нашей шахты. Все кто куда разбежались. Но война началась, свято место пусто не бывает, как говорится. В общем, мы напросились к ним в компанию и очень благодарны, что нам не отказали.

– Ну, помыкались мы так еще пару месяцев, – инициатива разговора вновь перешла к Ротову. – Осень на дворе, семьи на руках, а пристраиваться куда-то надо. В одном практически вымершем городке на окраине устроились, думали зиму перекантоваться, а потом решать, как жить дальше. Пока продукты и склады, еще неразграбленные, искали, наткнулись на домик главы города, а там нашли этот вездеход и мощную рацию. Так с тобой и связались...

Кирилл с сослуживцами усмехнулись, причем похожими, только им понятными улыбками, словно переговаривались мысленно.

– Кстати, – Максим, удобно развалившись на стуле, включился в рассказ, – пока добирались сюда, проезжали через Злотич, и вынужденно познакомились с местным главой... банды. Волчара. Интересный такой. Марком кличут. После одной стычки мы немного пообщались и даже неплохо, вроде. Он город под себя подмял и строит всех.

Нас к себе приглашал, но услышав о тебе, и куда мы путь держим... Я думал, он взорвется от ярости. Умный мужик, быстро успокоился и сказал, что с такими врагами лучше дружить и сотрудничать. Мы ему позывные оставили на всякий случай, мало ли, вдруг пригодятся. Единственное, он сказал, чтобы твой Лис ему на глаза никогда не попадался, а то он своими руками доделает то, что его шавки не успели.

Кирилл переглянулся с Павлом, потом с мрачным Русланом и расхохотался. Через пару минут, наконец, успокоившись, поделился своим мнением:

– Знаете, мужики, а неплохо это, торговые пути развивать будем, и чем

больше знакомых и взятых под контроль городов, тем лучше для нас. Надо с ним связаться будет.

Руслан еще больше надулся. Паша, глядя на него, все никак успокоиться не мог, даже мы с Лидией во всю улыбались. Все-таки задело нашего пересмешника за живое.

Посмотрела на Наума Мосера, который сидел рядом с Назаром и неуверенно улыбался, не понимая, в чем причина смеха и, вообще, рассматривая нас подобно Лизе или Артемке. С детским любопытством, словно ему взрослые разрешили в их компании посидеть, но с условием, что не будет мешать и помолчит. Вот он и сидел, тараща серо-зеленые глаза, с азартом переводя взгляд с одного рассказчика на другого, будто ему занимательные сказки рассказывают. Не удержалась и спросила, обращаясь к Назару:

– А как вы... их встретили? – все замолчали в раз, и пропали улыбки, каждый понял, кого я имею в виду. Хотя Назар не смеялся – сидел отрешенной статуей все время нашего разговора.

– Подобрали пару месяцев назад, они по дороге шли... – тихо ответил глухим голосом, посмотрев на меня. – Катя сразу испугалась, и они в лес побежали, но мы их поймали. Даже не знаю зачем. Но действовали вместе и спонтанно... Наверно, каждый заметил, кто в этой парочке главный кормилец и защитник, и проехать мимо мы не смогли. Она почти не разговаривает, только иногда на вопросы отвечает. Но зато в компании Наум гораздо быстрее всему учится и становится все более самостоятельным и взрослым. Быстро все вспоминает. И Катюша расслабилась, наконец, а то вначале худая как щепка и затравленная как звереныш... была, – дальше продолжать не стал.

Наум, услышав что о нем говорят и даже хвалят, смутился и улыбнулся счастливо. А когда речь о Кате зашла, погрузился и взял со стола конфету. Перед ним уже лежала приличная горка фантиков. Но я заметила, что несколько он спрятал в карман жилетки и периодически поглядывает в коридор. Похоже, родительские инстинкты не изжить, и конфеты он для дочери припас. Так жалко девочку и этого молодого симпатичного мужчину. Я ощущала его магическую ауру, но определить ее специфику была не в силах. Надо с Катей поговорить и выяснить, какой у них с отцом дар, и помочь его развивать и направлять в правильное русло.

Ольга и девочки вернулись, посвежевшие и довольные – приятно посмотреть. У Кати глаза словно отмылись и щеки порозовели. Отправив в баню мужчин, мы с Ольгой и Лидией за чаем обсуждали, кому что срочно нужно и кого куда отправить отдыхать.

Тут я случайно заметила странный, не то нежный, не то признательный взгляд, с которым Руслан смотрел на Веронику. Так побитый пес смотрит на приютившего его хозяина который впервые в его долгой, трудной жизни накормил и приласкал. Еще не осознавая и не фря, перевела взгляд на девушку. Вероника щебетала с Ольгой и Катей, но неуверенно пыталась разговаривать и с Лидией. Она сейчас вела себя как подросток в пубертатный период – не старше двенадцати лет.

Многие из нас, понаблюдав за потеряшками и пообщавшись с этими несчастными, сделали определенные выводы. Память все теряли по-разному: кто-то полностью превратился в «овощ», кто-то напоминал малышей, которые только ходить умеют и обладают минимальными навыками, а кто-то просто забывал последние годы жизни, возвращаясь в детство или юность. Как Наум, например, или Вероника. Хавшик Тишка более серьезно все забыл, а моя Лиза лишь пару-тройку лет и своих родителей.

Руслан отошел к окну и оттуда наблюдал за девушкой уже пристальным изучающим взглядом. Я незаметно подошла к нему и тихо спросила, заставив вздрогнуть:

– Руслан, она потеряшка, и сейчас, ты же видишь, соблазнять ее все равно, что девочку-подростка...

Он скривился, с неохотой отвел взгляд от девушки, которая, активно жестикулируя, что-то рассказывала Лидии, и только потом ответил, твердо посмотрев мне в глаза:

– Против природы не попрешь, Кирюш! Вы все хотели, чтобы я свои инстинкты разбудил, ну что ж, один из них сам проснулся. Теперь я знаю... испытываю потребность защищать ее. Не хватает слов, чтобы объяснить. Сам только сейчас осознал свой инстинкт и пока притяжение слабо, как к ребенку, но я знаю, что скоро оно усилится, и что делать тогда – не представляю.

– Главное, что она теперь будет жить рядом, – погладила его по плечу, успокаивая. – Будем усиленно воспитывать и «взрослить». Посмотри на Лизу. Когда она пришла в себя, поведение у нее было как у трехлетней девочки, не старше. Всего за полгода, благодаря пацанам Димона, Михалычу и всем остальным, она уже практически соответствует своему возрасту. Тишка, вот, все на лету схватывает, с первого раза, и за месяц многому научился. Моторная память ему в этом помогает. Просто он долго с ребятней был, чему они его могли научить? А со взрослыми все гораздо быстрее вдет. Я уверена, когда Даниил ее нашел, она была в худшем состоянии, а сейчас уже ведет себя как подросток. Надо с ним поговорить,

думаю, что если ты признаешься ему... хм-м-м, в своих самых серьезных намерениях и инстинктах, то возможно, тебе не начистят симпатичную наглую лисью морду за приставания к его сестре.

Руслан посмурнел, как привязанный взглядом возвращаясь к Веронике и уже не отрываясь следя за ней, потом ответил:

– Ты права, Кирюш, надеюсь, когда ее братец будет отгрызать мне лисий хвост, ты попросишь своего сура вступиться?! – Хмыкнув, я снова хлопнула его по плечу.

– Я тебе его сам отгрызу, зачем уступать такое удовольствие другому? – Кирилл стоял сбоку от нас и подозрительно мрачно взирал на Руслана.

В первый момент я не поняла, отчего муж так зло смотрит на друга, а потом, проследив за его взглядом, я увидела, в чем причина – моя ладонь на плече Руслана.

Хмыкнула еще раз и, шагнув к Кириллу, обняла его, прикинув всем телом.

Заглянула в глаза, немного откинув назад голову.

– Кирюш, у нас проблема. У Руслана проснулся инстинкт защитника к Веронике. Ты сам видишь и понимаешь, в чем проблема... а тут еще ее брат может сказать свое веское «нет». Лису нужна твоя помощь.

– Я ее десять лет знаю, как с Ротовым познакомился, – изучающий взгляд Кирилла, которым он теперь смотрел на Руслана, стал сочувствующим, когда он перевел его на Веронику. – Она с детства всегда такая спокойная выдержанная и чересчур серьезная была. Фундаментальной физикой занималась, университет закончить скоро должна... была. А сейчас увидел и не сразу узнал, – тихо вздохнул и продолжил.

– Она в мать пошла, второе лицо – рысь. Дан тебе за нее не только хвост отгрызет, но и голову. Но если сможешь убедить его, что с тобой его сестра будет в безопасности и счастлива, он не будет против, так что все от тебя зависит, Руслан.

Скоро из бани вернулись мужчины. Ротов шел первым, надев только штаны, низко висевшие на поясе. Сразу вспомнила Кирилла в такой же экипировке, когда он в первый день вот так же вышел из бани. Один нюанс – с полотенцем на шее... Уверена, все дамы в комнате с трудом оторвали от Даниила взгляд. Даже беременные. Мощный торс и бычья шея, узкая талия и длинные ноги. Грудь покрыта темными волосками, придававшими ему еще большей мужественности и брутальности. Великолепное тело!

Поигрывая мышцами на груди, подошел к нам и с блеском в стальных

глазах уставился на меня. Кирилл рядом со мной напрягся до критического состояния, а потом, резко отлепился от меня и, подхватив за локоть друга, мертвым голосом процедил:

– Пойдем-ка выйдем... поговорим, – Даниил бросил на меня последний взгляд уже через плечо и, не сопротивляясь, пошел за Кириллом. Назар с Максимом хмыкнули, преспокойненько плюхаясь на диван, и на вопросительный взгляд Ольги ее муж ответил:

– Даниил так и не понял, что в этот раз Кирилл серьезен как никогда.

Услышав его слова, я напряглась, но в этот момент вздрогнула дверь подсобки, за которой скрылись мужчины. Потом дрогнуло бра на стене, видимо, об нее кого-то сильно приложили.

Грохот посыпавшегося инвентаря вызвал вполне добродушные улыбки на лицах Назара и Макса, зато остальные, включая меня, насторожились. Звуки мордобоя продолжались пару минут, но в тот момент, когда я уже начала искать способ все это прекратить, дверь открылась, и под заинтересованные взгляды наших гостей и друзей Кирилл как ни в чем ни бывало вошел в гостиную и подошел ко мне. Синяков вроде не заметно, но я неуверенно посмотрела на него. Мой любимый улыбнулся, а потом настойчиво спросил:

– Где то золото, о котором ты говорила?

Несказанно удивилась, придя в еще большее замешательство, но молча поднялась в спальню в сопровождении Кирилла. Достала из устроенного лично мной тайника в полу мешок и передала его мужу. Он небрежно высыпал украшения на кровать, недолго поковырялся в них и отобрал пару колец. Одно с двойным ободком надел себе, как я заметила, с восторгом, а второе – примерил на мой палец, с первого же раза угадав с размером. Поцеловав мои пальчики, провел моей ладонью по своему лицу, заставив почувствовать, что он так и не успел побриться, а потом, уже не торопясь собрал золото в мешок. Я убрала его на прежнее место, и мы, держась за руки, спустились вниз.

Даниил стоял посреди комнаты и взирал на нас с ухмылкой, несмотря на рассеченную губу. Взглядом коснулся наших сплетенных рук, на которых теперь сияли два кольца, сложил руки на груди и ехидно заметил:

– Вот теперь понятно, что она твоя пара, так что приношу свои извинения, брат.

Кирилл хмыкнул беззлобно, притянул меня к своему боку и объявил:

– Так, теперь решаем, как дальше поступить. Сегодня у нас ночуем, завтра определяемся с местом дальнейшего жительства каждого из вас. По дороге сюда вы видели несколько свободных домов. Честно говоря, хотел,

чтобы в них мои друзья поселились, – лица троих мужчин выражали признательность и расплывались в улыбках. – Затем регистрируем вас, расскажете о ваших умениях и способностях. В соответствии с ними распределим обязанности и обязательно познакомимся с нашей общиной.

До нового года мы всех благополучно разместили по домам. Несмотря на начавшиеся сильные морозы, жизнь продолжала бурлить. Таюгринцы часто встречались в мэрии, решая множество общих вопросов. А еще теперь часто спорили на тему политического устройства нашего города, модели которого предлагал Давид Насер.

Так же было решено, что Тюбрин надо постепенно хоронить, целыми домами погружать в землю. Там после страшной болезни осталось слишком много трупов в квартирах, и ненароком разбудить эту заразу снова никому не хотелось. Крупные предприятия, магазины, институты и различные ведомства оставить под будущую промышленную зону и деловой центр, а вот жилые дома разрушать магией и хоронить. За это проголосовали единогласно, да и жутко знать, что в нескольких километрах от Таютры находится сплошное кладбище неупокоенных и непреданных земле.

Каждый вечер Кирилл продолжал попытки связаться с теми, кого когда-то знал и с кем служил, пока многие молчали. Но как он порадовал меня однажды, к весне должна попробовать по зимнику добраться до нас еще пара его друзей с восточной части Россины.

На новый год мы устроили всеобщие гулянья, и впервые за этот год я чувствовала себя необычайно счастливой и свободной от тревог и плохих предчувствий, ощущая невероятную свободу.

Даниил все же разрешил Руслану ухаживать за Вероникой, а мы, особенно женщины, активно помогали девушке вернуть знания и «взрослили», но без фанатизма.

Со временем все придет, и Руслан, зная об этом, приготовился ждать свою женщину, сколько потребуется. Впрочем, Вероника – от природы умная и любознательная – довольно быстро вспоминала свои знания и навыки.

1 февраля

Сегодня прямо на собрании, в течение очередного обсуждения первостепенных задач на весну и лето, отошли воды у Инессы. Все мужчины дружно побледнели, разглядывая лужу у ее ног, зато более сильные духом в такой ситуации женщины тут же начали неторопливую,

обстоятельную деятельность. Столь же дружно покинув собрание, отправились во временный медицинский пункт, где вспоминали все, что им говорил врач перед этим, обучая принимать роды. Свен присутствовал там же, временно переквалифицировавшись в акушера.

Инесса оказалась не только первоклассным доктором, но и прекрасным организатором, и наставником. Стоило ей получить должность главного врача Таюгры, сразу же потребовала клинику. И теперь весной первое в планах – строительство изначально большого здания больницы с различными отделениями. Все приборы и оборудование мы перевезем из больниц Тюбрина. У Свена, как ранее обещано, в этой же больнице будет лаборатория.

Деятельные супруги Карсун организовали зимние медицинские курсы для женщин и отдельные для мужчин. Женщин Инесса взяла на себя, мужчинами Свен занялся сам, включив туда экстренную помощь во время боевых действий. Инесса считала, впрочем, как и Кирилл, что теперь каждый житель Таюгры должен знать медицинский минимум и уметь оказывать первую медицинскую помощь пострадавшим. Пока у нас только два врача, значит, должна быть грамотная квалифицированная служба доврачебной помощи, а проще – фельдшеры.

Взрослая дочь Марты и Семена и старший сын Димона поступили на обучение к Инессе, и все очень надеялись, что они в будущем смогут стать полноценными врачами. Димон с восторгом и гордостью смотрел на своего сына, при любом случае упоминая о милом его сердцу событии. Обычно это звучало: «А вот мой сын, он сейчас учится на врача...» Вообще, каждый день теперь приносил помимо забот еще и приятные сюрпризы.

Так что, вместе с занятиями по самообороне и военным действиям мужчины обучались теперь и медицинским азам. Кирилл с сослуживцами мотались в город в поисках новых переселенцев, искали еще нетронутые склады с продовольствием, осуществляли охрану территории и выполняли еще множество важных задач. Но каждую ночь мы с Кириллом любили друг друга все жарче и нежнее, и наши старания не прошли даром.

В феврале я узнала, что беременна и решила сказать об этом мужу в один из вечеров. Наши дети уже спали, а мы сидели перед камином, глядя на огонь, и пили чай, наслаждаясь тишиной и покоем.

– Кирюш, – потянулась к мужу и шепнула на ухо, так не хотелось нарушать тишину,

– у нас будет ребенок, еще один. Только в этот раз наш собственный.

Чашка в руках Кирилла резко звякнула о столик; он повернулся ко мне

и, взяв мое лицо в сильные жесткие ладони, заглянул в глаза. В его глазах отражались язычки пламени, казалось, подсвечивая набирающий силу смерч из восторга и благоговения. Погладил большими, немного шершавыми пальцами рук скулы, любуясь. Потом руки медленно скользнули по моему телу вниз, надавили на плечи и мягко уложили на диван. Сам же с невероятным трепетом положил ладони на живот, погладил, а потом и вовсе лицом уткнулся. Я перебирала его жесткие, коротко стриженные волосы, а любимый мужчина потерся о мой живот лицом, дрожа от переполнявших его эмоций. И я, наконец, поняла, что нашим детям достался самый лучший папа на свете. Когда-то Лида сказала мне, что суры – самые любящие и сумасшедшие родители, чересчур сильно привязанные к своему потомству. Я заметила такое отношение к нашим приемным детям, но вот увидеть столь откровенно трепетную реакцию на сообщение о нашей беременности не ожидала.

Мы еще какое-то время посидели, прижавшись друг к другу. Руки Кирилла постоянно касались моего еще плоского живота, и я буквально утопала в его объятиях и источаемой им любви и нежности. Потом поднялись в спальню, и в ту ночь меня любили осторожно и так несказанно нежно, что в конце, когда мы оба смогли, наконец, перевести дух, я расплакалась. Кирилл всполошился, испугавшись, что причинил мне боль, и пришлось полчаса шепотом успокаивать его. Точнее, я рассказывала, о том, что его нежность и любовь потрясли и переполнили меня эмоциями, что я безгранично люблю его и счастлива и что... Эту ночь мы оба, я уверена, не забудем никогда и не важно, сколько детей у нас еще будет, но такую близость, которую мы испытали, многие лишь мечтают прочувствовать, а у нас она была.

4 апреля

– Шлеп твою в грязь... закрепил стропила, Руслан, ты что, хочешь чтобы вся эта конструкция тебе на голову рухнула? – Кирилл орал на горе-строителей.

Снег уже сошел, но земля еще не оттаяла, да и по ночам все еще подмораживало. Инесса в слинге, где посапывал их со Свеном сын Дирк, стояла с планом в руках и ворчала на мужчин, требуя более ответственного подхода к строительству больницы. Для здания мы нашли уже готовый каменный фундамент недостроенного большого дома. Сейчас мужчины работали не покладая рук, возводили стены и крышу. Надо торопиться, ведь скоро все силы надо будет перебрасывать на сельхозработы.

Народу прибавилось, и к апрелю все готовые дома в Васино и большая часть в Таюгре были заняты. Так что после строительства клиники наш совет принял решение достроить дома для новеньких и возвести школу. Точнее, школа Таюгры будет совмещать в себе сразу три ступени обучения: детский сад, младшую и среднюю школы, а так же высшее учебное заведение по различным специальностям. Тем более, уже есть несколько преподавателей.

На Марту возложили руководство детским садом, Зинаида выбрала младшие и средние классы. Давид Насер взялся преподавать историю, географию, политологию и близкие им предметы. Профессор Сории – бывший декан медицинского университета – будет преподавать биологию и анатомию. Кроме того, вместе со своим бывшим студентом Свеном Карсуном они организовывали лабораторию. Пока у Свена дома, но как только клиника будет достроена, перевезут все оборудование туда. Валентина Ивановна, имея инженерное образование, выразила горячее желание взяться за технические науки, все равно пока ТЭЦ у нас нет, и в ближайшее время она не потребуется, но в перспективе...

Итак, директором школы стала Зинаида Серая, детским садом – Марта, а высшую школу возглавил Давид Насер.

Хавшики традиционно образовали небольшую группу и жили в доме Михалыча, который они все вместе решили перестроить и расширить. Зимой к нам прибилась еще парочка представителей чешуйчатого племени, и новенькие поначалу держались напряженно, но видя стремление к общему благоденствию вне зависимости от расовой принадлежности, влились в коллектив равными участниками. Все хотели жить хорошо.

Катя и Наум Мосеры, как выяснилось, обладали достаточно высоким уровнем магии, специализируясь в области металловедения, что для нас жизненно необходимо. Соответственно, у Наума тоже инженерное образование, правда, жаль, что воспоминания о нем пока не вернулись. В результате, с их помощью под руководством очень деятельного электрика Сергея Васильева, которого тоже в Таюгру пригласили Карсуны, принялись строить ветряки для выработки электрической энергии. Васильев две недели ломал голову, как воплотить в жизнь свою давнюю задумку, а как только узнал об умениях Кати и Наума управлять металлом, принялся за воплощение своей мечты в жизнь. Оказалось, он не только электрик, но еще и неплохой конструктор. Но в той жизни у него не было возможности развить свои таланты, зато сейчас все с восторгом и энтузиазмом принимали к исполнению его новые задумки и помогали новоявленному умельцу воплощать их в жизнь.

– Инесса! Инесса! – топая здоровыми башмаками, к нам, размахивая руками, спешил Павел, с перекошенным от ужаса лицом.

Все моментально напряглись в ожидании плохих новостей. Я в это время собиралась накрывать на стол, чтобы строители пообедали здесь же, не тратя время на походы по домам, да так и застыла. Кирилл подошел ко мне, когда Павел уже добежал до нас и в панике прохрипел, хватаясь за врача:

– Инесса, бежим скорее, Лида рождает. У нее воды сейчас отошли и ей больно... – На Павле лица не было, зато все свободно выдохнули, а по лицу Кирилла поняла, что ему слишком хочется прибить друга за панику.

Поставила корзину с едой и термос с чаем на лавку и побежала за Инессой вместе с Мартой и Зиной. Вернее, мы быстро пошли, ведь Зине тоже скоро рожать, да и мне осенью тоже.

Лида, стоная, ходила по комнате, но увидев нас, радостно улыбнулась. Вскоре Лидия благополучно разрешилась. Все прошло на удивление легко, и я сама уже воспринимала этот поначалу казавшийся жутким процесс без такого страха как раньше. Ведь сама скоро стану матерью и с нетерпением жду этого события. А уж как мой Кирюша ждет, словами не передать!

После расширения Таюгры на окраинах города организовали блокпосты с круглосуточным дежурством и связью по рации. Но народа не хватало катастрофически.

С ростом Таюгры уменьшались территории Тюбрина. Мы с Зиной под охраной мужчин уже в марте вплотную занялись старым городом и, используя магию земли, разрушали и хоронили целые дома, проверяя их предварительно на наличие живых.

Потом погружали в землю, запуская процесс разрушения. За две недели расчистили два квартала, оставляя лишь нежилые здания вокруг небольшого кирпичного завода. У нас как раз поселился маг, который работал на нем, и теперь, взяв себе в помощники парочку пацанов, он начал производство кирпича. Событие мы отметили всей Таюгрой, ведь это первое производство, которое мы запустили спустя всего год после катастрофы.

В мае в нашем поселке появилось еще одно многочисленное семейство. Служитель Триединого, вывел свою семью из леса и хотел присоединиться к нам. Но именно этот случай заставил Кирилла вынести вопрос на совет. Батюшка, его жена и пятеро детей не переболели. Как только пошла вторая волна эпидемии, батюшка сделал выбор между семьей и служением Триединому – увел семью на старый заброшенный скит далеко в лес, и там они пережили смутное время. А сейчас, убедившись в

том, что беда миновала, захотели вернуться к людям. Пятеро детей и двое взрослых не хотели быть полностью отрезанными от мира. Но теперь наши сомневались, стоит ли их пускать в Таюгру. Если отшельники заболеют, возможен новый виток болезни...

Многие проголосовали за то, чтобы не пускать их в город, но Свен с профессором Соринным предложили привить их и даже создать вакцину для подобных случаев. Ведь они, возможно, будут не единственными, и нельзя отказывать в руке помощи себе подобным. Так у нас в церкви появился новый батюшка, который первым делом провел сразу несколько обрядов венчания и крещения. Нас с Кириллом в том числе. Свен и профессор Сорин смогли разработать на базе старой новую вакцину и привили семью священника, заметно ослабив напряжение среди населения.

Я иногда вспоминала прошлое лето и все, тогда со мной происходившее. Нынешнее лето тоже наполнено заботами не меньше прошлого, а может и больше, но рядом друзья, мои дети и, главное, Кирилл, который, только прикоснувшись, заставляет чаще биться сердце, наполняя его счастьем и любовью. И это помогало перенести все трудности и сглаживало все неприятности, если те возникали.

В сентябре, прямо во время сбора урожая, начались роды и у меня. На сутки мои друзья выпали из жизни. Кирилл вообще чуть с ума не сошел от страха. Но вся боль, испытанная мной, стоила того, чтобы увидеть с каким трепетом, осторожностью и благоговением мой мужчина берет на руки небольшой пищащий сверточек с новорожденной доченькой. Да-а-а, не повезет моему будущему зятю с тестем...

3 года спустя

Добрый буквально летел по дороге, а у меня в ушах шумел ветер. Волосы развевались на ветру, а сердце колотилось от восторга. Обожаю этого коня и люблю быструю езду. Заметив странную группу народа впереди, притормозила, достала пистолет из кобуры и, внимательно глядя на приближающихся людей, прищурилась, изучая их.

Пятеро бородатых мужчин, скорее всего давненько не брились, в пыльной, забрызганной грязью одежде. Еще бы, август нынче выдался на редкость дождливым и прохладным. Рядом с ними двое наших постовых с блокпоста возле трассы – Андрей и Никита, которым всего по пятнадцать лет только-только исполнилось. Хорошие и смелые парни-чувствующие, но несмотря на юность наивностью и глупостью не страдающие. Раз ведут

незнакомцев к нам, значит что-то серьезное.

Подъехав к бородачам, кивнула всем, потом, не спуская глаз с пришедших, спросила Никиту:

– Что случилось, почему, ты не связался с главой?

– Батарейки сели, Кира Юрьевна, – Никита смутился и тихо продолжил. – Эти люди предлагают сотрудничать. Они с Севера и хотят с нами торговать.

Я снова быстро окинула незнакомцев взглядом, потом проверила окрестности. Достала рацию и связалась с Русланом. Наш полицейский оказался неподалеку, искал отбившуюся от стада корову и уже через пять минут присоединился к нам. Парни ушли на пост, а мы с гостями отправились в мэрию.

Кирилл стоял возле одного из загонов, где по кругу бегало стадо лошадей. Михалыч рассказывал мужу, кого из этого молодняка пускать на разведение, а кого – под седло. На руках Кирилл держал нашу дочь, через месяц ей будет три годика. На заборе сидел уже совсем повзрослевший шестнадцатилетний Олег и флиртовал с одной из девочек его возраста. Лизу я не заметила, значит, она побежала к подружкам. Только мать с глаз долой, и наша хитрюга-лиса забывает обо всем, кроме подружек. И Кирилл ей ни в чем отказать не может. Как выяснилось, ему вообще своим девочкам, как он нас называет любя, сложно говорить «нет», и мы дружно этим пользуемся. Зато из Артема Кирилл упорно делает воина и защитника, и вкупе с его магией огня, которую пестую уже я, наш приемный сын обещает вырасти необыкновенным мужчиной.

Завидев незнакомцев, Кирилл напрягся. Я спрыгнула с Доброго и забрала у мужа дочу, быстро рассказав о цели визита. После этого мужчины ушли в мэрию на переговоры.

Год назад развернули торговлю со Злотичем и Миргородом. Злотичем руководил Марк – тот самый волчара, который чуть не прибил Руслана, подгрел под себя город и довольно неплохо управлял им. Жестко, но как выяснила наша разведка, справедливо.

Город нас интересовал из-за находящихся там соляных шахт, и поэтому первый опыт торговых отношений мы приобрели именно там. После него настал черед и Миргорода. И в связи с осуществлением торговых операций возникла проблема оплаты. Пока совершали товарный бартер, но скоро этого станет недостаточным, значит, нам понадобится валюта. И не только для внешнеторговой деятельности, но и для внутреннего оборота. Мне как экономисту первой эта мысль пришла в голову, о чем я тут же сообщила на совете.

Для осуществления столь важного мероприятия мы облазили весь Тюбрин и теперь казна Таюгры обогатилась новенькими полновесными золотыми, серебряными и медными монетами. Чеканку поручили нашему местному умельцу, но под контролем полицейского. Это нововведение в очередной раз продемонстрировало, как нам повезло с жителями Таюгры, насколько образованными мы были и привлекли специалистов к разработке стратегии управления, тактике и множеству процессов, которые простому сельскому жителю было бы даже не вообразить.

К вечеру каждый таюгринец знал, что пятеро бородачей с севера хотят продавать нам бензин, рыбу и морскую соль и еще довольно широкий список товаров, а взамен они хотели продовольствие и некоторые новинки, которые заметили, пока добирались к нам. Например, ветряки, обеспечивающие электричеством. На севере подобные штуки крайне необходимы, и в ветрах недостатка нет.

После переговоров и, как считали обе стороны, удачной сделки в таверне торжественно чествовали новых внешнеторговых партнеров. За три года мы даже таверну построили, где теперь празднуем, приходим отдохнуть по вечерам, устраиваем танцы и многое другое. И это редкое событие немного отвлекло от напряженной страды. Каждый таюгринец теперь ценил подобные моменты, когда можно расслабиться и весело отдохнуть. Спустя три дня делегация, получив благословение батюшки, уехала за товарами для обмена. Все понимали, это уже не первые, но и не последние ласточки нового бытия. Жизнь налаживается.

Эпилог

55 лет спустя

Восхитительный запах хвойной смолы и сухой травы ласкал обоняние. Солнце припекало, но даже горячие лучи не заставят меня спуститься с укромного местечка и покинуть жаркие любимые объятия мужа. Сенокос шел полным ходом, а мы решили вырваться из стремнины дел и повседневных забот и уделить время друг другу. Так что голубой небосвод над головой, яркое солнце и душистый стог сена у кромки леса, в который мы спрятались от всех, дарили чувство внутренней свободы и ожидание романтического приключения. Мы лежали на скомканной одежде, которую недавно в горячке страсти срывали друг с друга, но я все равно чувствовала некоторыми чересчур чувствительными местами, как сухие травинки впиваются в обнаженную кожу. Мы приходили в себя после умопомрачительной близости. Мы плавилась и сгорали, сходя с ума от непереносимого желания пока, наконец, не разлетелись на тысячи осколков...

Перебралась повыше, забираясь на Кирилла и распластываясь по нему. Заглянула в любимые глаза, где по-прежнему видела небеса, несмотря на прожитые годы, обвела пальцем контур лица, потерлась носом. Сильные руки мужа прижимали меня и поглаживали по вспотевшей спине, а вскоре и губы вновь заскользили по моей шее, целуя и пробуя на вкус. Пять десятков лет прошло и пятеро детей родилось, но наша страсть и любовь становятся только крепче и глубже. Они просто перешли на уровень жизненной необходимости. Теперь я абсолютно уверена, что жить друг без друга мы не сможем. Я – сердце Кирилла, а он – моя душа.

Пять лет назад Кириллу пришлось возглавить военный поход, и два месяца его не было рядом. Тогда я чуть не сошла с ума от страха. Таюгра сильно разрослась за пятьдесят лет, и к нам продолжает приходить все больше и больше народа. Ведь мир полнится слухами, а не везде так хорошо, как у нас. Да, Кирилл очень жесткий, а порой и жестокий правитель, но за все время никто ни разу не усомнился в нем. Каждые пять лет его выбирали единогласно на пост теперь уже президента республики Таюгра.

Когда у нас лет тридцать назад завелась сначала секта, а потом и новая банда, Кирилл принял свод из пяти законов, дополнив ими, тот, самый

первый, принятый в первый год после катастрофы. Позже их все так и назвали – свод Силуянова. Теперь любому уличенному в бандитизме, насилии и грабежах со смертельным исходом грозила смертная казнь. Но зато по улицам Таюгры любой житель мог ходить в любое время дня и ночи, мог не бояться за свою жизнь или за своих детей. Всем помогали, но тунеядцев не терпели, и об этом тоже все знали. Каждому по труду и заслугам – этот тезис был закреплён законодательно.

Все это способствовало тому, что в Таюгру со всего континента стали съезжаться все новые и новые семьи. А кто-то просто в поисках защиты. Так, лет десять назад к нам начали стекаться беглые рабы или беженцы из Салое, где бесчинствовала банда сектантов, культивировавшая рабство и опиравшаяся в своем развитии только на этот институт власти.

Спустя пять лет Кирилл, организовав войско и заручившись поддержкой Злотича и Миргорода, выступил против Салое и сектантов. Объединенные силы вычистили то место до основания, освободив тамошний народ, и помогли ему основать новый город. Как потом заявил Кирилл на совете, подобные темные места в своих тылах лучше не оставлять, они имеют тенденцию разрастаться и заражать гнилью другие. Спорить с ним никто не стал. За эти десятилетия большинство жителей Таюгры убедились, что их президент никогда не ошибается и ему верили безоговорочно.

Я, конечно, знала, что мой Кирюша, бывает, все же совершает ошибки, но в серьезных ситуациях он непогрешим. А главное, я люблю его до глубины души, и даже его недостатки с годами становятся для меня своеобразными достоинствами. Ведь непогрешимых и совершенных не бывает.

– А что это вы там делаете? – знакомый голос заставил нас с мужем прервать поцелуй и насторожиться, прислушиваясь. Снизу раздавалось тоже знакомое хихиканье.

Мы быстро оделись, едва сдерживая смех, а потом, окинув друг друга взглядом, проверяя одежду, скатились по соломе вниз. Там ожидал Руслан с пятилетней дочерью Валею на руках, а рядом стояла Лиза, держа за руки своего трехлетнего сына Кирилла и нашего шестилетнего Егорку.

Кирилл подхватил нашего младшенького на руки и, с ухмылкой посмотрев на друга и Лизу, сказал:

– А вы никак не меняетесь, да? Каждый раз я со страхом жду этого глупого вопроса, стоит мне уединиться с женой.

– Папа, ты так часто уединяешься с мамой, что иногда вполне можно и прерваться, чтобы поболтать с нами.

Лиза взяла под руку отца, весело поглядывая на него хитрыми зелеными глазами. Она десять лет назад вышла замуж за полиморфа, который полуживым, одним из первых беглецов из Салое добрался до Таюгры. Тоже лис, но выдержанный и спокойный, в отличие от шустрой, импульсивной Лисаветы. Теперь у нас есть внук Кирюша и, как сдохмил Руслан, мы скоро целый клан Кирюх наделаем всем семейством.

Кирилл пытался шутить в таком же духе на счет самого Руслана и его жены Вероники, но таким язвительным острым юмором как наш Лис не обладал. Руслан только брата своей жены побаивался, Даниила Ротова. И то первое время, потому что боялся, сур не разрешит ему жениться на любимой женщине. Вероника быстро «повзрослела», а уж влюбилась в Руслана еще быстрее. Но к смущению Лиса, все их трое сыновей – рыси, поэтому рождение дочери-лисы стало для ее отца небывалой радостью и гордостью. А то Руслан уже по секрету Пашке жаловался, что у него комплекс неполноценности выработался, получается, жена доминирует в их семье, вот дети и рождаются сильнее своего папаши. Ну естественно, Павел тут же посекретничал с Кириллом, а случайно услышавшая (Равно – подслушавшая, но кто же ее осуждать-то будет?) Лида – со мной, а я – с Вероникой, ну а та – с братом и так далее...

За прошедшие годы все наши друзья нашли своих половинок, даже вечно мрачный Назар встретил маленькую молодую женщину с двумя ребятишками. Отбил ее у бандитов во время одной из торговых миссий. Теперь это самая прекрасная любящая семья, какую только можно встретить. Оказалось, у Назара очень даже широкая обаятельная улыбка, когда он смотрит на свою Дашеньку.

Были в нашей жизни и невзгоды и трудности, и горе случалось и, думаю, еще будет, но пока мы все вместе, и любовь освещает наши сердца и согревает наши души, цвет нашего жизненного пути будет чаще белым, чем черным.

Дарите любовь близким и родным, чаще улыбайтесь и свет ваших улыбок, возможно, осветит чей-то темный день. Любовь и улыбки – это тот вирус, которым не страшно заразиться!